

№2

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ ЧИНГИЗА ГУСЕЙНОВА

3

ПРОЗА

Сабир РУСТАМХАНЛЫ. <i>Последнее слово академика. Роман</i> (Окончание)	13
Руфат МУСТАФАЗАДЕ. <i>Мегамоzg. Рассказ</i>	102
ЛАЧИН. <i>Демон а капелла. Рассказ</i>	112
Марат ШАФИЕВ. <i>Рассказы</i>	125

ПОЭЗИЯ

Самир РАДЖАБОВ. <i>Дочь палача. Проза в стихах</i>	91
ПЛАТИН. <i>Стихи</i>	109
Марат ШАФИЕВ. <i>Пародии</i>	132

ПУБЛИЦИСТИКА

Фарид АЛЕКБЕРЛИ. <i>Гусейн Байкара – диссидент по призванию</i>	93
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Деградация. Дети и старики. Эссе</i>	96
Теймур ДАИМИ. <i>Живопись ощущений</i>	116
Данута ХМЕЛОВСКА. <i>Творчество Рафаила Тагизаде в польской литературной критике</i>	120

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 26.1. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

ПАМЯТИ ЧИНГИЗА ГУСЕЙНОВА

ПРОЩАНИЕ С ПАТРИАРХОМ

От Луки: «Ибо не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима».

Чингиз Гусейнов был если и не пророком, то личностью планетарного масштаба, пытавшего примирить три монотеистические религии: иудаизм, христианство и ислам. До последнего часа не терявший вкус к жизни, с потрясающей памятью, не идущий на компромиссы – в апреле 2024 года ему могло бы исполниться 95 лет. Но 9 января завершилась лишь его земная жизнь, в космической ноосфере она продолжается покровительницей и стражем интересов родной страны – Азербайджана. С Чингизом Гусейновым меня заочно познакомил в 2009 году его старинный друг – Тофик Агаев. Мы вступили в редкую переписку. Сколько раз я говорил себе: надо привести записи в порядок, но казалось, что Ч.Г. (60 лет он активно участвовал в литературном процессе не только в качестве художника) будет всегда. В будущую его агиографию и мне хочется внести свои достоверные свидетельства – извлечениями из нашей переписки (моё письмо идёт курсивом) и из своего Дневника.

2009

(...) А теперь постараюсь ответить на Ваши вопросы (хотя от мороза, сидим на московской даче при t 12-14, слабая подача газа, бедная по газу страна экономит, мозги плохо работают). (...) Работа над «Мераджем», а точнее – над первоначальным кораническим повествованием «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» было временем поистине мистическим, удивительно насыщенным духовным подъёмом, я жил в состоянии каждодневного общения с пророками (кое-какие детали расскажу при встрече – она, надеюсь, когда-нибудь состоится)... Кстати, я недавно выступил в Политехническом музее с лекцией на тему: «Коран в контексте Библии: образ Христа». (...) Если расставить суры так, как они ниспосланы, к моему удивлению, я даже был ошарашен, получилась совершенно другая книга, с чёткой логикой, и сразу стало ясно – об этом я говорил в лекциях, – почему был ниспослан Коран, а она – книга великая, если захотеть это увидеть без предубеждений, всё зависит от ниййета¹! Так что любые методологии анализа приемлемы, если, повторяю, он не ведёт к противопоставлению Корана другим книгам, ислама – другим религиям, не оскорбляет – в широком смысле – другого и, так или иначе, служит Большой правде. Я, кстати, узнал, работая над произведением, про Джихад Пера – говорить не просто правду, а Большую правду, к чему я никого, разумеется, призывать не хочу (ибо рискованное дело: её не хотят знать не только властные структуры, служащие Дьяволу, но и массы, толпа, чернь, даже т.н. народ, который жаждет оставаться рабом), но чего пытаюсь придерживаться сам. (...) Творить кумиров – дело пакостное, а не сокрывать явные изъяны (прочитайте, если не читали, мои заметки о Самеде Вургуне или Микаиле Рафили) – это вовсе не оскорбление, если при этом соблюдается мера

¹ Ниййет (азерб.) – цель.

или дурные качества зачисляются в разряд общечеловеческих слабостей, ибо свойственны и тебе тоже... Так что не оскорбление, а сожаление, что, увы, слаб человек. А тут ещё вступает в силу закон: о мёртвых – или хорошо, или ничего, и потому, дурной человек, уходя в мир иной... – был осёл-ослом, а «уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог». Но всё это из области таких неразрешимых противоречий, как: что было раньше – яйцо или курица; что выше – истина или добро; тот же Пушкин, кстати, говорил, рассуждая о воспитании человека, что критика – это школа, а похвала – университет. Письмо получилось длинное, но хоть немножко мозги согрел. Чингиз Гусейнов.

Мне попала интересная информация о «Мекканских откровениях» (Футухат ал-макийя), в которых Ибн Араби описывает свои встречи с духовными сущностями. Бог открывает себя, но... Соратники Пророка (включая Омара) не узнали Джабраила, сошедшего в образе бедуина. И тогда Бог принимает форму, обладающую понятным им знаком. Шейх Ибн Араби не говорит, что это за знак, потому что знаки устанавливаются и отличаются в каждом конкретном случае. Духовный искатель может быть введён в заблуждение видениями, если только не явится знак. «В противном случае, если он только благочестив, то признает, что ему причудилось нечто, в чём нет точного знания» (Футухат). Есть химия, но нет Откровения. Согласно Ибн Араби: всё, кроме сущности Бога, есть «вмешательство воображения и ускользающая тень... претерпевающая изменения от формы к форме непрерывно и вечно. И воображение есть не более чем это... Таким образом, этот мир проявляет себя лишь в воображении». Каждый поклоняется Ему в той мере, в какой Он был вымыслен внутри самого поклоняющегося.

Марат, отлично! И – как раз любопытный импульс к одной моей давней-давней работе, не раз начинал и не раз бросал. Будто Вы уловили, что мне надо, какой такой кручёно-перекрученный оборот, замысловатость – чтобы упрямо двигаться вперёд. Впрочем, мой замысел-воображение может стать завершённой (даже не печатной!) реальностью, боюсь, не скоро, а «нескоро» – это для меня вполне созвучно слову «никогда», синонимично ему. Буду уповать на доброе ко мне отношение Всевышнего: идея-то внушена мне Им.

2010

(...) Писателей много, много хороших. А пустопорожного словоговоренья еще больше. Чтобы уравновесить мир, нужно удерживать и Полюс Молчания.

Восхищён вашим переводом Руми – беру строку про молчание на вооружение (с указанием, разумеется, переводчика). Рад, что у нас с Вами шахматная болезнь (...) (иншалла, когда-нибудь поближе).

Апрель

Дорогой Чингиз-муаллим, взяв у Тофы, начал читать, – к своему стыду, впервые – ваши романы. Человек, считавший себя писателем, обязан о литературе знать всё... Первые мысли, приходящие в голову во время чтения: «Магомед, Мамед, Мамиш» – как же Имя зацепило вас с самого начала (не подсознательное – предсказанное). И это нивелирование имени так похоже на снисхождение Иисуса до нулевой точки – ада, подготавливающее всеобщее спасение. (...) Для меня «шестидесятые» – это Максуд («И не было лучше брата»), Рустам («На 9-й Хребтовой»), Анар («Шестой этаж пятиэтажного дома»), Айлисли («Над Курой в тёплых лесах»). Теперь в этой шеренге и ваш «МММ». Соблазнительно, расставить выше, ниже на пьедестале, но... Чингиз – эпичнее, Максуд – художественнее (писание – это пиршество слов),

Анар – лиричнее, Рустам – психологичнее. Как в гоголевской «Женитьбе». Духовное поле оказывается нескончаемым, никто никому не конкурент.

(...) Работаю уже лет семь над одной штукой, нечто современное, трижды начинал и бросал, на сей раз, кажется, что-то нащупал, а может, иду к очередному ту-пику?.. Такие дела. Ч.Г.

(...) Может, мы и профуфукали нашу жизнь за письменным столом, но зато это, признаемся, доставляло нам удовольствие, это была работа прежде всего для себя... Раньше (может, ошибаюсь) была вера в возможности и даже силу слова; надежда, что хоть кто-то слышит, кому-то это нужно, теперь всего этого нет, но осталась прежняя радость и уже твёрдо и осмысленно пишешь для себя, и всё это называется жизнью данного конкретного человека, и ничего другого придумать не дано. Впрочем, пиши-не пиши, читай-не читай, возмущайся-не возмущайся, а жизнь всё равно стремительно бежит, а там, за хребтом, разве всё и вся не профукивается? Ч.

(...) Выделил для себя из добротных Ваших виршей характерные для собственного состояния слова: спешить, нетяжкая, труска и усушка, порожний, что-то станет и от нас (хорошо если действительно станет!), порожний, а «устроен» в моём случае звучит как «устроен», когда-нибудь, дай Бог, узнаете, а пока секрет. Ч.Г.

Какие секреты, когда вы проговорились – наверняка пишете трилогию, свой «Ад», «Чистилище» и «Рай». Как люди по-разному устроены: одни всё скрывают, чтобы «не сглазить» дело, а вот я всегда забегаю вперед: ещё только в замысле – а говорю как о законченном, чем шире круги от брошенного камушка, тем лучше. Назвался груздем...

(...) Прочитал пока несколько стр. «Фатального Фатали». Видно, что писано с удовольствием. Удовольствие возникает, когда бег пера летуч, есть достаточный материал и надо лишь отсеивать (мука – этот материал искать), а не натужно, на ходу латать лакуны. (...) «ФФ» – настоящий бурлеск жизни, нисколько не устарел, ибо непреходящее: Кавказская война, геополитика и человеческая судьба – что-нибудь значит или песчинка, унесенная ветром? «...Народные гулянья по всей империи, иллюминации – заставить забыть проигранную войну, и звон кандалов, всюду кости, скелеты, черепа...» – вот ведь и в Губе найдены новые костные останки, а на полях войн мировых никак не переведутся. Хорошо про тифлисскую оперу – стихотворение в прозе с внутри-созвучием: «фанфары фараонов, феерические эффекты, фейерверки»; сон Фатали (полёт с Александром в Зимний и – какая дерзость! – за царя говорить). Ничего не забыто: желание Лермонтова писать о Кавказской кампании (для чего встреча с Ермоловым); Пушкин: кого везёте? Грибоеда; Бестужев и Чавчавадзе, и колокол Герцена (одни Александры, поверьте, не подобрал примеры, сами выстроились), и Мирза Шафи и шах Аббас, и смерть детей (как у Мухаммеда), и высокие фуражки с красно-зелёными полосками на околышке, медали и ордена с бантами, подвязками и без, даже (отмечаю мимоходом): «машем картонными мечами, торговцы пафосом, танцующие на фразе» – эпиграф из стихотворения Лермонтова, чей? о! О. Барбье. И многое другое, черта лысого, многое известно, но, разрозненное, наконец, соединилось под одной обложкой. Может, только нет невозможного и незабвенного: «но зачем пережила тебя любовь моя?», грузинки к надгробью прикладывают камушек, если прилипнет, значит ещё в этом году выйдет замуж. Тубу – жена, но и древо мусульманского рая. И Колдун (у меня почему-то сразу ассоциируется с Хызром), с родинкой (ваш портрет): не только камушки в торбе, но и Бешбармак – его дело. (...) И ужас и восторг одновременно (было ещё однажды, когда читал «Антихристианин» Ницше), вы понимаете о чём? не встречал ничего более мужественного и неопровержимого в фактах против... как Имя произнести? неужели документ? (где достать «Письма» Фатали?), «подставное лицо, быть этого не может,

чтобы мусульманин!» – но вы же переписали рукой недрогнувшей, а потом «Мерадж», что это? эволюция духа или, подобно Оводу, одной рукой писать революционные памфлеты, а другой... И разъяренная толпа, и протесты посольств, и требуют выдачи, судить по шариатскому суду – не сегодняшние ли карикатурные войны, Рушди? Ничего не меняется. А вдруг в этом спасение? Пугают технологической цивилизацией, киборгами, но костен, неподатлив человеческий материал, не обнаружился бы только ген бессмертия. Расшифровали кноские таблички – около 15 в. до Р.Х.: «Плотник Тириэй не вышел на работу».

И выписываю себе на долгую память (ибо согласно моему опыту; истинно только то, что испытано): «Мир существует без предшествования ему небытия, и конца миру не последует! И времени и пространству нет ни начала, ни конца. Ад и рай есть вымыслы человеческого воображения. Светопредставлением для каждого человека считается смерть его. Всякому умному человеку по указанию священного дара человечества – разума – следует быть добродетельным, благородным и безвредным. Такой человек считается на истинном пути. Он может избрать себе какой ему угодно образ жизни, который найдёт для своего существования полезным».

Спасибо за доставленные часы счастья.

(...) На местном собрании некто сказал, что с утратой арабского потеряли мы, кроме Корана, средневековые диваны (не добавил: и кучу устаревшего по медицине, астрологии, теологии). И вдруг девушка-студентка вскочила, заговорила пылко, убеждённо: после Ахундова, Сабира нельзя на попятную! Под чадру. Фатали – нержавеющее, остроразящее оружие. До сих пор.

(...) ФФ – много лет счастливой жизни, но – в тумане. Было немало всякого таинственного и странного в процессе сочинения (потерянные куски-страницы, фразы, кем-то вписанные – не помнил, что это мои...), трудности с прохождением и т.д. А сколько лингво-загадок, когда создавал азерб. оригинал Фетели Фетхи (27 листов на русском, 43 на азерб)!.. «Главный вопрос», как Вы это обозначили, Фатали и Мухаммед – не только Ваш, подобное мне задавали не раз, и даже в прессе какой-то азербайджанский то ли критик, то ли читатель, пропечатал подобный вопрос в виде скрытого упрёка; к этому у него примешаны были в качестве, как вы пишете, двух противоположных – на разрыв – сил, также две другие исключаящие друг друга фигуры, оба данные со знаком плюс в романе «Доктор N» – Нариманов и Мамед Эмин. Ответ на Ваш вопрос и простой, и сложный... Начну формулировать, это может вылиться в любопытное исследование, так что потерпите, хотя у такого мыслящего и уникального эрудита, как Вы, могут быть априори и свои суждения по этому поводу с учётом природы художественного творчества, психологии творчества... Ждите, как говорится, ответа. Ч.Г.

У Достоевского («Хозяйка»): мухи на рафинаде. Вдруг вспомнились черные мухи вашего Колдуна. А отсюда рукой достать до гоголевского Колдуна «Страшной мести». Полет ФФ в Зимний – не продолжение ли полёта кузнеца Вакулы за черевиками? А полковничьи погоны Бакиханова?! живущие отдельной жизнью. То ли «Невский проспект»: «и подруга эта была не кто другая, как та же шинель, на толстой вате, на крепкой подкладке, без износу», то ли «Нос». Все мы вышли из гоголевской Шинели: Акакий Акакиевич – Фатальный Фатали – словесная маска уже потеряла связь с семантикой, закрепились на звуке (фонетике): Иван Иванович/ Иван Никифорович; дядя Митяй/ дядя Миняй; Кифа Мокиевич/ Мокий Кифович. И эти реминисценции сигнализируют о вашем вхождении в мировую литературу. Вот ведь и Нос – разве Гоголя? в его время распространённый сюжет: Стерн «Тристрам Шенди», Марлинский «Мулла-Нур». Тынянов обнаружил в «Сыне Отечества» за 1820 г. (№ 35), 1822 г. (№ 3) статьи о ринопластике – органически восстановленном носе.

В восторге от потока Вашего литературоведения. В занятно-поучительной истории, которую Вы мне рассказали, про Гоголя и Пушкина, много случайного, но и закономерного, выводы надо делать в пользу и за здоровье, ну и... — копать! авось, до каких глубин доберётесь? Есть в России такая скрытая тенденция: не пущать националов, ревность, что ли? к такого рода святым темам, как «Гоголь» или «Слово...» (помню, как в 70-х академики, и Лихачёв тоже, один из идеологов этой, мягко говоря, тенденции, глумились над Сулейменовым (...)) попыткой, часто впрочем, любительской, порываться в словарном составе сочинения, которое лично я считаю гениальной мистификацией, и Олжас родил тогда термин «имперское литературоведение» (...) Забываю у Вас спросить: по какому изданию Вы читали ФФ? В изд-ве «Книга» была наиболее полная версия с необычным эпилогом (и любопытной вступительной статьёй Якова Гордина). Последнее время, более недели, ушло на затеянное для самого себя занятие: студенты МГУ, у которых я должен был принимать зачёт, засыпали меня рефератами: свыше 100! (...) списанные (многие!) из интернета, но возникли новые отвлечения: завтра придётся ответить на вопросы «Вестника Кавказа»; а послезавтра весь день будет потерян — не могу не поехать в Российско-турецкий Евразийский центр, пришлют машину, 1,5 часа туда, 1,5 обратно и там часа 3, так что весь день угрожаю. А роман, в котором много дорог в никуда, точнее, тупиков, ждёт. Впрочем, он может остаться и вовсе незавершённым и даже, если закончу, неопубликованным... Думаю, мой намёк в связи с ФФ Вы уловили. Между прочим, в своё время один опытный сценарист Исаак Фридберг по совету Юлия Гусмана сделал трёхсерийный сценарий по ФФ, очень талантливый, но всё заглохло, бедняга даже денег никаких не получил, и всему виной стали «Семейные тайны».

2011 год

20 апреля

Поздравляем днем рождения тчк Пьем с Тофа ваше здоровье зпт две бутылки вина Ивановка тчк Читаем вашу книгу «Ветер над городом» зпт Советский писатель зпт Москва зпт 1965 год тчк

Спасибо... Вино — это хорошо. Зачем вы читаете мою слабую книгу?

А печатались ли ваши повести «Моя сестра», «Ветер над городом», «Воскресный день» до 1965 года в местной периодике, вызывали ли возражения цензоров? Некоторые места мне показались довольно смелыми для того времени. Например: «На поверхности моря образовался нефтяной покров. Он далеко-далеко тянулся, расползался, похожий на крокодиловую кожу. Страшное и опасное зрелище! Загорись фонтан — и будет гореть море. (...) То там, то здесь из моря, бурля, поднимались бело-синие султаны высотой в человеческий рост. Это бил газ, который по трубам выводится в море; его нечем доставить на берег. Только часть газа используется как горячее, а тысячи кубометров его выбрасываются в море».

Да, повесть «Моя сестра» опубликована по-азерб. в ж. «Азербайджан», потом в книге, а «Ветер...» и «Воскресный день» вышли в книгах на азерб. Разумеется, этот и некоторые другие куски цензура в Баку зарубила (даже упоминание о метро: гостайна!) Эти куски остались в переводе... Я тогда внутренне противился тому, чтобы самому переводить, считал это авантюризмом. Такая наивность. (...) Интересные у Вас могут получиться размышления о двуязычии или, точнее, русскоязычных азербайджанских авторах; я думаю это не миф и не скоро заглохнет(...) Анар отрицает своё русскоязычие, произведения Максуда и Рустама на русском языке звучат ярко национально, а переведённые другими на азербайджанский полностью утрачивают национальное: имена азербайджанские, а ситуации-диалоги-описания не на-

циональные. (...) Я столкнулся с этими проблемами, когда сочинял азербайджано-язычный оригинал Фатального Фатали (...) не знаю, удалось ли Вам просмотреть мою статью, она была в Вопросах литературы в 2006 году, «Русскость нерусских»? На эту тему много размышлял известный французский славист Леон Робель в связи со своими переводами стихов чуваша Геннадия Айги, у которого чувашские и русские стихи прямо противоположны друг другу по стилю... В первых – традиционная ясность, во вторых – туман концептуалиста (даже книга вышла Леона в Москве на русском об Айги); об этом чуть-чуть у меня в мемуарной книге... (...) После выхода «Семейных тайн» почитавшийся мной тогда Максуд Ибрагимбеков по-дружески сказал мне: «Зачем это тебе, будоражить людей, дразнить власти? Живи в своё удовольствие!» Что ж, правы собраты по перу, сам не раз говорил себе: эй, Ч.Г., брось это дело! мир не переделать, людей не образумить, в рабах не пробудить достоинства, в господах милосердия, да и о каком народе толкуешь?! А некто во мне, понимая, что семейных тайн уже не осталось, хохочет над шутком (имени его не расслышал, кажется, назвал меня), который тщится по недомыслию, доказать, что король – гол. Вспомнил мудрого земляка Джабира Сафарова: Убегаю сюда, думаешь, от жары? Отдохнуть от земляков! Редкостный правдолюб, запомнил афоризм его деда Ахмеда, истинно народного – не по указу властей, а призванию – поэта, чей псевдоним был Бисавад, или Неграмотный: «Говорящего правду никак не пристыдить». (...) Не хотелось уподобиться чудаку, который на том свете взмолился Богу: «Не видишь, что творится на земле? Почему никого не пошлешь пресечь злодеяния?» «А я тебя и посылал». (...) Дабы раззадорить меня, мол, рано покидать майдан баталии, СМИ выдали очередной перл. Долгие годы символом истинной, не продажной поэзии выступала строка Самеда Вургуня из «Вагифа»: «Нет, голова поэта не склонится пред тираном»; и вдруг – попытка известного земляка философски оправдать одописность, а тем самым и лизоблюдство, отдать пальму первенства в споре «поэта» и «властелина» не Вагифу, уготовившему себе гибель за право изрекать истину, а... Каджару, признать истинность его слов: «Поэт, не забывай, пред властелином ты!» Да, утверждает земляк, поэт «всегда пред ликом властелина стоит» и «по-иному быть не может», «иное (что? раболепство? пресмыкательство?) мы выдумали сами, для самообмана»: именно в словах Каджара «истина и тайна» (...) Опять-таки не надо задаваться обилием вопросов (разве что в оправдание дифирамбов), утапливая очевидное в словесной эквилибристике: «Кто был рабом, тяготившим Чехова? Кого он так опасался?» Ясно, что правы Вагиф, а не Каджар, Лев Толстой, а не «эпоха», Мандельштам, а не... Даже Дон Кихот прав, кого автор приводит в подтверждение собственной «философии»: де, борьба его «бессмысленна», а потому и бесполезна. Но это – лишь с точки зрения раба или властелина, а не поэта.

В Петербурге меня более всего поразила царская усыпальница в Петропавловской крепости. Имена нам известные – детей, ничего не успевших. Вся мировая история могла быть иной. В этом споре нет правых, власть царя также сакральна, как и власть поэта, и не менее трагична (Муамар Каддафи – целый Шекспир).

(...) Познакомился с Динарой Каракмазли, посидели в чайной. Передаёт вам привет, помнит – при вашей поддержке поступила в Литинститут. Удивилась, что вы написали «Мерадж». Странная женщина: не смотрит телевизор, не имеет компа. Поверхностные знания в религии – уверяет, что в буддизме нет Бога, а у христиан их сразу трое: Бог-отец, Сын и Бог-дух. Когда я говорю, что Бог евреев силен и не раз демонстрировал эту силу, недоверчива: разве это сила: если тебя ударили по щеке, подставь другую? путая Ветхий и Новый Завет. И при этом – такие замечательные стихи. Может, таким и должен быть поэт? для бесхитростного и наивного ума каждое явление представляется откровением.

Да, я очень много лет занимался делами-стихами Динары на заре её творчества, рад, что она помнит... Странная в талантливости, одна из лучших в мире азербайджанских русскоязычных литераторов. К сожалению, давно не читал её. Передавайте ей привет.

27 октября 2012

Спасибо! И Вас поздравляю с Курбан-байрамом, хотя Вы правы насчёт неубываемости звериных начал в человеке!.. Интервью Ваши читал, а стихи прочитал залпом: ни одного по строкам-поворотам-мыслям-чувствам замечания! Переиначу предыдущее – замечательно: Вы – молодец. Естественно, напишу предисловие-вступление или отзыв на обложку, как это нынче делается, и не потому, что дата, а потому, что радость выразить своё отношение к истинному. Ч.Г.

11 августа

Дорогой Марат, узнал, что Вам сегодня стукнуло 50! Золотой юбилей! Желаю Вам – к уже имеющимся – новых творческих успехов! А с высоты моих годов скажу Вам: это только начало, главное – впереди!.. Ч.Г.

Спасибо за поздравление. Принимаю на веру ваше: главное – впереди. Мне, если честно, все осторчертело, считаю: все главное – уже случилось, и лучше быть не может.

Потом поймёте глубокое Ваше заблуждение: «лучшего» было много, но самое-самое лучшее – ещё не случилось. Чингиз Гусейнов, мятущийся в треугольнике Баку-Москва-Иерусалим.

2015

Дорогой Марат, мы только что вернулись из Москвы (были там месяц) к себе в Израиль... Вы побудили, или подвигли меня (отвечаю на первый вопрос) сформулировать некую философию бытия (очевидно, доморощенную), хотя в своих коранических изысканиях я придерживаюсь(лся) сугубо тупиковой реальности, с которой, вместе с тем, предлагаю считаться, находя выходы в ситуации, в сущности, безнадежной. По-моему, добро персонифицировалось, стало явлением штучным, индивидуальным, а потому менее действенным, а зло глобализировалось, стало всеобщим. Мир, если исходить из нынешнего времени, движется, к сожалению, к злу, и, оно, достигнув некоего дна-предела, станет, как мыслится мне по логике чисто умозрительной, исстаивать и начнётся новое возвращение к добру.

Второй вопрос, как и первый, на тома... Скажу лишь, что мефистофельское изречение – оригинальная метафора, гениальная игра слов. И, как бы то ни было, надо множить, пусть и на индивидуальном уровне, добро. Война – это политика с заранее заданным злом, и этические категории тут не срабатывают.

В книге Расула Рза «За солнцем» (Советский писатель, 1961, тираж 2500 экз.) (переводы Б. Дубровина, М. Павловой, Ю. Даниэля, М. Алигер, А. Кронгауз, А. Плавник) есть и два ваших перевода: «Эйфелева башня», «Статуя Свободы». Хотите вспомнить?

Спасибо, дорогой Марат!.. У меня перевод не сохранился, даже забыл о нём!.. Расул попросил – перевёл, он опубликовал в книге, за которую думал-мечтал получить Ленинскую премию, все бредили тогда ею... Но – длинная история!..

(...) Следует ли из этого, что восточные религии, которые исповедует большая часть населения, не приглашены к диалогу? В том же буддизме есть такие вещи, которые удивительно совпадают с мистическим ядром монотеистических религий? На-

пример, когда спрашивают Будду, когда прервется сансара, он отвечает, покуда не просветится последний человек. Будда сидит у ворот рая, но не входит, он, как капитан корабля, войдет туда последним. В христианстве Иисус снисходит в ад, пронзая ад своим светом и надеждой, что зло не вечно, и просветится не просто каждый человек, но и каждый атом.

А все удивительные совпадения потому, что первым пророком был Адам, которому известны тайны символов. А Адам не был ни иудеем, ни буддистом.

Да, Вы правы насчёт мистико-этического ядра, непременно сошлюсь на Вас и прочитаю присланное мне: но речь в связи с Иерусалимом пока об авраамических, с участием, естественно, и двух-трёх мусульман. Спасибо за отклик. Ч.Г.

(...) Живу я в чудесном посёлке вблизи знаменитой больницы Адасса – называется Цур Адасса, и я определил его как «Иерусалимское Переделкино», почти такое же расстояние...

Май 2016

Обращение азербайджанского писателя к Верховному руководству Азербайджанской Республики. (...) Сегодня Азербайджан как мусульманская страна на стыке Запада и Востока, мог бы выступить инициатором и взять на себя поистине историческую миссию сближения позиций авраамических религий по организации их подлинного диалога. Это могло бы помочь решению одного из самых кровотокающих конфликтов нашего времени – мусульманства с остальным миром (...) Готов всячески этому способствовать.

5 марта 2021

(...) Почему мы не переводим силлабические стихи силлабикой? Потому что мы живём не в средние века, а наши читатели не похожи на читателей Симеона Полоцкого. Нельзя перевести на другой язык версификацию стиха, но душу стиха – то, ради чего стих создан, – можно перевести на любой язык мира.

Дорогой Марат, извините, что сразу не ответил... Письмо Ваше примечательно многими гранями. Во-первых, весьма похвально, это своего рода мужество и подвиг, отвечающий, кстати, моему давнему принципу: ставить перед собой, коль взялся за перо, высокие, большие – цели, в данном случае это касается Вас, что взяли за поистине титанический труд перевести Низами!.. Мы ещё не до конца поняли, что это за явление в мировой литературе (что задолго до нас понял Гёте!..) Мне лично Низами открылся, когда я прочитал великолепные подстрочные переводы Рустама Алиева (это у нас с Вами совпадает), кого я отлично знал ещё по Москве, и когда, раньше или позже, не помню, я познакомился с работой Мамед Эмина Расулзаде о Низами, где тоже были подстрочные переводы (чуть-чуть это отражено во 2-м томе моего романа «Доктор N» (М., 1998), он так и не дошёл, увы, до наших), и у меня тогда же родилось твёрдое убеждение, что истинный азербайджанец должен знать фарси – только для того, чтобы суметь прочесть в оригинале самого первого нашего писателя, тюрка... Перевод Ваш мне показался очень интересным, и он, естественно, будет, надеюсь, опубликован, если мы перестанем следовать характерному для многих стран убожескому (от бедности, м.б.?) представлению о переводе, когда он один единственный на многие годы и десятилетия, тогда как культура страны определяется, в том числе, и тем, что большие и значительные сочинения переводятся многократно или хотя бы раз в... десять лет: в Польше, к примеру, «Библия» чуть ли не каждый год выходит в новом или улучшенном переводе... Хотя бы полвека спустя, но должны по госпрограммам выйти новые художественные переводы всего Низами, а уж в подстрочных, в том числе, и на азербайджанский, – и подавно, иначе юбилейный праздник – пустая болтовня...

Почти все переводы Низами, это надо признать, устарели, тем более они неполные, из них по цензурным соображениям советских времён исключены введения (посвящения исламу, Богу, «спонсорам» и т. д.), имеющие важнейшее историко-эстетическое значение. Это была дань традиции на Востоке, и поэты, состязаясь, оттачивали тем выразительно-изобразительные средства и возможности языка, находя в общеизвестном свои грани, своё видение, демонстрируя свои подходы и т. д.. К тому же пагубно было привязывать поэта из-за этих мотивов, в данном случае, Низами, к исламу. Это то же, что и привязать Шекспира или Гёте к христианству. Низами общечеловечен. К примеру, «Хосров и Ширин» актуален всегда! «Семь красавиц» объемлет события за полтысячи-семьсот лет до ислама, изображает Храм в Иерусалиме времён расцвета иудейства, когда сюда приходили и язычники как к месту очищения от греха – всего несколько строк, полных глубины и подтекста... Письмо получилось длинным... – успехов Вам! Кстати, о другом: какова судьба стихов Тасаловой?.. Пишите! Рад, что конкурс трёхстиший продолжается и назван именем Тофы!.. Ч.Г.

Дневник

Апрель 2009

Патриарх азербайджанской литературы Ч.Г. (Че Гевара местного разлива?) – и его Путь: от бытия («Не назвался», 1973: А в том, что «аллах» и «апостолы-имамы» набраны не с большой буквы, виноваты не машинистки, не редакторы, не наборщики, а я, грешный) до Мераджа («Молюсь, благодарю Всевышнего Аллаха за то, что Он: дарует свет моим очам, чтобы я видел и сумел прочесть и постичь священную вязь явленного Мухаммеду Корана; дарует силу рукам моим, чтобы пальцы крепко удерживали калам, коим записываю аяты Священной Книги на родном языке огузов, запечатлеваю думы и сны; дарует терпение и мужество, наставляет и поддерживает, чтобы исполнил волю Его). И вместе с Чингизом Гусейновым этот путь прошел и его верный читатель.

Квартира в Лондоне на Бейкер-стрит, «плохая» квартира на Садовой в Москве, чердак Раскольников в шесть шагов в Питере – они не просто городские артефакты, но и герои известных романов.

Есть и в Баку подобный литературный памятник – Дом на Угловой, именно так называлась книга Чингиза Гусейнова 1975 года, именно в этом доме прошла его юность. Расположен дом на пересечении бывших Почтовой и Полухина. Мелькает этот Дом и в романе «Магомед, Мамед, Мамиш»: «Случайная крупная холодная капля обожгла висок, а тучи бегут и бегут. И впечатление такое, что угловой дом, похожий на старый, но все еще крепкий корабль, стремительно несётся по вспыхивающему Каспию, и отвисшие клочья туч цепляются за телевизионные антенны».

Май

Чингиз Гусейнов – автор множества художественных текстов и романов-исследований о Нариманове, Мирза Фатали Ахундове, Мухаммеде, но в истории он останется благодаря титанической работе, опубликованной в 2002 году: **«Суры Корана, расставленные Ибн Гасаном по мере ниспослания Пророку...»**.

Известно, что после смерти Пророка письменное изложение Книги вызвало неизбежную разногласию её передатчиков, которые, далее не заморачиваясь, начертали каламом вначале самые пространственные суры, а в конце – короткие. А теперь представим, что вы решили научиться плавать и, выйдя на лодке далеко в море, прыгнули за борт. Может, вы и выплывете, отчаянно размахивая руками и ногами, но с большей долей вероятности вас утянет на дно. В том-то и дело, что прелюдией Мухаммеду были явлены короткие суры, приучающие слушателя к большому плаванию.

Хронология важна ещё потому, что неизбежный дуализм в Учении разрешается в пользу позднего высказывания, и перестановка приводит к негативным и необратимым последствиям. А хронологию можно с точностью выявить и спустя тысячелетие: это мекканские этапы: тайный: проповеди в кругу близких; открытый и угрозы расправы; пора встреч с йатрибцами, бегство и начало хиджры и последний: мединский этап с 622 по смерть в 632.

Несомненно, что начинаться Книга должна с суры Сгусток: «Читай!» Но в каноническом Коране она выставлена только под номером 96. По хадисам первая сура – «Завернувшийся»: «Меня окликнули. Вперёд посмотрел, назад, направо, налево – никого... вдруг вижу: ангел в воздухе!» У Гусейнова она числится второй, в каноническом Коране – 74-ой. А что должно завершать? Чингиз Гусейнов настаивает на аяте: «Сегодня завершил Я ниспослание вам веры, милость вам Свою явил, одобрил вашу преданность Богу Единому, вас приведя в ислам (к преданности Единому Богу)», вырезая его из канонической 5-ой суры «Трапеза».

И если дерзнул на фундаментальное, то уже не страшно проделать подобные операции ещё несколько раз: например, перенести 1 – 24 аяты йатрибской суры Хадж в отдельную – Предначертанное мекканского этапа; в Худе изъять наличествующий 17-й аят и в Преграде 156 и 157 аяты, ибо возникают ссылки на Библию не в мекканский, а в мединский период проповедничества; из громоздкой Коровы выделить новые суры Предрешённое, Комар, Сыны Исраила, Месяц Рамадан, Кибла, Часть Целого. Но где предел перестройки? 19 аятов первой суры, 57 (трижды 19) аятов второй – и в итоге Гусейнов останавливается, уже осознав архитектуру задуманного, на каком-то моменте утраченной или нарушенной, на числе 133 (вместо канонических 114 сур), тоже кратному (семижды) сакральному 19 (связано с 19-летним циклом Луны; в древнеегипетской «Книге мёртвых» упоминается о 19 конечностях тела, каждая из которых имеет своё божество; в исламской традиции 19 – нумерологический знак самого значительного имени Бога – Один).

В арабском абджаде каждой букве соответствует цифра, и в каноническом Коране обнаруживают много примеров математической гармонии, но поверьте мне, что в «еретическом» Ибн Гасана таких аналогий также в избытке. В предлагаемой им матрице (7X19) получаем кривую с координатами (аятами): 310-515-1371-1066-1490-780-652, возрастающую и спадающую, с кульминацией чуть смещённой от центра (золотая пропорция!) – то есть построенную по симфоническим правилам. Что выглядит привлекательнее и истиннее канонической убывающей кривой: 2348-1710-1046-518-484-130.

Но больно режет из строя выступившее: «Когда какой аят аятом другим замечаем Мы, – то ведомо Богу лишь, что Он ниспосылает, то говорят: Ты это сам измыслил! Да, большинство их истины не знает!» – благословляющее или грозящее? кому: самому Гусейнову или создавшим хаос?

Душа человека не покидает Землю, пока о ней вспоминают живые. Мы будем ещё долго встречаться и говорить с Ч.Г., перечитывая его книги.

9 января 2024

Марат Шафиев

САБИР РУСТАМХАНЛЫ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО АКАДЕМИКА

*Роман**

Часть вторая

Возвращение на родину

Вина этой семьи и еще тысяч таких же семей – в любви к родине. В том, что свободу и независимость они ценили превыше всего, и в желании уберечь от чужаков дух и память земли, где родились и жили. А у всех поводов, выдуманных правительством для того, чтобы среди ночи посадить их в вагоны и выслать куда подальше, было только одно название: «Кощунство».

Отцы умерли, сыновья повзрослели, а для внуков настала пора, когда они осмысливали мир и расспрашивали взрослых о своем предназначении. Прошлые поколения пережили столько трагедий, натерпелись столько страха и несправедливости, что у них не хватало смелости спросить: «В чем же наша вина?» Если уж славная партия во главе с товарищем Усачом сочла это нужным, значит, так и должно было быть! Допустить любую иную мысль означало бы идти против воли государства. Все знали, что бывает, если истинный советский гражданин с головой на плечах позволит себе усомниться в решениях партии: «Контрреволюционер», «Враг народа».

Но 80-е годы растопили льды и сорвали разукрашенные покрывала с запретных тем, культов и догм.

Анализ прошлого страны с его кровавой резней, предательствами и национальной враждой постепенно распространялся по провинциям и семьям. Добрался он даже и до глубины этих скрытых от всего мира, бесконечных и тысячелетиями не обжитых степей, в которых едва-едва, нечеловеческими усилиями ссыльных, появились поселки и деревни.

Одним из показателей этого стало то, что молодые люди, едва достигнув совершеннолетия, стремились возвратиться на историческую родину, в пустовавшие ныне деревни, о которых они много слышали, но никогда не видели, хотели учиться в университетах родной стороны. Видимо, людьми так же, как рыбами и птицами, управляет некий труднообъяснимый инстинкт. Родина остается родиной, пусть даже она превратится в руины. Она манит к себе услышанными от взрослых воспоминаниями, своими кладбищами, открывшими объятия для многих поколений родни, своими горами, реками, воздухом. На протяжении всех долгих лет ссылки эти воспоминания о родине придавали сил старшим, а для детей были самыми любимыми сказками, которые они не уставали слушать вновь и вновь.

Мурад тоже вырос на таких сказках. А в выпускном классе признался отцу:

– Если получится, буду учиться на родине и работать там же останусь. Может, даже поеду в нашу деревню и вновь разожгу наш очаг.

– Да кто ж теперь остался в Гызылгая?! Ты никогда не жил в горах, не знаешь тамошних условий, чем ты там будешь заниматься?

– Но ты ведь сам говорил, что некоторые переселенцы из нашей деревни в последние годы возвращаются назад.

**Окончание. Начало см. № 1.2024*

– Я и сам только слышал об этом, не знаю, так или нет на самом деле. Говорят, есть те, кто возвращается, но они останавливаются в райцентре. Потому что пограничники все еще не разрешают строить дома на прежних местах и обосноваться там. Они уже все ноги стоптали от хождения по госучреждениям.

– К тому времени, когда я окончу университет, разрешат.

– Дай-то Бог!

В душе Алиджан радовался решению сына, но не торопился давать «добро», да и жена его Минаввар все никак не соглашалась:

– Я не могу отказывать сыну в исполнении его мечты, но... – говорила она, разнося в пух и прах все рассуждения Алиджана по этому поводу. – Если он хочет, и ты не против, то пусть едет! Сын тебе уже взрослым кажется, и ты даже не задумываешься, когда это он успел повзрослеть. Как можно отпускать 17-летнего ребенка одного в незнакомый ему город? Там ни родни, ни друзей, ни близких, у кого он будет жить, кто за ним присмотрит?

Ну, и что на это возразить? Зато у Мурада, слушавшего их разговор, ответ был готов:

– Не беспокойся, мама, на улице я не останусь, в университете, наверняка, будет общежитие... С учебой у меня проблем не возникнет, сама знаешь, так что буду получать стипендию, может, даже смогу снимать недорогую квартиру. А если возникнет нужда, пойду работать. Тот, кто хочет учиться, должен терпеть такие трудности. Сколько лет, сидя тут, вы тосковали по своим горам. Ваши рассказы создали в моем воображении образ родины. И не важно, что пережили там наши предки, в нашем представлении те опустевшие места – это рай на земле. И я отыщу этот рай, чтобы понять, что за тайна в нем кроется, что его невозможно забыть и годы спустя.

Рассказы покойного дедушки оставили в памяти Мурада глубокий след, и, возможно, именно поэтому его желание учиться на родине пришлось по душе Алиджану, который получил во времена Мусавата религиозное образование в Ардебиле, но под влиянием событий, происходящих на тот момент в мире, у него сформировалось ясное и прогрессивное мышление. Родственник, работавший на нефтяной скважине в Баку, внушил ему уважение к национальному правительству, и его сильно потрясло, что правительство это так быстро пало. И хотя дети его учились в школе на русском языке, но дома он говорил с ними только по-азербайджански, чтоб они не позабыли родной язык. А недавно по требованию жителей деревни азербайджанский язык был введен в школьную программу как отдельный предмет. В общем, как говорится, с патриотизмом у детей было все в порядке. И это был один из способов отомстить судьбе: «Куда бы ты меня ни забросила, я не забываю свои корни». Поэтому при любой возможности они говорили детям о краях, в которых выросли.

Не только Мурад, но и другие его сыновья – Фикрет, Фархад и Ниджат, дочери Нисан и Айджа – все они с увлечением и глубокой тоской слушали рассказы о далеком Азербайджане. Переходя из класса в класс, из привезенных из Баку учебников и других попадавшихся в руки книг они жадно узнавали все, что можно, о своей исторической родине.

Например, все знали, что имя Нисан дал дедушка, и не только потому, что она родилась в апреле, но также и в память о трагических событиях 1918 года, связанных с Азербайджанской Народной Республикой, участником которых был сам. Не зная на то, что в стране эти имена были под запретом, он рассказывал внукам о таких поэтах, как Ахмед Джавад и Гусейн Джавид, или о том, что в Казахстане до сих пор живут родственники представителей интеллигенции, убитых в Баку или сосланных в Сибирь за поддержку народного правительства, стараясь таким образом хоть немного уменьшить боль от того, что они сами находятся в ссылке. Он часто повторял строки Ахмеда Джавада, чтобы Нисан запомнила их:

*Mən hər gələn nisan üçün,
Pək çox həsrətlər saxlaram.
Hər gələn bir mayıs üçün,
Vətən ağlar, mən ağlaram.*

*Каждый апрель тоска
переполняет сердце мне.
И каждый май
я плачу с родиной моей.*

Они селились в самых глухих местах огромной Сибири и Казахстана, но не теряли связи друг с другом – так, например, азербайджанцы, живущие в долине реки Чу, поддерживали контакт с соотечественниками, живущими не только в других районах Казахстана, но также в Кыргызстане и Узбекистане. С замиранием сердца наводили они справки, искали родню и навсегда оставляли надежды. Пытались понять причины этой не поддающейся уразумению ненависти и жестокости. Потому что некоторые семьи не просто отправили в ссылку, но и разделили их, сослав мужа в одно место, а жену – в другое, одного брата – в Узбекистан, второго – в Сибирь, отца – в Астрахань, сына – в Караганду... Всего и не перечислить. Соседи рассказывали, что такой же ужас Сталин сотворил и с живущими в Средней Азии узбеками. Их он отправил, наоборот, на Кавказ. А те, кого сослали из Узбекистана, обвинив в басмачестве, угодили на Украину или в ногайские и калмыцкие пустыни.

Сосед, сосланный из Нахчывана одновременно с семьей Алиджана, часто вспоминал одну историю, и в финале ее всегда пытался скрыть навернувшиеся на глаза слезы. Мужа увели посреди ночи, а через несколько недель сослали его жену, детей и других членов семьи. Хотели навсегда разлучить их друг с другом, но по божьему промыслу поезд, везущий мужа, задержался в пути. Кто знает: то ли дорога была закрыта, то ли поезд не исправен... Во время остановки на какой-то станции в Казахстане соседки жены по вагону вышли набрать воды и случайно увидели ее мужа. Он тоже шел за водой. Встретились они, расплакались, и соседки рассказали, что его жена и дети едут с ними в одном вагоне, и воду эту они несут для них. Вот так этот эпизод с водой воссоединил семью ссыльных.

То и дело повторяя, что семья основателя народного правительства Мамед Эмина Расулзаде тоже находится в Казахстане, где-то в районе Караганды, Алиджан словно бы хотел донести до детей: видите, мы не одни такие, все, кто любит свой народ, оказались на чужбине, посреди безводных степей. И наряду с болью и горечью присутствовала в этих разговорах и определенная гордость. Большинство людей старшего поколения из их деревни были сторонниками народного правительства. Вплоть до 1927-28 года они оказывали сопротивление советской власти, ни перед кем не склонив головы, создавали тайные отряды и сражались в горах. Возможно, именно это стало одной из истинных причин того, что 10 лет спустя их переселили под предлогом того, что, дескать, горные деревни у самой границы не имеют будущего. Старики знали об этом и, хотя молчали, будучи в Азербайджане, но тут, в ссылке, охотно рассказывали все детям.

А про свою дружбу с прославленным героем Гачаг Гасаном отец Алиджана и вовсе рассказывал внукам чуть ли не как легенду о Кёроглу. И хотя внуки родились в бескрайних степях долины Чу, в воображении своем они хранили образ горного края и отважного соотечественника, 10 лет героически сражавшегося с советской властью. Выйдя из окружения в родной деревне и прежде чем перейти в Южный Азербайджан, Гачаг Гасан скрывался некоторое время в Моране, недалеко от Ава-рага, днем мстя советским военным, а ночами прячась в лесу. Лишь после того, как силы, направленные против него, возросли непомерно, он отправился в Иран. Свою последнюю ночь по эту сторону границы он вместе с семерыми своими соратниками провел в гостях у Алиджана и до утра беседовал с деревенскими старейшинами, пришедшими встретиться с ним. Герой чувствовал, что больше никогда не вернется назад, и все никак не хотел с ними расставаться...

Некоторые из этих историй пересказывались столько раз, что дети знали их уже наизусть. И все это сыграло немалую роль в том, что молодежь так тянуло на родину. Но у Мурада были и другие причины стремиться переехать в Азербайджан... В последние годы и в Казахстане также стали раздуваться меха национализма, сталкивающего друг с другом людей, в трудные годы по-братски деливших одну судьбу. И история с золотой медалью при окончании школы заставила его лишний раз ощутить это на себе...

Услышав, что Мурад едет в Баку, к ним в дом со всех сторон стеклись соседи Алиджана. Все они были ссыльными и при этом людьми отнюдь не простыми. Это они превратили безводную казахскую степь в один из самых зеленых, обустроенных и прогрессивных поселков республики. Когда-то, после почти сорока дней мучительной дороги, оказались они в сущем аду, кишашем змеями, чтобы уже здесь продолжить борьбу со смертью. И этот прекрасный поселок был создан слезами и потом соседей Алиджана, их отцов и братьев. Сперва они соорудили себе прибежища из того, что было под рукой, а позже, кто смог, возвел четыре стены из сырого кирпича, накрыл их камышовыми крышами и поселился там, ощущая себя, как во дворце. Независимо от того, были знакомы между собой или нет, откуда и почему сюда попали, они помогали и поддерживали друг друга и вместе противостояли дышавшей в лицо смерти. А полвека спустя, глядя на выстроившиеся вдоль ровных дорог добротные каменные дома, невозможно было поверить, что когда-то здесь не было ничего, кроме выжженных степей. Деревня эта наглядно демонстрировала, на что способен человек, насколько он может быть силен, даже оказавшись голым, босым и голодным лицом к лицу с палящим солнцем и суровыми морозами.

Тюрки, пришедшие из Азербайджана, Крыма, Северного Кавказа, из Татарстана, бедные тюрки, всюду притесняемые, всюду воспринимаемые как враги, но выносившие это, не сломленные, продолжающие жить, тем самым еще больше раздражая своих мучителей, самоотверженные тюрки – именно они были основателями этого поселка, но встречались среди них и немцы, и даже корейцы. Все те немыслимые страдания и испытания, через которые им пришлось пройти в этих степях, чтобы уберечь себя и свои семьи, сроднили их. Жизнь их, протекающая на земном шаре, тем не менее, напоминала, скорее, жизнь на другой планете. Они были оторваны от мира и позабыты им, брошены на произвол судьбы и фактически обречены на смерть, так что жизнь эта по сути была безжизненностью. Лишь относительно недавно удалось им наладить связь с городами и отдаленными населенными пунктами, и это было их собственной заслугой. Они искали других, а их никто не искал, они скучали по родине, а родина отвергла их и вычеркнула из памяти. Что же это за любовь такая? Сколько можно тосковать по стране, давно тебя позабывшей, запретившей произносить твое имя, закрывшей тебе дорогу назад, навечно поставившей на тебе клеймо «предателя» и «врага народа»? Но все здешние жители сгорали от этой тоски. Соседство в ссылке не похоже ни на какое другое. В ссылке соседи заменяют тебе всю родню, напоминают, что на свете существуют и другие люди, и наполняют сердце надеждой. Но было и другое чувство, помогавшее им, пройдя через этот ад, покорить пустыню, шаг за шагом превратить ее в цветущий сад. И чувство это можно назвать Мстью или же Верой в то, что однажды справедливость восторжествует, а, может, – ожиданием момента, когда те, кто лишил их дома, предстанут, наконец, перед судом, и жертвы смогут спросить с них за все сполна. Ведь невозможно, чтобы Господь отказал людям, столько всего вытерпевшим, даже в шансе задать своим обидчикам вопрос: «В чем была наша вина?» Нет, они, непременно, его зададут. Иначе как же это так: чтобы палач безнаказанно подписывал смертные приговоры целым народам, клеймил их как неблагонадежных, отправлял в лагеря, а опустевшие

территории отдавал кому угодно, лишь бы только христианам, жил жаждой вырезать под корень всех тюрок, невзирая на то, что они такие же люди, как и он сам, и чтобы ему за это ничего не было?! Нет, такое невозможно...!

Судьба настолько сблизила этих людей, что порой они забывали, кто к какой национальности принадлежит. Все они здесь были детьми одной нации – ссыльной... И в паспортах их в графе о национальной принадлежности вполне можно было бы написать: «страдальцы», «разлученные». Они походили на заключенных, долгое время проживших в одной тюремной камере. Годами в этой камере чужбины они общались так тесно, так много говорили о том, что оставили вдалеке, что уже в мельчайших деталях знали друг о друге абсолютно все вплоть до седьмого поколения.

Сидящий слева от Алиджана Мирхасан был из деревни Аркиван Масаллинского района и происходил из хорошо известной, уважаемой в том регионе семьи духовенства, все представители которой учились в Ардебиле и Наджафе. Он был одним из первых, с кем Алиджан познакомился и подружился в этих чужих краях. И в первую же встречу Алиджана удивило, что он оказался в ссылке:

– А вас-то за что, сеид? Вы же, в отличие от нас, не на границе с Ираном жили, родственников на той стороне не имеете, под каким предлогом вас с родины выслали?

– Ты ведь сам только что назвал меня «сеидом», сосед! В том-то все и дело... Поводы для ссылки разные бывают. Гляди, сколько всяких вымышленных грехов людям приписали. Одного «мусаватистом» объявили, другого – «сторонником народного правительства», третьего – «идушим против советской власти». Того «националистом», этого «тюристом»... Некоторых, как вас, сочли «неблагонадежными, потому что около границы живут», у кого-то, видите ли, «есть родственники за границей». Еще кто-то, оказывается, «ведет антисоветскую пропаганду», ну, а кто-то, как мы, Коран читает! Можно подумать, еще остался кто-то из тех, кто его читал! Пара человек всего лишь, да и те от страха спрятали божью книгу подальше. А то ведь, если у кого обнаружат книги, написанные по-арабски, то все, им конец. Вот спрашивается: разве алфавит виноват, что ты его не понимаешь? В соседней деревне одного учителя русского языка обвинили в религиозной пропаганде. Никак не мог он их убедить, что никакой пропагандой не занимается; оказывается, среди его бумаг нашли несколько листов с надписями арабским шрифтом. Чуть было не арестовали беднягу. А потом такая потеха началась... Учитель говорит, мол, это не страницы из Корана, это стихи Пушкина! Чтобы ученики лучше усваивали русский язык, он переписал несколько стихов арабскими буквами. Сами, говорит, проверьте... Проверили, убедились и отстали от человека. У меня и отец, и дед образованные были, но учились они по старинке. Тогда ж советских школ не было. Не понимаю, почему они не принимают наше старое образование, которому уже несколько сотен лет? Даже в царское время таких запретов не ставили. Сколько у нас было библиотек, предками собранных, – все сожгли.

Алиджан всю свою ярость уместил в одном проклятии:

– Да погасит Господь их очаг, как они погасили наш...

А затем, подумав о чем-то, спросил:

– Мирхасан, а если вдруг появится возможность, вернешься в Масаллы?

– Да хоть завтра! Говорят, Масаллы разросся, развился...

Алиджан повторил их традиционную шутку:

– Масаллы нашу воду пьет...

– Ну, и что? А ваша дорога через нашу деревню проходит.

Тут Алиджан повысил голос:

– Дорогу из вашей деревни совсем недавно провели! Иначе, что мы в тех краях забыли?

– Дай Бог, если вернемся, без моего разрешения не сможешь ты в свою деревню пройти!

У всех соседей Алиджана были свои истории: одни понятные, другие – невероятные, некоторые – обыденные, иные – кажущиеся странной сказкой...

Сидевший справа Метин Ахмедоглу, светловолосый сероглазый мужчина среднего роста, хотя давно разменял шестой десяток, но юношеской бодрости не утратил. Родом он был из Турции. Все в поселке знали о его приключениях. Сюда он попал еще в ранней молодости и неразрывно связал свою жизнь с колхозом «Новый день». Если основатели поселка обосновались здесь в 1937-38-х годах, он приехал в конце Второй мировой войны вслед за ахыскими¹ турками. Точнее – в поисках их. Ровесники порой подтрунивали над ним, говоря: «Не связывайтесь с этим странным человеком, он сам себя в ссылку сослал...»

Он жил в одной из деревень на границе СССР и Турции. И хотя в годы Второй мировой был еще безусым подростком, успел зарекомендовать себя как умница и смельчак. Как-то раз деревенский вольнодумец Ибрагим эфенди позвал его к себе, где уже собрались и другие старейшины деревни и среди них Ахмед, отец Метина.

– Ну, что ж, пострел, посоветовались мы с твоим отцом и решили, что ты должен перебраться через границу в Грузию и принести нам оттуда вести, – сказал Ибрагим эфенди. Потом указал на сидевшего возле двери Бекира и добавил: – Вместе с ним.

Бекир был старше Метина на 5-6 лет и славился своей отвагой. Впоследствии Метин узнает, что выбор этот был не случайным – некоторые знали о его тайной вылазке в Грузию, в Ахалкалаки. А еще одной из причин, почему дело поручили именно им, было то, что Бекир провел детство в одной из малаканских сел в окрестностях Карса и выучил там русский язык... Ибрагим эфенди не стал затягивать разговор: «Остальное тебе разъяснит отец. С Богом!»

Дома от отца он узнал, зачем их посылают в Грузию: «Разузнаешь про наших родственников, живущих там, и возвратишься. Это я предложил, чтобы ты отправился вместе с Бекиром, сынок».

Рассказал отец и о том, с чего им вдруг так срочно понадобилось получить вести о живущей на советской стороне родне: «Все они – наш народ. Пусть между нами и пролегла граница, люди друг друга не позабыли. Но в последнее время там явно что-то неладное творится. Ни в одном из 100-200 домов по ночам не горит свет. Не слышно азана. Что с ними случилось? У нас сердце разрывается от тревоги, постоянно слушаем радио, но ничего не можем узнать, будто они сквозь землю провалились».

Местные жители знали открытые участки границы. Там еще только начали натягивать колючую проволоку и еще не довели дело до конца. Прежде через эти прорехи еще можно было получать весточки от родных и близких, но война заставила Советы очнуться и приняться торопливо ограждать страну со всех сторон. Однако в горах, куда не доходила колючая проволока, все еще оставались тайные тропинки. А самые смелые добирались вплавь вниз по Куре.

Вместе с Бекиром они пересекли границу и, увидев деревню, в которой жила их родня, пришли в ужас – будто какой-то огромный хобот, засосав, унес отсюда всех людей.

Дома стоят целые и невредимые, во дворах – коровы, овцы, собаки, кошки... но ни единого человека. Из хлебов доносится мычание, псы звенят цепями, но это лишь усиливает мертвую тишину. Одна деревня, вторая... так, в надежде узнать хоть что-то, обошли они всю округу. Но так и не встретили ни души. А если и встречался им кто-то по пути – так то были жители соседних грузинских и армянских сел.

– Послушай, а куда наши люди-то подевались, куда переехали? – спросил, наконец, Бекир у одного из таких армян.

Тот насмешливо улыбнулся, не скрывая своей радости:

– Не они переехали, а их переселили. Вы сами-то каким образом остались?

¹ Турки-ахыска – самоназвание турок-мехетинцев.

Еще не зная сути дела, Бекир почувствовал, что произошла какая-то беда. Не могло же столько народа просто взять и исчезнуть или перебраться куда-то по своей воле. О том, что деревни на границе с Турцией будут переселены, поговаривали уже давно. После советизации Кавказа немало людей переезжали через границу в ту или другую сторону, и разлука с родней до сих пор мучила жителей Карса, Ардахана, Игдира. Но сейчас не место было это обсуждать. Не подав вида, он сказал армянину: «А мы в Батуми были, ни о чем не знали». У армянина был наготове ответ: «Ну, тогда не теряйте времени, может, еще нагоните. Идите, нехорошо получится, если падетесь здесь».

Они пребывали в полной растерянности, не зная, что делать: возвращаться ли в Турцию или направиться вслед за родственниками. Разумеется, самым простым и правильным было бы вернуться. Но имелись некоторые затруднения, преграждающие им путь. Во-первых, на армян полагаться не стоило: а вдруг по их разговору он догадался, что они не местные, и пустит по их следу милицию. Во-вторых, пограничники, понимая, что с противоположной стороны границы усилится интерес к опустевшим деревням, могли усилить контроль. Среди этой безлюдности гораздо больше риска, что их заметят. Но и это было не так страшно: можно днем прятаться в пустых домах, а по ночам продвигаться вперед и вернуться тем же путем, по которому пришли. А вот что они ответят тем, кто прислал их сюда? И что те ответят на это? «Мы же поручили вам все разузнать. А вы хоть одного турка увидели? Мало ли что сосед сказал. Кто такой сосед? Вы поверили словам армянина? А может, их всех перебили от мала до велика, а армян намеренно подговорили, чтобы запутывали следы. Разве так надо исполнять поручения старших?»

«Нет, так просто возвращаться нельзя! – сказал Метин. – Сперва надо отыскать хоть пару знакомых, расспросить их обо всем, узнать, почему их переселили и куда».

Приняв это решение, они поскорее ушли оттуда.

Эти чертовы армяне будто бы сами план составили.

В самом деле, от Тбилиси до станции Пойлу вся железная дорога полна черными вагонами, как полчищем муравьев. Поезда переправляли ахыских турок, насчитывавших свыше ста тысяч человек. Но в тех поездах, до которых смогли добраться Бекир и Метин, их родственников не оказалось. Переселение началось с приграничных деревень, и вся их родня уехала первыми же поездами. Но было уже не важно: первый поезд или последний – по обе стороны границы жили турки, все они были родней... У них и удостоверения личности не было – турок, и все тут. Всех записали в один из вагонов. Даже нужду негде справить: наружу не выйдешь, а вокруг полно людей: взрослых, детей, женщин, девушек... Кишки едва не свернулись, животы вот-вот лопнут. Умерших в пути оставляли на дороге и поручали Богу: «Твое творение, тебе виднее». А те, кто, не выдержав, выпрыгивал из вагонов, становились кормом для хищников.

И Бекир с Метином, чтобы разыскать свою родню, присоединились к этому адскому каравану. Ссылаешь, так ссылай, Император-палач, Бог тебе судья, но пусть хоть в этой ссылке мы будем все вместе! Так ведь нет! Рассыпали людей по всей Центральной Азии, Узбекистану, Кыргызстану, Восточному Казахстану, Сибири...

Двое турецких юношей, отыскав, наконец, своих родственников в самом конце пути, остались вместе с ними здесь, в казахстанской области, обрекли себя на жизнь на чужбине. Потом женились и навсегда оборвали связь с Турцией...

Метин был не только одним из близких друзей Алиджана, но и кирвой Мурада.

Еще один из пришедших на проводы был выходцем из армянского района, и если б кто-то взялся записать его рассказы о том, что перенесли его односельчане от рук армян, ужасов этих хватило бы на несколько книг. И хотя после смерти Сталина они были реабилитированы и вернулись назад, сам он не смог покинуть свою жену-ахыску и детей и остался в «Новом дне».

Восточный Казахстан – их родина. По весне зеленеют поля, колосятся травы, пьянят бескрайность равнин и аромат моря цветов. Веющие из Алатау и с Алтая ветра заставляют забыть чужбинную грусть. Но наступающее вслед за этим лето превращает все в пепел. Зимой же невозможно высунуться на улицу от холода. Те, кто сослал их сюда, думали, что это место превратится в общетюркское кладбище. Казахстан большой – создай тут сто тысяч таких вот лагерей, которые потом превратятся в сто тысяч кладбищ, кладбища затеряются в бесконечности, и никто никогда о них не узнает. Но ссыльные не погибли, а лишь стали сильнее, крепче духом и телом. Кто-то умер, но выжившие взвалили на свои плечи и их работу, провели воду, разбили сады, и в один прекрасный день о них заговорила вся казахстанская пресса. И посыпались на поселок ордена и медали, а что с ними делать? К ранам что ли приложить? Прикрывать ими сквозные отверстия, оставленные на сердце страданиями? В одной деревне появилось аж девять Героев Социалистического Труда. Но народ приговаривал: «Хоть всех нас поголовно героями сделайте, но грех свой смыть не сможете!» Душевную боль люди умирляли работой на земле, так напоминающей ту, что выполняли они в покинутом родном краю, и, высаживая у себя во дворах тутовник, яблони, персиковые и абрикосовые деревья, старались сделать их похожими на те, отнятые у них, оставшиеся за тысячи километров. В одном уголке своего двора Алиджан даже соорудил из камня водопад, дабы поддерживать память о роднике в деревне своих предков.

В тот вечер все, как это бывало уже тысячу раз, мысленно возвратились в родной край. То, что Мурад будет учиться на родине, дышать ее воздухом, жить среди своего народа, словно бы проливалось бальзам на раны тех, у кого не было такой возможности. Это было очевидно из их просьб, адресованных ему: «Если получится, поезжай в наш район, расскажи нам, как там, что там, сфотографируй, дороги-то уже открыты, дай Бог, и мы будем ездить».

Когда гости разошлись, Алиджан поручил сыну:

– К концу жизни мой покойный отец, видя, что времена репрессий прошли, осмелел и рассказал, как перед самой ссылкой закопал в лесу старинные книги, хранившиеся в нашем доме и передававшиеся из поколения в поколение. Эта история не давала ему покоя. «Была у нас одна рукопись, отец унаследовал ее от своих предков, но в эпоху безбожия не осталось уважения ни к религии, ни к пророкам, ни к священным писаниям. Если б она попалась к ним в руки, они б и ее сожгли, и нас самих заодно. Все это время я держал ее в тайнике в стене дома, но, узнав, что нас скоро сошлют, отчаялся – не мог я взять ее с собой», – рассказывал он. И, потеряв надежду возвратиться в те края сам, сообщил мне, где закопана книга: «В окрестностях нашей деревни, в лесу между ореховым деревом и чинаром есть плоский обломок скалы, не видимый среди кустарников и слишком тяжелый, чтобы кто-то унес его или передвинул. С южной стороны этого камня я и закопал книгу. Дай Бог, никто ее не тронет. Некоторые из наших соседей спрятали Коран на кладбище, но я не решился – говорят, и у земли есть уши. Прознает кто-нибудь, станет искать, потревожит души умерших. А тетрадь в черной обложке, не отличающуюся от остальных такого же типа, в самый последний день перед ссылкой я положил в святилище вблизи деревни. Издавна никто, боящийся Бога, не притрагивался к этому святилищу. Моллы и ахунды завещали туда свои книги». Так вот, если отыщешь все это, и дед на том свете порадует, и я на этом!

Мурад с замиранием сердца слушал отца. Чуть ли не с младенчества он всегда был рядом с дедушкой, тот любил брать внука с собой, отправляясь на работу в поле, разговаривал с ним на равных, как со взрослым, и считал своим товарищем. А вот ведь, оказывается, была у деда мучительная тайна, с которой он не мог поделиться ни с ним, ни с кем другим, и томился с нею наедине, будто огражденный от всех высокой стеной, в своем собственном мире, куда никого не пускал...

– И ты, зная об этом, не хотел отпускать меня? Почему, отец?

– Нельзя доверять этой власти! Боялся я, что ты вляпаешься во что-нибудь, кровь у тебя пока еще слишком горяча...

– Нормальная у меня кровь! Наш поселок сам по себе – это политшкола, от каждого соседа что-то да узнаешь... А я учиться еду, а не мстить!

– Ладно, будь по-твоему, но с одним условием: при первой же возможности поедешь в деревню, точнее, в то, что от нее осталось. Теперь в тех краях людей мало, но, если найдешь верного друга, выкопай книги из того места в лесу, о котором говорил дед. А как выкопаешь, сразу же сообщишь властям. Наверняка, кроме религиозных, среди них и другие книги есть: научные или исторические...

Мурад чуть было не позабыл об университете. У него больше не оставалось никаких сомнений – выполнить последнюю волю деда казалось куда более важным, чем учеба в Баку.

Летом 1986 года Мурад был уже в Баку. Его бы воля, он приехал бы сюда именно так, как уезжали отсюда его предшественники – прямо в товарном вагоне, через весь Туркестан, задерживаясь на каждой станции. Но это было невозможно: поезда с ссыльными всегда ехали только в одном направлении, в Сибирь, и никогда – обратно. Обратно возвращались лишь дети тех, кто вырвался из клешней смерти, да и дети эти, выросшие в чужой среде, ощущали себя здесь чужими. Но Мурада эта участь не постигла, он не утратил своих корней, и после казахских степей кипучая жизнь Баку поразила его до глубины души. Он чувствовал себя так, будто после крохотного ручейка попал вдруг на берег океана, шум которого утомляет новичка, но вместе с тем есть что-то, что ощущается сильнее этого шума и утомления ... Любовь к родине поглощала все остальные звуки, приукрашивая всё неприглядное.

Он станет художником, будет рисовать места, которые никогда не видел, но много раз слышал о них от своих соседей в «Новом дне», и оттого места эти в его воображении стали столь же живыми и настоящими, как в памяти самих рассказчиков. Он устроит выставку, бунт красок против всех этих мучений и несправедливостей. А потом поедет на родину предков, зарисует с натуры деревню своих дедов и отправит картины в Казахстан. Посредством своих холстов по всей стране разнесет историю о том, что пережили жертвы ссылки.... Об этом он мечтал. Но разве ж все складывается так, как мы мечтаем?

В художественное училище его не приняли. Темноволосая женщина, не знающая ни слова по-азербайджански, хотя и похожая на азербайджанку, взирала на всех подающих документы абитуриентов со странным отвращением. Мурад ощутил, как яд ее взгляда просачивается ему в кровь. И вопросы ее были такими же ядовитыми. Место рождения? А что, там нет художественных школ? Как вы туда попали? Что? Ссылка? «Враги народа»... Мурад разнервничался:

– Какие еще враги народа, разве не прошла пора этих лживых обвинений? Умер Сталин, умер Багиров, и разговоры эти тоже закончились. Большинство из тех, кого сослали в Казахстан и Сибирь, не имели ничего общего с этим понятием. Единственной виной людей, переселенных из Армении и Грузии, была их принадлежность к тюркам. Наша интеллигенция, религиозные деятели, основатели народного правительства или просто жители приграничных сел, их дети... Кто может считать их врагами? Все они реабилитированы, причем не сейчас, а много лет назад!

– А у тебя есть свидетельство о реабилитации?

– Зачем оно мне? Это дед мой был ссыльным, и свидетельство тоже он получил. А я нормальный советский гражданин! Такой же, как вы! Между нами нет никакой разницы!

Этими словами он явно взбесил женщину:

– Что значит, такой же, как я? Может, ты меня еще и учить будешь?

С ворчанием и бурчанием она все же взяла его документы, но на просмотре он срезался. Никто не отнесся серьезно ни к тем работам, что он принес с собой, ни к тем, что нарисовал во время экзамена.

Вернуться назад он не мог, и хорошо, что прием в художественную школу проходил в середине июня, раньше вступительных экзаменов в другие учебные заведения. Взяв документы, он, терзаемый сомнениями, понес их в Бакинский государственный университет и без всяких трудностей поступил на исторический факультет.

Хотя, по правде говоря, ему было уже совершенно безразлично, поступил или нет – он нашел свое место, и этот большой город, говорящий на его родном языке, даже если б он просто слонялся без дела по его улицам, сам по себе был отличной школой. Больше всего ожиданий у него было от молодых людей, день-деньской спорящих в парке Академии наук вблизи университета. В степях Казахстана он также жил среди тюрок, но те были охвачены какой-то обреченностью и порожденным ею страхом. И настроение это невозможно было развеять никаким благосостоянием и благополучием, никакими свадьбами и торжествами.

Сравнивая свой далекий поселок со свободным Баку, он не знал, радоваться ему или печалиться? Конечно же, ему было радостно, радостно от души, но вместе с тем ту же душу окутывала грусть, причина которой была проста: здешние его ровесники, вечно веселые, работающие, сдающие экзамены, не устающие от споров, готовые полдня обсуждать какой-нибудь футбольный матч на другом конце земли, досконально знавшие, что едят и пьют, что носят популярные артисты, понятия не имели о десятках тысяч людей, живущих в ссылке воспоминаниями о родине. Все интересовались друг дружкой: на какой факультет хочешь поступать, какую школу окончил?

Услышав, что он приехал из Казахстана, они удивились: «Ты там в школе учился?», «У вас там родственники есть?», «Там много азербайджанцев?»

Да, эта молодежь не знала о существовании в тех краях людей, носивших такие же фамилии, как они. А если так, то откуда им знать о судьбах этих людей, о том, что им довелось перенести, о том, как они продолжали жить, вырвавшись из лап смерти?

Честно говоря, попав в Баку, он позабыл и о последнем наставлении деда, и о родной деревне, и о просьбах соседей и не хотел думать об этом, пока не сдаст экзамены, отложив эти заботы на потом.

А сдав экзамен, сразу же отправил телеграмму отцу. Мол, папа, с тебя причитается. Главное – учиться в Азербайджане, а на остальные дела у него будет еще предостаточно времени.

В такой ситуации невольно становишься особо чувствительным к знакомым названиям и словам. И среди разговоров о том, кто откуда родом, одна фраза заставила его вздрогнуть – название района, где родились и жили предки Мурада, упомянутое одним из юношей.

– И наша семья тоже оттуда, – сказал он, присоединяясь к разговору.

– Так ты же сказал, что приехал из Казахстана?

Парень по имени Шахин посмотрел на него с недоумением.

– Ну, и что? Я родился в Казахстане, но дед мой родом из ваших мест! Он уже потом переехал в Азию. Точнее, ему помогли переехать...

Шахин был парнем сообразительным и сразу понял, о чем идет речь.

– Вот оно как! Может, он с моей родней даже из одной деревни был? Наших тоже раскидало в разные стороны... Лишь некоторые из них возвращаются.

– Разрешают им?

– Ну, да, препятствий больше нет, но все равно, мало кто едет назад.

То, что, еще даже не поступив в университет, он уже познакомился с земляками, тоже было своего рода божьим промыслом.

Через несколько дней новые знакомые отвели его к себе на съемную квартиру, которую снимали позади Медицинского университета во дворе армянина по имени Самсун. Это была просторная комната с небольшой кухонькой, а во дворе день и ночь безостановочно лилась вода, что очень удивляло Мурада. Неужели хозяину дома не жалко тратить столько воды впустую... Ванная и туалет были общими, но это не доставляло особых неудобств – квартиранты приходили сюда только спать. В конце месяца выяснилось, что Шахин поступил на факультет журналистики, двое других его друзей – на юридический, но, несомненно, больше всего они радовались именно его поступлению.

В один из тех дней Шахин, посмеиваясь, обнял его:

– Друг, оказывается, мой отец хорошо знает вашу семью, даже припоминает, где находился ваш дом, и настаивает, чтобы я взял тебя с собой, когда поеду в район.

Лучшего сюрприза Мурад и представить себе не мог, но сперва он должен был выполнить поручения соседей, затем поехать в Казахстан, чтобы уладить все дела с паспортом, и в этот раз уже надолго, а может, и навсегда, вернуться на Родину.

С сильным волнением ехал он к родителям. Заклятие разрушено. И хотя в деревне было немало людей с высшим образованием, но учеба Мурада в Баку – это совсем другое дело, ведь оно перебрасывало мост, который соединит их с Родиной. Алиджан не стал ничего спрашивать – если сын после экзамена побывал бы в деревне, сам сказал бы об этом. Таким образом они не коснулись темы, интересующей обоих и будто открывающей новую страницу в судьбе их семьи. В конце августа Мурад вернулся в Баку уже в качестве студента.

Уроки были сложными, учителя беспощадными, ни одно занятие невозможно пропустить. «Если не заложить правильный фундамент на первом курсе, то на следующие вообще нет смысла ходить, сколько б ни учился, ничего не поймешь», – пугали их преподаватели. Хоть он учился на русском отделении, но большинство преподавателей были азербайджанцами и, узнав, что он приехал из Казахстана, начинали относиться к нему иначе. Осознав, чем продиктована подобная заботливость, Мурад был растроган. Однако попадались и такие преподаватели, пара-тройка человек, которые, слышав азербайджанскую фамилию, кривились, как от ложки горчицы, и, конечно же, многие студенты чувствовали это, а некоторые даже жаловались в деканат. Мурад успокаивал их: «Они просто хотят сказать, мол, что вы делаете на русском отделении, если есть азербайджанское, и в этом совершенно правы. Вы на меня не смотрите, на чужбине не было другого варианта, кроме как учиться по-русски, но вас и ваших родителей я понять не могу. Почему они не отдали вас в свои, азербайджанские школы?»

Разумеется, на его слова никто не обращал внимания, да если б даже и обратили, что это изменило бы?

В те годы языковой вопрос был одним из самых обсуждаемых среди студентов и считался чуть ли не делом жизни и смерти для всей нации. Аудитории взрывались, как пороховые бочки, когда в них просачивались слухи о недовольстве армян: «Да что им может не нравиться? Какие могут быть у них претензии? Кто дал им право, живя в моей стране, смотреть свысока на мой народ, мой язык, мою историю? Откуда взялась эта смелость, сидя в лодке, драться с лодочником?»

Мурад не вступал во все эти споры...

Сперва сам себя уважай, свой язык и землю, чтобы и другие стали тебя уважать. Знай цену своему языку!

Он получил место в общежитии. Время до зимней сессии пролетело в мгновение ока. Бакинская жизнь так закрутила его в своем водовороте, что не было никакой возможности подумать о «родовом гнезде». Вот только университетское общежитие – это своего рода зеркало, отражающее происходящее не только в стране, но и в мире. В каждом общежитии есть хотя бы небольшая комната для собраний, где по вечерам обсуждаются все мировые события. И в общей атмосфере этих дискуссий крылось многое из того, чего так не хватало Мураду на чужбине. Какие бы страшные истории ни рассказывали о последствиях таких разговоров, студентам все было ни почем, они были выше таких страхов. Пожилые преподаватели, слушая их вопросы, приговаривали: «Хорошо, что вы не застали 37-й год!», не зная, что есть среди этих молодых людей те, кто до сих пор еще ощущает горечь того самого 37-го года и лишь недавно сумел вернуться на родину. Начавшиеся в стране гласность и перестройка подстегнули бунтарский дух студентов и наполнили сердца народа азартом борьбы и надеждами на будущее.

Мурада больше интересовало отношение его сверстников к прошлому – многие, а точнее, большая их часть понятия не имела о печальной судьбе десятков тысяч своих ссыльных соотечественников, хотя все очень симпатизировали народному правительству 1918-20-х годов. Официальная пропаганда против жертв 1937 года утратила всякий смысл. Социалистические фантазии Москвы лопнули, как мыльный пузырь, и все вложения в это дело пропали зря. Молодежь не поддавалась на советскую идеологическую ложь, напротив, у молодых людей вызывала протест всякая критика в адрес народного правительства и его основателей.

Разделение Азербайджана, создание на части этой земли страны под названием Армения, Тебриз, Керкут, Борчалы, Дербент... это были основные темы ежедневных обсуждений. И участвовать в них было куда увлекательнее, чем слушать нудные лекции. Ко всем этим темам Мурад привык еще в Казахстане, но, если там их обсуждали шепотом и с опаской, то здесь все от мала до велика, и всюду, от квартир до официальных учреждений, говорили об этом открыто, как о чем-то насущном.

Занятия не оставляли ему времени для частых встреч с земляками, но Шахин то и дело напоминал о поездке в район, рассказывал все новые и новые истории, связанные с теми местами, и говорил: «Летом мы обязательно туда съездим».

Как-то раз они повстречались на троллейбусной остановке. Шахин и Рагим куда-то спешили, и со словами «пошли с нами», затащили его вслед за собой в троллейбус.

– Куда вы так торопитесь-то? – спросил он.

– На встречу в университете. Наш факультет организовал. Будет интересно.

Найдя свободные места, они уселись. Постепенно трамвай заполнился. Хитро посмеиваясь, Шахин сказал: «Ты человек неместный, издалека прибыл, никого тут не знаешь, так что доведу до твоего сведения, что один из тех, с кем мы сегодня встретимся, – это академик Зияд Шихлы, а второй – поэт Алтай Гызылбаш. А в дополнение спешу сообщить, что поэт этот – наш земляк».

– Разве кто-то из гызылбашей уцелел еще до сих пор? – прошептал Мурад.

Шахину на глаза навернулись слезы:

– В наших краях все гызылбаши...

Для Мурада, выросшего в Казахстане среди представителей множества национальностей, все азербайджанцы были земляками. Но увиденное на чужбине напоминало ему также и о крохотном очаге на родине и побуждало интересоваться всем, что так или иначе с ним связано.

Мурада удивило, что гостей встретили сотрясающими стены овациями. Шепотом он поинтересовался о причине.

– Во-первых, как ты видишь, они очень просты в общении, ведут себя со студентами так, будто сами одни из них, – объяснил Шахин. – Но есть еще и во-вторых, в-третьих, в-десятых и в-пятнадцатых, но об этом я расскажу тебе потом.

Гости спокойно взирали на волнующееся студенческое море, словно в их руках были рычаги, увеличивающие или снижающие уровень этого волнения.

Мурад вновь склонился к Шахину:

– Где-то я видел этого поэта – Алтая Гызылбаша.

– Да кто ж его не видел и не знает. Он каждый день то на одной встрече, то на другой. Не каждому под силу заслужить народную любовь.

– Нет, я знаю его в связи с чем-то другим... Постой-ка! Да не может такого быть! Он ведь приезжал к нам в деревню!

– Куда, в Казахстан? – изумился Шахин.

– Да, года 4-5 назад приходил в нашу школу. Даже обедал у нас дома. У нас и фото его сохранилось.

Это воспоминание превратило поэта в родного для него человека. Отвечая на вопросы студентов, тот не взвешивал каждое слово, как делали это учителя. На темы, интересующие молодежь, говорил уверенно и смело, вновь и вновь вызывая взрывы аплодисментов. Академик же, на чьей груди сверкала Звезда Героя, поднимал собравшихся на иной уровень национального сознания, настраивал на иной лад...

У родного очага

После той встречи в университете желание Мурада поехать в деревню предков еще больше усилилось, но, как бы они туда ни стремились, не оставалось ничего другого, как ждать окончания экзаменов. Лишь в конце июня они с Шахином и еще несколькими сверстниками, которых прежде знали только понаслышке, пустились в путь. Когда миновали какой-то канал в Мугани, Шахин указал ему на стоявшее слева от дороги двухэтажное здание без окон и дверей и сказал:

– Хорошо, что ты оказался здесь сейчас. Еще пару лет назад тут невозможно было проехать. Пограничники всю кровь выпивали. Будто нарочно сюда присылали таких солдат, которые нас на дух не переносят.

Но как только они свернули на восток, по направлению к горам, ступенями избегавшим в самое небо и терявшимся в облаках, переменялись и пейзаж, и воздух, и настроение Мурада. Поля стали шире, чаще стали попадаться курганы и походявшие на них холмы, они все теснее жались друг к другу, превращая прямую дорогу в зигзаг. Это была та самая дорога, которая когда-то увезла в один конец его деда и отца. Ему казалось, что он слышал дома о каждой из этих гор, о каждом кособоре, о каждом из деревьев, превращавших дорогу в туннель. Через каждые 100-150 метров дорога делала очередной поворот, и взору его открывалась новая красота. Редкая дубрава, будто посаженная вручную, становилась гуще, почти непроходимой, а когда в ней иногда появлялись просветы, вдалеке виднелись вершины гор. «Вот туда мы направляемся», – сказал Шахин, указывая на эти вершины, чтобы его напугать.

Мурад знал своего друга: «Да хоть еще дальше, что с того?»

Асфальт закончился, начался грунт, и к ночи они добрались до деревни, с трех сторон окруженной скалами и лесистыми откосами, будто горы любовно держали ее в горсти. Здесь должны были бы жить и родственники Мурада, но, по словам Шахина, мало кто возвращался обратно. И в самом деле, на месте некогда маленького городка теперь стояло всего 10-15 жилищ, а остальные дворы давно поросли высокой сорной травой, душа покинула дома, оставив лишь высохшую оболочку, и только громадные орешники, прикрывая ветвями разрушенные стены, с трогательной преданностью охраняли эти ничейные дворы, где на месте прежних огородов теперь поселились ежевика и боярышник...

Первые переселенцы, вернувшиеся сюда, не слишком доверяя властям, строили легкие каркасные дома, которых было б не жаль, если их вдруг разрушат, а вот дома тех, кто приехал позже, построены уже из камня и мало отличаются от городских.

Отец Шахина, Миралам, обнял сперва сына, а затем и Мурада: «Твой приезд для нас все равно что царский визит, мой мальчик! С прошлого лета мы тебя ждем. По телефону спрашивали о тебе у Шахина, просили его заботиться о тебе, ты ведь тут совсем один, из чужого края...».

Царившие между членами этой семьи любовь и взаимопонимание, то, что они помнили его предков, их воспоминания о далеком прошлом – все это взволновало Мурада. Но о завете бабушки он упоминать не стал. Соседи и родня, узнав о госте, каждый день приходили повидаться с ним.

Когда же все улеглось, Мурад сказал другу: «Возьми-ка лопату и пойдем в лес». На лице Шахина появилось изумление, почти сразу же сменившееся его излюбленной хитрой улыбкой.

– В какой еще лес? – спросил он и, посмеиваясь, добавил: – Есть в воздухе этой деревни что-то такое: всего несколько дней ты тут, а он уже и тебя с ума свел, бедный мальчик!

Но Мурад был серьезен:

– Пойдем в место, которое называют Кәнд yerі (деревня).

– Клад ищешь?

– Кое-что поценнее клада...

Шахин был из тех, кто не успокоится, пока не вытянет из человека всю правду. Однако, поняв, что Мурад больше ни слова не скажет, он отступил, прихватил немного хлеба с сыром, сказал домашним, что они идут к роднику, завернул лопату в пустой мешок и собрался выходить. Дом их стоял на краю деревни, и уже через считанные минуты они оказались в лесу. Мурад хотел сам найти место, о котором говорил дед, но, дабы уточнить, спросил у Шахина, где находится «большой чинар». «Вот эта тропинка ведет прямо к нему», – ответил друг, захлебываясь еле сдерживаемым любопытством.

...Никакое интересное событие не могло ускользнуть от внимания будущего журналиста (он уже опубликовал несколько статей в районной газете). Стоя в стороне, он наблюдал за тем, как Мурад торопливо копает землю, и мысленно уже готовил репортаж о том, как приехавший из Казахстана студент отыскал клад в азербайджанских лесах. Прекрасная тема, лучше и быть не может!

Мурад же был полностью поглощен работой, так что даже забыл попросить Шахина о помощи. Он все копал и копал, не замечая ничего вокруг. Он был уверен, что верно определил место, описанное дедом, словно некий таинственный голос нашептал ему об этом, некая таинственная рука держала лопату вместе с ним. Дело спорилось, комья земли разлетались во все стороны, дыхание его участилось, на лбу выступил пот. Вдруг он почувствовал, что лопата зацепилась за что-то, и, упав на колени, продолжил рыть уже руками.

«Поздравляю, нашел-таки!» – не удержался от поддевки Шахин. Но, увидев, как побледнел Мурад, он осекся и, наклонившись, стал помогать другу. Когда земля была расчищена, в руках у Мурада оказался уголок старого паласа и корешок книги. Глубоко вздохнув, он проговорил: «Слава Богу, нашел я дедовский клад!»

Шахин сразу смекнул, что дело нешуточное – он достаточно слышал о том, как в 30-х годах, когда на арабский алфавит были объявлены гонения сродни инквизиторским, многие закапывали в лесу и садах все имевшиеся у них старые книги, написанные этими «запретными» буквами. Знал он и то, что в этих местах люди издревле увлекались чтением, да и почти все старшее поколение его собственной семьи учились в Ардебиле, Тебризе или Наджафе. Ведь отсюда до Тебриза рукой подать, ближе, чем до Баку. Книги прятали кое-как, лишь бы не попасться в руки безбожникам, врагам культуры, большевистскому отребью, русским и армянским чиновникам – предателям и соглядатаям или начальнику НКВД Севояну. Лучше уж самому себе пулю в лоб пустить, чем иметь с ними дело.

Но, даже зная все это, он не припоминал, чтобы кто-то когда-то приходил в этот лес за книгами, и вот теперь, радуясь тому, что стал свидетелем такого события, хотел выяснить, каким образом книга эта пролежала под землей аж целых полвека.

Края ее стерлись, надпись на обложке стала неразличимой, но сама обложка была цела, а страницы, ставшие похожими на сухие осенние листья, тем не менее, не сгнили, вот только прочесть, что на них написано, было уже невозможно. Теперь Шахин уже больше самого Мурада старался достать все остальное и расширял вырытую ими яму, как археолог, напавший на след древнего города. Зная от старших, что, помимо Корана, таким образом прятали и другие старинные книги, Шахин в душе очень надеялся, что они найдут что-то этакое, уникальное, о чем неведомо даже Институту рукописей. Он обожал сенсации.

Прощупывая края паласа, было нетрудно определить его размер, и, кажется, здесь было зарыто еще несколько мешков, которые не удалось ничем прикрыть. Но внутри паласа не оказалось ничего, кроме десятка сильно поврежденных влагой и изъеденных насекомыми страниц. Но не могли же книги просто превратиться в прах и смешаться с землей. Твердая обложка защитила бы их от сырости. Пятьдесят лет – не такой уж долгий срок! Нет, кто-то унес эти книги...

У обоих по щекам текли слезы. Среди страниц попадалось и несколько обложек – названия были, но самих книг не было. Все надежды Мурада рухнули, и он с таким лицом опустился на край вырытой ямы, будто ждал, когда его самого засыпят землей.

Когда они подошли к дому, Шахин прислонил лопату к забору и с улыбкой пояснил: «Вижу, ты увлекаешься раскопками, так что пусть полежит пока здесь, вдруг еще понадобится». А потом рассказал Мураду историю о том, с какой дотошностью работал КГБ. Как-то раз один пожилой крестьянин написал своему единственному сыну, живущему в городе, что, мол, силы мои уже не те, лопату в руках удерживать не могу, приезжай-ка ты на несколько дней, вскопай огород. А сын ему отвечает телеграммой: «Ни в коем случае не надо ничего копать, не трогай огород, я там труп зарыл».

На следующий же день после того, как пришла эта телеграмма, с утра пораньше в дом к старику набегали работники органов, перекопали весь двор вдоль и поперек, ничего не нашли и убрались восвояси. А на завтра пришла вторая телеграмма от сына: «Извини, отец, не мог помочь тебе иначе. Зато теперь и огород, и двор вскопаны, сажай, что хочешь!»

«Так вот, друг мой, сдается мне, что, коли останешься ты еще немного в этой деревне, то и наш двор вскопашешь в лучшем виде», – подытожил свой рассказ Шахин.

Но и эта шутка не заставила Мурада улыбнуться. Парни молча отправились мыться. Никто не спросил, как они провели день...

Старинное святилище на окраине деревни каждый называл по-своему. Одни – Очаг Дервиша, другие – Сейидхуррем, третьи – Пирибаба. Главное, что все свято верили в силу этого места и в то, что оно способно творить чудеса. Сюда на паломничество приходили даже издалека, но никто уже не помнил, когда в последний раз кто-либо заходил внутрь него. Если не приглядеться, то и вовсе невозможно было заметить дверь в маленькой деревянной хижине, скрытой среди побегов айвы и кизила.

В отличие от деревни Шахина, здешние жители не вернулись назад. А если кто-то и возвращался, то обосновывался в райцентре, потому что большая часть полевых территорий в этой деревне осталась по ту сторону колючей проволоки, на так называемой нейтральной полосе. Так что бывшие обитатели этих мест ныне приезжали сюда только летом, ставили палатки вдоль границы, отдыхали неделю-другую, проветривались и ехали обратно.

Мурад в смятении и одиночестве бродил среди деревьев и остовов старых домов, выстроенных вдоль брусчатых дорог. Глядя вокруг затуманенными от слез глазами и срывая зреющие плоды старых черешневых деревьев, он долго слонялся по заброшенной деревне. Гулял, смотрел по сторонам и за себя, и за своих старших. Бог знает, свидетелями скольких радостей и горестей его предков были эти края.

В опустевших дворах кусты ежевики, крапивы и бузины вымахали с человеческий рост. Из подножия поросшей алычой скалы бьет родник. Выйдя к нему, он долго умывался ледяной водой, словно пытаясь смыть не только грусть со своего лица, но и все страдания своего рода. Потом вдоволь напился этой воды, пока не заняли зубы, и при этом был уверен, что в далеких и жарких казахских степях отцу его тоже становится прохладнее, и душа деда радуется оттого, что внук добрался до мест, куда не могли попасть они сами, видит все то, по чему так соскучились их глаза, и окунает руку в родниковую воду, по которой тосковали они каждое лето. Но жажда его была неутолима.

Шахин тоже склонился над родником и, сказав «отличная вода», отошел в сторонку.

А Мурад, выпив еще, сказал ему: «Где-то здесь был наш двор» и стал медленно подниматься вверх.

Такой вывод он сделал со слов отца.

Ореховые деревья и надпись на камне, стоящем у дороги перед развалинами снесенного полвека назад дома, подтверждали, что так оно и есть. И хотя от самого дома почти ничего не осталось, но ступени его сохранились, как сохранились и невидимые следы на этих камнях. Ему хотелось припасть к ступеням и целовать эти следы, берегущие силу и надежду ног, которые их оставили.

– Шахин!

– Да!

– Чем так притягательны эти горы? В чем их секрет, их магия?

– Не задумывался об этом...

– Ты вообще о чем-нибудь задумываешься? Я тоже никогда прежде об этом не думал, а вот сейчас... Каждый из тех, кто там, в Казахстане, страдает от тоски по родине, носит в своих воспоминаниях и грезах такую вот маленькую деревеньку, горы и овраги, свое личное прошлое... И как бы вольготно и богато они ни жили на чужбине, но всегда стремятся назад, в отчий дом, туда, где сделали первый вдох и издали первый крик.

– Может, все дело именно в этом первом вдохе и крике...

– Но свой первый крик я издал не здесь. Так что же тогда тянет меня сюда?

– Поэт, который выступал перед нами в университете, видимо, тоже пережил в этих горах похожие чувства. Есть у него одно высказывание: «Память крови древнее памяти истории и книг». Наверно, в этом и заключается секрет!

– Не пускай в ход свою журналистскую фантазию! – улыбнулся Мурад.

Шахин громко рассмеялся:

– Мир нуждается в моей фантазии. А впоследствии всем этим будете заниматься вы, историки. Так что не позабудь мои слова!

Мурада будто молния пронзила:

– Возможно, наши деревни именно поэтому и опустошили! Чтобы выкорчевать корни здешнего населения – долгожителей с отменным здоровьем! И со столь же отменной памятью. Чтобы уничтожить эту их память!

– Молодец. Понял теперь тайну этих мест? Вот и сотворили они с тобой чудо: умнеешь на глазах. Это и социальная, и научная проблема... Говорю же: не позабудь мои слова!

Конечно же, это была шутка, но у Мурада с глаз словно пелена спала, и он поразился, что до сих пор никогда не думал об этом.

Переговариваясь, они сошли с дороги, ведущей в райцентр, и петляли теперь среди скал. Шахин опасался, что друг вздумает и здесь вести свои раскопки – местные жители такого не потерпели бы. К двери маленькой гробницы так давно никто не прикасался, а уж тем более не открывал, что она покрылась мхом

– А вот и святилище. Можешь загадывать желание, – сказал Шахин.

– Нет у меня никаких желаний. Все, что я делал с того момента, как приехал в эту деревню, было волей покойного деда! Мы должны попасть внутрь!

– Боюсь я, брат. Видишь ведь, все вокруг кустарниками поросло, и Бог знает, сколько змей охраняет вход.

Мурад оттолкну его в сторону:

– Ну, и не входи тогда!

После того, как в лесу книг не оказалось, надежда оставалась лишь на это святилище. Потянув дверь на себя, он открыл ее. Внутри, вопреки опасениям Шахина, было чисто и сухо. Двойная крыша их толстых досок не позволяла проникнуть сюда снегу и дождю. Посередине стояло надгробие, надпись на котором он прочесть не смог. Хоть они и разбирались немного в арабском алфавите, но эти письмена были выведены особым, сложным стилем, который далеко не каждый поймет.

– Кто бы здесь ни лежал, да упокоит Господь его душу. Большая часть этих могил принадлежит каким-либо сектантам или героям сражений, – сказал Шахин.

Позади надгробия стоял большой деревянный сундук, обитый по углам металлическими пластинами, еще сохранившими свой первоначальный цвет. Подойдя к нему, Мурад осторожно поднял крышку. Казалось, что он раскрывает дверь тысячелетней истории. Сундук был полон старинных книг и рукописей. Страницы многих из них от влаги слиплись, но надписи на обложках и тексты были вполне читаемы. В солнечном свете, льющемся через каменную решетку узкого окошка, он по одной брал эти книги в руки, рассматривал и откладывал. Все они были религиозного толка.

Увидев среди прочего тетрадь в черной обложке, он растерялся и едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Надпись на первой странице была очень отчетливой. Да, это та самая тетрадь, о которой говорил дед. «Наконец-то я нашел», – прошептал он сам себе. «Что ты там искал и что нашел?» – спросил Шахин. Но Мурад не ответил, просмотрел остальные книги, аккуратно вернул их на место и, забрав с собой черную тетрадь, вышел наружу.

– Этот тип меня с ума сведет, – пробормотал Шахин и, продолжая ворчать, пошел следом.

Вокруг не было ни души, и это их радовало. Это место было не из тех, куда любой может запросто попасть. А приходившие, как правило, обходили гробницу по кругу, повязывали лоскут ткани на ветку одного из растущих за забором деревьев и уходили. Никому и в голову не пришло бы войти внутрь святилища. Мало ли, чем это может быть чревато!

Покинув пустую деревню, Мурад обнял Шахина:

– Я так тебе благодарен за то, что помог мне исполнить последнюю просьбу деда!

– Давай, открывай, посмотрим, что там написано. Может, завешание? Или аяты, переписанные из Корана.

Сев под деревом, Мурад раскрыл тетрадь. Страницы были исписаны арабским алфавитом не очень разборчивым почерком. Прочесть их он не смог... Дед велел дать эту тетрадь на «расшифровку» надежному человеку. И где теперь найти этого надежного человека, понимающего арабский алфавит?

Кто знает, что написано в этой тетради, может, что-то очень простое. Но даже если в записях этих не было никакого сакрального смысла, он все равно должен был исполнить завет. Возможно даже, стоит не искать кого-то, а самому освоить в достаточной степени старый алфавит...

Вопреки его ожиданиям, в черной тетради не было ничего особенного. На первой странице латинскими буквами было выведено: «Записано со слов народа». И в самом деле, вначале шли образцы из местного фольклора. Большинство из них повествовало о приключениях Гачаг Гасана. Ничего из этого Мурад не знал. А со второй половины тетради начинался арабский алфавит.

Если б не необходимость возвращаться в Баку, Мурад вовек не расстался бы с этими местами, хранившими память о его предках.

Это были не только его переживания, но также влияние рассказов отца и деда и полученное дома воспитание. Но, оказывается, не он один так думал: его радовало, как много, оказывается, тех, кто так же рвется в деревню, к родному очагу и не хочет расставаться со здешним очарованием.

...В воскресенье они приедут в Баку. А в субботу он увидел, что вокруг родников, где прежде лишь эхо гуляло, теперь полным-полно людей. «С чего вдруг сегодня здесь столько народа?» – поинтересовался он у Шахина. «Летом по субботам и воскресеньям тут всегда многолюдно. Все, кто может, приезжают на пару дней подышать свежим воздухом», – ответил тот.

Когда режим был еще силен, люди не могли заехать дальше Сальяна.

Мураду казались странными жалобы Шахина на мелкие препятствия в Мугани. А как же те, кого отправили в ссылку, обрекли на жизнь вдали от родины, в Коми, на полуострове Ямай, в Кустанае, Караганде, Чуйской долине, Сибири, Магадане, на Чукотке – что делать им, потерявшим надежду возвратиться назад, и их детям?

...Они поздоровались с людьми, расположившимися на разостланных у родника паласах. Те хором ответили на приветствие. Сидевший во главе этого импровизированного стола пожилой мужчина в папахе из овчины и с бронзовым от загара лицом спросил у Шахина: «Кто это рядом с тобой?»

– Из наших, но издалека приехал.

– Откуда?

Шахин многозначительно посмотрел на Мурада – дескать, отвечай сам, я ж тебе не переводчик...

– Из Казахстана я, из ссыльных, – сказал Мурад.

Мужчина уставился вдаль:

– Понятно. Они уехали раньше нас. В 1938-м. Ты чьих будешь?

– Вряд ли вы их знаете.

– Почему ж не знаю, сынок, из какой вы деревни?

– Да из этой самой!

– Неужто ты один из внуков Султанали? – воскликнул мужчина. – Чем-то похож ты на него.

Мурад испытал одновременно радость и растерянность.

– Да, я его внук, сын Алиджана.

Мужчина вскочил с места и обнял Мурада:

– Добро пожаловать, дорогой! Хороший ты наш!

Мурад увидел и почувствовал, как тело мужчины сотрясли рыдания.

Остальные тоже встали с мест и окружили их, явно не собираясь отпускать Мурада.

Все они по одному обняли его и чуть ли не силком усадили обоих вместе с собой. Были они из тех, кого переселили в начале 50-х годов. Причем не в Казахстан, а в Ширван.

«Им-то что! Счастливики! – подумал Мурад. – Вот бы у нас была возможность хоть иногда наведываться в эти места».

Слово за слово, вопросы, расспросы, разговор затянулся, после чего, пообещав, что придут в гости в Ширван, они ушли.

Эта встреча имела для него почти такое же значение, как находка дедовой тетради.

Он не хотел думать о том, что будет дальше, кого он встретит на родине, потому что был счастлив. Если бы даже он не имел комнаты в общежитии, если бы пришлось ночевать на улице и голодать – даже в этом случае ему было бы здесь хорошо. Ведь он говорит на родном языке, видит родные лица, будто попал на райскую планету. И тем же путем, которым приехал сам, он собирался перетянуть сюда всю свою семью...

Тяжелые дни Баку

На последующих курсах учебная ноша Мурада облегчилась, появилась возможность окунуться в бурную жизнь города, мысли его прояснились, укрепилось желание посвятить жизнь людям одной с ним судьбы, и его стала все больше привлекать деятельность, связанная с жертвами репрессий.

Баку постепенно закипал. Студенческая среда, встречи, в которых он участвовал, и даже разговоры на улицах и рынках – все свидетельствовало о новом возрождении национального сознания. Народ пробудился, вслед за Москвой и Прибалтикой ветер перестройки и свободы добрался и до юга.

На одной из встреч в университете он познакомился со старшекурсниками юридического факультета. По сути каждый из них был революционером и самоотверженным борцом за интересы родины. Слова, вырывающиеся из их уст, были горячи, как лава вулкана: «Пора положить конец российской оккупации!» «Азербайджан должен быть воссоединен!» «Почему Сталин позволил объединиться Украине, Белоруссии, но не Азербайджану?», «Почему Южный Азербайджан утопили в крови и казнили Пишевари?» «Мы вышли из Турана и должны создать Туран». Как альтернатива этому, велись также обсуждения изданных в Москве книг на тему тюрко-славянской дружбы, ее значения и евразийской идеи.

На одном из таких обсуждений Рагим познакомил его с Али – братом Алтая Гызылбаша, также учившимся на юридическом факультете. Али знал его заочно по рассказам друзей и сразу, без всякого вступления, заговорил пылко и взволнованно:

– Знаешь, что будет, Мурад? Представь, что в одночасье исчезнет позорная колючая проволока, разделяющая надвое наше сердце, исчезнут границы, будто горы сбросят сковывающие их цепи. Заживает двухсотлетняя рана на груди земли. Люди расправляют плечи, дышат свободнее и легче. Стада разбредаются по летним пастбищам. Несутся, как на крыльях, кони. Выйди утром из деревни и езжай себе в Ардебиль на базар, отоварься и к полудню возвращайся домой. Одна нога в Тебризе, другая в Баку. Посмотришь, как в кратчайшие сроки вновь зацветут наши разоренные деревни!

– Откуда в тебе столько уверенности?

– Не видишь разве, как стремительно меняется мир? Еще несколько лет назад кому бы в голову пришло говорить о независимости союзных республик?

– Хорошо бы эти разговоры до добра довели, а не наоборот. Я опасаюсь повторения в Баку алма-атинских событий.

Но Али был настроен оптимистично:

– Дай Бог, не повторится та трагедия. У них много готовых сценариев. Кто знает, какой из них выпадет на нашу долю. Откуда придет XI Красная армия.

– XI Красная армия уже здесь, – сказал Мурад.

Али засмеялся:

– Здешних мы приручили. Новая оккупация будет осуществляться руками новых хищников.

Прощаясь, Мурад попросил Али:

– Принеси мне книгу своего брата. А то ее передают из рук в руки, и до меня очередь все никак не доходит.

– Думаешь, у меня она осталась? – ответил Али с улыбкой. – Но ради тебя возьму у него самого.

Слово свое он сдержал – уже назавтра принес обещанную книгу. И Мурад понял еще одну причину перемены атмосферы в Баку.

Вторым секретарем ЦК в Баку не стал русский. Если б только сюда прислали какого-нибудь опытного русского, любящего свою работу, имеющего совесть и уважающего местное население!... Бакинские чиновники были во сто крат большими русофилами, чем их московские коллеги, и гораздо старательнее лизали пятки Центру. И когда Нагорный Карабах поднялся против Баку, Мурад понял, что вот сейчас-то начинается его настоящий университет и та история, о которой он должен писать.

К счастью, ректор был человеком, хорошо чувствующим веяние времени. Сообразив, что не сможет остановить потоки студентов, стекающие на площади, он сам присоединился к ним и, сидя вместе с ними у костров, охранял их таким образом. Хотя университет был одним из основных участников движения, ректор не позволял арестовывать студентов и не исключал активистов, как это делали в других вузах. А как только митинги заканчивались, занятия возвращались в свое русло.

Шахин, окончивший университет на год раньше него, устроился на работу в издаваемую Алтаем Гызылбашем газету «Азербайджан». Как-то раз, придя навестить друга, Мурад встретил в коридоре редактора. Шахин торопливо представил его:

– Он из казахстанских азербайджанцев. Вы бывали в их деревне.

– В какой именно?

– В колхозе «Новый день», – отозвался Мурад.

Алтай задумался и, наконец, сказал:

– Да, помню. Я заехал туда по пути из Бишкека. Прекрасная деревня. У нас была встреча в школе. И еще мы обедали в одном доме. Хозяина Алиджаном звали.

– Я сын того Алиджана, – смущенно сообщил Мурад.

Алтай внимательно посмотрел на парня и, взяв его за плечо, притянул к себе:

– Сейчас я спешу. Шахин, с тебя – устроить нам встречу в более подходящее время.

Но одна за другой последовали трагедии. Изгнание из Армении азербайджанского населения, Карабахская война, кровавое вхождение в Баку советской армии 20 января, непрекращающиеся бои, многодневные зарубежные поездки Алтая – все это не позволяло перевести дух, и «подходящее время» никак не наступало.

Осенью 1990 года Мурад вместе с друзьями присутствовал на встрече Алтая с избирателями в поселке Ахмедлы, но им опять не удалось поговорить.

В следующий раз он встретил Алтая у Зияд бей, уже после того, как поступил в аспирантуру.

– Не каждому выпадает счастье иметь такого научного руководителя! – сказал Алтай, указывая на академика. – Как-нибудь отвезешь нас в горы, пусть увидит тамошние следы репрессии.

Мураду казалось странным, что в городе, переживавшем столько резни и потерявшем столько ценных людей, нет музея геноцида.

Баку жил словно бы в неведении о всей той крови, что лилась по его улицам, о всех трагедиях, что происходили с его достойнейшими обитателями. Ушедших просто забывали. Никто не писал о них, никто не вешал мемориальные доски на дома, в которых они жили.

Существовало лишь одно общество, занимавшееся защитой прав жертв репрессий. Но он так и не смог найти, где оно находится, пока однажды случайно не встретился с человеком, который ему в этом помог.

Сидя в чайхане, этот человек по очереди показывал на стоявшие вокруг здания и рассказывал, каким миллионщиком и при каких обстоятельствах было построено каждое из них в начале XX века, к какому учреждению оно потом перешло, и как сложилась судьба его бывшего владельца. Это был донельзя темпераментный и нервный тип. Во время своего рассказа он все более распалялся, то и дело доставал из сумки какие-то бумажки, тряс ими над головой и совал под нос собеседникам. Из его слов становилось ясно, что основная причина его недовольства правительством заключается в том, что, несмотря на многолетние обращения, ему отказывались дать право наследования хотя бы одного, самого скромного из домов, которыми некогда владел его дед.

Звали его Васи́ф и, подсев за ближайший стол, Мурад не преминул сразу же с ним познакомиться. Несмотря на всю его нервозность, на лице Васи́фа невозможно было не распознать аристократичность. Правда, и он не сумел ответить на интересовавший Мурада вопрос, потому что членов этого общества было немного. Дети жертв репрессий все еще опасались открыто заявлять о себе. А может, просто не верили, что это общество может им что-то дать, и не хотели тратить на него время. Лёд ведь и так тронулся, список жертв за все тридцать лет обнародован, и большинство казненных реабилитированы после обращения их семей. Для людей, долгие годы носивших на себе клеймо «врага народа», это было огромной радостью и заменяло собой все остальное. Они ощущали себя, как приговоренные к смерти заключенные, которых вдруг отпустили на волю, и им было вполне достаточно того удовольствия от возможности свободно гулять по родному городу...

В этот период Мурад начал изучать арабский алфавит. Почему-то ему не хотелось доверять тетрадь, найденную в святилище, кому-то другому, будто бы в ней хранились ключи ко всем тайнам мира.

Выучить алфавит оказалось несложно. Спустя два месяца он уже понимал содержание книги. Но вот рукописи прочесть было невозможно. Видимо, для этого требовалось разбираться в разных стилях письма и иметь определенный опыт. Тетрадь будто нарочно была исписана трудночитаемым почерком. К тому же, от полувековой жары, стужи и влаги она выцвела, и только специалисты могли бы справиться с этой задачей. Но, не зная, что в ней написано, он не решался показывать тетрадь, кому попало. Несмотря на послабления, режим оставался все тем же, и судьба семьи заставляла его относиться ко всему с осторожностью. Тем более, что после того, как он не нашел старинных книг, передаваемых из поколения в поколение, эта тетрадь стала ему куда менее интересна. Скорее всего, это были воспоминания или завещания кого-то из предков, так что можно не торопиться – придет время, и он прочтает их сам... А пока главным его желанием было окончить университет, остаться в Баку и в будущем, если получится, перевезти сюда родителей, вернуть их на Родину.

Однажды он узнал, что в обществе жертв репрессий запланирована какая-то встреча. Случилось это так. Проходя мимо той самой чайханы, он заметил Васи́фа, сидевшего за тем же самым столом. Тот помахал Мураду, подзывая его к себе, потом, не дожидаясь, сам встал и, приблизившись, сообщил: «Приходи в субботу в городскую библиотеку, тебе будет интересно».

Встреча была посвящена массовой резне в Азербайджане, учиненной в 30-х годах советским правительством, и выступал на ней академик Зияд Шихлы, которого Мурад однажды уже видел в университете.

Исследователь истории Древних и Средних веков, он вдруг внезапно выбрал тему из новой истории, и оказалось, что и тут он встречает почти те же препятствия, что и при попытке разобраться в событиях далекого прошлого.

Он рассказывал о том, что, даже пользуясь в стране большим авторитетом, с великим трудом сумел открыть двери архивов, в которых хранятся летописи тех темных времен. И, не таясь, открыто и смело он делился тем, что ему удалось узнать:

– Архивы 30-х годов отвлекли меня от древней истории. Происходящее сегодня заставляет забыть не только о прошлом, но даже и о войне, на которой мы ценой своей крови победили фашистов. После той войны мы считали себя счастливыми. Началась новая жизнь. Выясняется же, что мы жертвовали собой ради спасения палачей. Враги моего народа, Сталин, Берия, Микоян, сидели себе преспокойно в Кремле, а я защищал их своей грудью, как щитом, подставлял ее под пули. Юность моя ползала по окопам Европы. Я их мать...

Он не dokonчил ругательство. Все знали, что эта фраза не сходит у академика с языка. Знали и то, что, когда он нервничает, то может выразиться так даже на официальных мероприятиях. Он говорил о том, что твердо намерен досконально исследовать потери своего народа и вытащить их на свет, и что никто не помешает ему на этом пути. То была осознанная и намеренная политика по обезглавливанию его нации, и она не ограничивается только лишь 30-ми годами.

– Многие события, с которыми мы сталкивались во время войны с немцами, и мои последующие наблюдения показывают, что репрессия эта не прекратилась до сих пор. Беспрерывное выселение азербайджанцев с территории, сейчас называемой Арменией, депортация ахыских тюрок – это лишь отдельные эпизоды кровавого преступления, продолжающегося на Кавказе уже две сотни лет и ставящего своей целью уничтожение целой нации. Даже сегодня очень трудно получить доступ к архивам 30-х годов, а уж тем более – обнародовать их. Попытка заставить народ позabyть свою историю и свои трагедии предпринимается на государственном уровне. Об этом должен знать каждый...

Этот высокий статный человек, напоминавший благодаря своим серо-голубым глазам Ататюрка, с первого взгляда пришелся по душе Мураду. Впервые с момента переезда в Баку он слышал, чтобы кто-то так откровенно и храбро говорил о выпавших на долю народа адских мучениях, и часть этого касалась ссыльных, рассыпанных по России, Казахстану, Узбекистану и Кыргызстану, то есть в том числе и его собственной семьи.

Поэтому он не смог удержаться и, взяв слово как студент исторического факультета, поведал о казахстанских деревнях и сосланных туда семьях и, считая, что судьба их может быть интересна в плане данного исследования, пригласил ученого посетить деревню, в которой родился.

Под конец собрания Зияд бей обвел взглядом зал и подозвал его:

– Приходи в Академию наук, побеседуем. Если хорошо окончишь университет, возьму тебя к себе аспирантом!

Мурад ушам своим не поверил и онемел от волнения. А выдающийся ученый, не дожидаясь ответа, добавил: «Научную работу посветишь истории депортации!»

На следующей неделе Мурад, все еще находившийся под впечатлением от этого незабываемого разговора, робея и боясь, что все его радужные планы и надежды могут рассыпаться в прах, отправился в Академию наук. Сидя в приемной и видя других визитеров Зияда Шихлы, он успел пожалеть, что явился сюда, и готов уже был ретироваться...

Но внезапно академик сам появился на пороге своего кабинета, внимательно посмотрел на него и с усталой улыбкой произнес: «Пришел?» Посторонившись, он пропустил парня внутрь. Для Мурада стало неожиданностью то, как серьезно, будто к старому знакомому отнесся к нему ученый.

Академик расспрашивал его о месте, где он родился, о факультете, на котором учится, о родителях и причинах, по которым он так хорошо владеет родным языком.

– Дома у нас на другом языке не говорят, – ответил Мурад.

– Пока что не все архивы уничтожены. Наш долг – рассказать о кровавых играх, происходивших в недавнем прошлом. И на тебя в большей степени, чем на других, ложится ответственность за исследование судьбы твоих предков. По разговору твоему я понял, что парень ты умный.

Мурад смущенно поблагодарил. Но было совершенно ясно, что ученый не ждал благодарности:

– Не забывай, народ убивают не только пулей и на войне. Мы одержали победу над фашизмом, но ведущаяся против нас война еще не окончена. Не каждый может увидеть эту войну, ее оружие беззвучно. Как говорил Молла Насреддин: «Звук раздается потом!» И армяне – одно из таких заржавевших оружий, а есть еще и другое оружие, современное: забывчивость, отчуждение, вражда генов и языков... куда ни глянь, кровью пахнет. Мир находится в руках банды шушеры. И больше всего достается там – тем представителям нации, которые что-то соображают, – академик говорил с ним как со своим сверстником. – Я возлагаю большие надежды на нашу молодежь. В этой войне можно победить лишь с помощью науки.

Мурад благословлял судьбу. Бог свел его с таким человеком. Объяснив, в какой период истории он хочет его направить, академик сказал, чем он должен заняться до того, как будет объявлен прием в аспирантуру, и подчеркнул, что писать он должен быстро и качественно. Речь свою он закончил жестко:

– Учи все это. Тут не место головой вертеть. А мой характер всем известен. Ни о каких поблажках и речи быть не может. Будешь работать день и ночь!

Мурад не стал говорить, что тяжелая жизнь в Казахстане с детства приучила его к усердной работе, да и отец его тоже не из тех, кто делает поблажки. И одной из причин, по которым он сбежал в Баку, как раз и было желание уклониться от этой требовательности. «Теперь, повстречавшись с вами, я оправдываю отца», – подумалось ему.

– По четным дням я обычно бываю занят, так что приходи в один из вторников или четвергов, составим план, – сказал ученый. У Мурада гора с плеч свалилась.

Во вторник он вновь был в приемной академика.

Из приоткрытой двери доносился его громкий голос:

– Откуда вас сюда понабрали? Десять лет одну диссертацию написать не можешь, что ты за научный работник?

Тут он заметил в приемной Мурада и, как ни в чем не бывало, будто не он только что метал громы и молнии, показал ему взглядом: «Входи». Распекаемый им аспирант выскользнул из кабинета, но академик все никак не мог успокоиться. Может, тем самым он хотел заодно преподать урок и Мураду:

– Ты только посмотри, кому поручают нашу науку. Откуда берутся эти дармоеды? Хрен от пальца отличить не может, а туда же, в ученые лезет. И на таких вот маменькиных сынков останется Академия наук.

Потом, словно продолжая спор с руководством академии, он стал изливать душу:

– Я откровенно говорю коллегам: если вас интересует наука, оставьте эти привычки!

Интересно, кто эти «коллеги»?

То, что академик делился с ним своей обеспокоенностью, выглядело, скорее, как поручение:

– Или мы должны собрать самую талантливую молодежь и создать очаг науки, или же эти институты превратятся в место для променадов расфуфыренных членов семей больших начальников. Академия для пяти-шести ученых...

Возлагаемыми на него надеждами академик будто мстил «маменькиному сынку», недавно покинувшему кабинет. Столь откровенный разговор придал Мураду мужества.

– У меня есть одна тетрадь, оставшаяся от деда, старым алфавитом написана – сказал он, – у вас найдется кто-то, кто мог бы ее прочесть? Я только недавно начал изучать этот алфавит.

Ученый протянул руку:

– Давай ее сюда!

Взяв тетрадь и, едва открыв ее, он спросил:

– Так тут же по-нашему написано, почему ты не можешь прочесть?

– Почерк слишком трудный.

Ученые рассмотрели тетрадь со всех сторон и, посмотрев ему в глаза, с улыбкой сказали:

– Мне читать про себя, или ты тоже хочешь послушать?

Мурад покраснел. Как сказать такому важному человеку, что его как раз и волнует, что написано в этой тетради. Но ученый, безусловно, понял его мысли. Узнав, кому принадлежала эта тетрадь и как попала к Мураду, он вызвал одного из своих работников по имени Гурбан.

– Познакомься с этим молодым человеком. Скоро он будет нашим аспирантом! По-моему, в этой тетради ничего секретного..., – он сделал паузу, – то есть никаких государственных тайн. Помоги ее прочесть. Или же перепиши современным алфавитом и отдай ему.

Содержание старой тетради

«Все сущее и то, что будет существовать на земле, все, что видим и не видим мы в небе, – все это создано по воле великого Аллаха. Благодаря Ему это появилось, и благодаря Ему это есть! Открыв свою неиссякаемую сокровищницу и отдав ее в пользование человеку, заявляющий о себе через его язык и любовь, Великий Аллах, не ограничившись лишь созданием, наделил все созданное особым смыслом, и, внезапно открыв глаза, человек понял, что все вокруг него подчинено совершенному и нерушимому порядку, и главная его задача – жить в соответствии с этим порядком и беречь этот порядок – понял и пожелал настроить дух свой на красоту. Но неисчерпаема злоба мучителей, рубящих топором нашу короткую жизнь, проносящуюся в мгновение ока. Люди, позабывшие об Ангеле Смерти, преследующем всех нас по пятам, позабыли также и о том, что им придется отвечать перед Аллахом. Захотели они лишить нас и того малого, что мы имели и чем довольствовались – простой и неприхотливой жизни на краю света, на вершине гор; захотели они обрушить нам на головы крыши наших скромных пристанищ. Они сменяют один другого – те, чьего языка мы не знаем, не знаем их веры. И без того тяжкую нашу жизнь делают они еще тяжелее. Но и это можно было бы стерпеть. Нам ведь известно, что человек приходит на землю не только для радости! Если тебе дана жизнь, благословляй все, что в ней происходит. Но на сей раз мишенью несправедливости и мук стали не мы, а наш Аллах, наша религия, наш пророк. Словно конец света наступил. И, если не знать об этом, еще больше расширится ареал зла. Мы должны записать это все и донести до внуков и правнуков, дабы те, по мере возможностей, не склоняли голову перед безбожниками, не мирились с мучениями. Пусть посмотрят, где согрешил наш народ, в чем ошибся, что нынче расплачивается за это. Если не исправим мы эту ошибку, если не вернемся на праведный путь, Аллах не простит нас, и мы не сумеем спастись от бед, которые на нас свалились».

Дай Бог, тетрадь эта не попадет в руки несведущему и найдет свое место. Дело не новое. Дьявол давно заморочил голову людям. Постучал он однажды и в мою дверь. Мне не оставалось ничего, кроме как сказать: «Добро пожаловать!» Все равно ведь с начала советизации не перестают они шастать в нашу деревню. Много страданий они нам причинили. Не говоря уже о том, что важный чиновник из Баку, со-

ставляя план грядущего переселения деревни, исподволь приглядывался к нашим семьям. Нам казалось странным, что такая большая шишка раз за разом приезжает в нашу глушь. Позже выяснилось, что в первый свой приезд он положил глаз на Лятифу, дочь нашего соседа Миргейдара, увидев ее у родника. Кажется, потом он даже присылал к ней свататься районное руководство. Но Миргейдар – человек упрямый, не отдал за него Лятифу, сказав, что не смеет свататься к его дочери тот, кто считает их врагами народа. Нам и в голову не могло прийти, что такой большой чиновник может похитить девушку, точно мальчишка. В общем, прямо на глазах у подруг засунули Лятифу в машину и увезли. Оказывается, он в самом деле влюбился в нее. Умный человек. Откуда ж он в городе нашел бы такую фею, как Лятифа? Да еще и воспитанную такую. Потом мы услышали, что сыграл он свадьбу чин по чину и женился на ней. Но, даже породнившись, не отстал от нашего люда... Все никак не могли они угомониться: то беглецов ловили, то шпионов разыскивали, в самых немыслимых местах пытались клады найти. Мы уже и на камни с подозрением смотрели.

И большинство из них в первую очередь ко мне являлись, мол «ты тут аксакал, все тебя слушают». Не то что религиозная деятельность или наука, но даже просто ходить в мечеть, молиться, брать в руки Коран, соблюдать пост... все было запрещено. По ночам мы беззвучно, одними губами читали молитвы, чтобы никто не услышал и не донес.

На сей раз начальник НКВД Севоян заговорил не о разбойниках и перебежчиках, а напрямик о нашей вере. Оказывается, был он одним из главных в этом «обществе безбожников»... Прости нас, Господи... Как у них язык поворачивается произносить слово «безбожие»? Кто они такие, чтобы отрицать Творца? Пусть сами сперва хоть муравья создадут, а потом уже сомневаются в существовании того, кто создал все сущее. Столько религий, сотни посланников Аллаха, тысячи пророков... что же, все это ложь? Полные библиотеки книг написаны в честь Бога! Человек нашел себя в Боге, положился на него, с ним рос, под сенью его любви день и ночь сражался против зла и несправедливости... И вот, стало быть, все это неправда, а сидящий передо мной мешок... – носитель истины в последней инстанции! Но что мы можем поделать? Пока что все козыри у них в руках. И все-то загодя известно, что они скажут... Немало мы повидали таких! Сколько их уже являлось сюда. Русские, армяне, евреи... Какой только неверный не стучался к нам в двери. В особенности же эти армяне и евреи так говорят на нашем языке, что диву даешься. Ну, а начальник НКВД готов выпить всю кровь у народа.

Будто мало было ему милиции и лазутчиков, так нет же – иногда он сам, переодевшись в женщину, ходил на женские сборища. Я национальности особого значения не придаю. Какая разница? Бывают такие турки, такие мусульмане, что русские по сравнению с ними ангелами кажутся. Но то, что творит этот армянин, – на такое даже сам черт не способен.

Мы ничем не лучше тех, кто уехал до нас! Значит, и нам это Господь на роду написал.

Между нами произошло нечто вроде словесной перепалки. Я записал то, что удалось запомнить.

Гость:

– Говорят, ты самый большой религиозный ученый этих мест.

Я:

– Чур меня... Кто мал, кто велик, судить не нам. Но я до революции получил религиозное образование в Ардебиле и Наджафе... В царское время учиться в медресе не было запрещено...

Гость:

– Скучаешь по царским временам?

Я:

– Да по чему там скучать-то? Ни школ, ни медресе! Одному из тысячи, вроде меня, удавалось поехать куда-то на учебу. А теперь, слава Богу, у нас школа есть. Даже взрослые по вечерам учатся.

Гость:

– И много тут в округе таких, как ты, с религиозным образованием?

Я:

– Народ бедно жил, не до образования было.

Гость:

– А связь вы поддерживаете с теми местами, где учились?

Я:

– Какая у меня может быть с ними связь?

Гость:

– В любом случае, кто-то ездит туда-сюда.

Я:

– Ты не смотри на то, как было в первые годы советской власти, тогда еще такое случалось. Границы тогда еще открыты были.

Гость:

– Жалеешь, что границы закрылись?

Я:

– По правде сказать, это связало нас, горных жителей, по рукам и ногам, хлеб у нас отняло. Мы ведь и торговлю вели с той стороной, и много каких других дел у нас там было. Но причин для сожаления нет! Зато теперь можно спокойно отпускать пастись скот. А в те годы они, завидев скотину, обязательно угоняли.

Гость:

– Много у тебя там родни?

Я:

– Не считал. Давно уже не общался ни с кем. Хотя, чего врать, когда-то были и родственники, и друзья...

Гость:

– Ты в курсе, наверно, что контакты с той стороной – это преступление?

Я:

– В курсе. Я и не говорю о контактах. Я о родственниках говорю. Если скажу, что нет у меня там никого, поверишь? Есть такие семьи, что и вовсе половина на той стороне осталась, половина на этой.

Гость:

– Великий вождь пролетариата Ленин не для того совершил социалистическую революцию, чтобы строители коммунизма одним глазом косились на шахский режим. Это противоречит нашей идеологии.

По мере того, как Севоян говорил все это, одежда его постепенно меняла свой цвет, приобретала железный оттенок и, наконец, превратилась в железо. И мне казалось, что внутри этой одежды тоже находится не живой человек, а говорящая машина. До сих пор я не обращал внимания ни на его погоны, ни на брюки-галифе, ни на туго затянутый на этих брюках ремень с пряжкой в виде звезды, ни на свисающую с ремня кобуру. Гость есть гость, какая разница, кто он? Я видел, как у меня на глазах взгляд его стекленеет и голос меняется, но взять свои слова обратно уже не мог:

– Советское правительство прекрасно знает, что на той стороне живут наши родные и близкие. Не сами же мы отделились друг от друга, война нас разделила. Мы граждане этого государства. Но и о братьях-сестрах своих забыть не можем. Да и не должны забывать. Как по мне, так это даже и советскому правительству было бы не выгодно. Ведь тамошняя наша родня – пропагандисты этого правительства. И самому товарищу Сталину это очень хорошо известно.

Севоян не стал продолжать этот разговор, отпил глоток чая и сменил тему.

Из-за того, что мы живем на границе или, выражаясь чиновничьим языком, в стратегически важном пункте, высокопоставленные лица отсюда практически не вылезают, и за эти годы мы успели изучить их нрав.

И сейчас я понимал, что, хотя этот человек и начал с расспросов о том, имеется ли у меня родня по ту сторону, он еще не раскрыл истинной причины своего визита, надеясь, видимо, что, обсуждая с серьезным видом всякие мелочи, запутает меня до такой степени, что я не смогу ничего ответить, когда он решит, наконец, дать мне кулаком по башке.

Поставив на стол пиалу с чаем, он вперил в меня свой ледяной взгляд.

– Говорят, ты и с Гачаг Гасаном дружил, что он гостил у тебя несколько дней, прежде чем перебраться в Иран.

Я и прежде слышал такие обвинения и знал, что и это тоже – один из способов запугивания, а если б были у них какие-то серьезные основания, они не ограничивались бы просто словами. Поэтому решил раз и навсегда положить конец этим подозрениям.

Я:

– Тот, кто говорит это, кроме тебя, чушь несет, и лучше б ему заткнуться.

Гость не ожидал столь жесткого ответа:

– Слухами земля полнится... Народ поговаривает, что, удрав от милиции, он прятался в этих краях.

Я:

– Эти края не ограничиваются моим домом. Тут и горы есть, и леса, и достаточно других деревень...

Гость достал из кармана аккуратно обрезанный клочок газеты, заполнил ее махоркой и, посплюнявив края, стал сворачивать папиросу, будто хотел этим сказать: «Видишь, мы и сами, как деревенские жители, дешевую махорку курим».

– Уважаемый ахунд, вы должны объяснить религиозной части населения вашей деревни, что никто не может остаться в стороне от пропаганды марксистско-ленинской идеологии нашей страны.

Я:

– Мы от всей души поддерживаем просвещение и готовы всячески ему помогать. Какой вред этому от веры?

Гость:

– То, что вы называете просвещением, не совпадает с тем, что мы под этим подразумеваем. Подобно тому, как распрощались мы со старым алфавитом, надо распрощаться и со старыми книгами.

Я:

– Но ведь большая часть того, что написано старым алфавитом, не имеет отношения к религии. Мусульманские ученые создали бесценные научные труды. Куда же они теперь денутся? Это уже не атеизм и не борьба с религией, а борьба с наукой.

Гость:

– Ты тут человек уважаемый. Иначе не простил бы я тебе таких слов.

Я:

– На все воля Божья. Как он решит, так и будет.

Гость:

– У вас, у духовенства, туман в голове. Не боитесь союзной власти. Не видите и не замечаете, что вокруг происходит.

Я:

– Правду говоришь. Истинное духовенство мало интересуется земными делами. Этим государственные мужи занимаются. Нам же достаточно вечности.

Гость:

– Но и путь в вечность в наших руках. Иначе Бог не стал бы создавать человека и посылать его в этот мир... Сделал бы так, чтобы мы из утробы матери попадали прямо на тот свет, а не на этот. Но ведь это не так происходит. А самый умный человек на этом свете – великий вождь пролетариата товарищ Ленин. И если б он считал религию полезной, не стал бы создавать антирелигиозный комитет.

«Черт бы побрал твоего Ленина», – пробормотал я сам себе.

Гость:

– Если б не этот комитет и «Союз безбожников», власть оказалась бы сейчас в руках безграмотных священников.

Я:

– Истинное духовенство не рвется к власти. Позвольте им молиться, и они будут вполне довольны правительством. Не судите о нас по одежке. Мы знаем о борьбе товарища Ленина с религией. Он видел путь спасения мира в том, чтобы искоренить религию, и начал это искоренение с ислама. Поручил товарищу Троцкому в кратчайшие сроки уничтожить на Кавказе десять тысяч религиозных людей. А остальных отправить как можно дальше раз и навсегда. Разрушить все мечети, сравнять с землей святыни. И это разгневало Аллаха. Если б не отдал он это поручение, может, до сих пор был бы жив...

Гость:

– Но, как видите, мы вас еще не тронули. Хотя эти места – один из эпицентров ислама на Кавказе.

Я:

– Да что осталось от ислама в этих деревнях! Мне только теперь становится ясно, почему наши известные религиозные ученые исчезали один за другим. И вот, кажется, теперь Азраил нацелился на меня.

Гость:

– Азраил – плод вашего воображения. В государственных программах Азраил не значится. «Союз безбожников» Азербайджана, вооружившись поручением партии и правительства, раз и навсегда сметет все мечети.

Я понял, что по-хорошему с ним говорить бесполезно:

– А что, в Советском Союзе больше нет никаких божьих домов и религиозных очагов, кроме мечетей? Разве Кремль не окружен со всех сторон церквями?

Гость:

– И до них очередь дойдет. После того, как затихнет азан ислама, смолкнут и колокола церквей.

Я:

– Уважаемый гость, в соревновании по безбожию наша деревня вырвалась вперед всех. Если вдруг встретишь кого в религиозном одеянии, не обращай внимания. Большинство из них были безбожниками еще до прихода сюда советской власти. А теперь, когда основная часть деревни заплатила по 30 копеек за справку об атеизме, они вовсе цветут и пахнут, все дела с Богом на нет свели. Нет нужды тебе больше утруждать себя, проделывая такой путь. Медресе наша превратилась в хлев, а молельня – в курятник.

Гость:

– А что скажешь о той мечети, стоящей на равнине над селом?

Я:

– Это самый древний мусульманский памятник на всем Кавказе. Часть истории. Если вы и ее разрушите, небеса наземь рухнут. Мир обратится в ад!...

Гость:

– Хватит уже дурачить народ рассказами о рае и аде. Советская власть давно уже погасила адское пламя. Так что можете больше не бояться в него попасть.

Я:

– В аду гасить нечего, уважаемый гость. Каждый отправляется туда со своим пламенем. И поэтому именно сейчас языки адских огней особо взбесились.

Гость:

– У «Союза безбожников» длинные руки: не сегодня, так завтра и сюда дотянутся. Мое дело – предупредить.

Я:

– Благослови тебя за это Бог. Как пожелаете, так и сделаем.

Гость:

– Нельзя останавливать караван коммунизма, ахунд! Он уже в пути, он приближается. По ту сторону ваших гор уже слышна его поступь. Какая еще религия, какая еще вечность? Нет религии превыше марксизма.

Я:

– Будь то ислам или христианство – что они вам сделали? Неужели религия тормозит в пути коммунизм? Приближается он? Ну, и хорошо! Добро пожаловать! Путь себе приходит! Чем вам навредил ислам? Вот вы законности хотите. Так и ислам о том же говорит. Справедливость, школы, развитие науки и искусства – все это есть и в религии! Религия тоже хочет, чтобы общество жило по совести и правде. Человека делает человеком нравственность, милосердие, стремление творить добро... насколько я знаю, все это совпадает с политикой нашей страны. История, литература, культура – веками они сохранялись благодаря религии. Я говорю с тобой открыто. Свою жизнь я уже прожил и смерти не боюсь. Как можно навредить государству, если я, предположим, тайком совершаю молитву? Трогать мечети, божьи дома – все равно, что втыкать нож в сердца людей, от этого у правительства силы не прибавится.

Гость:

– Большинство из тех мест, которые вы называете божьими домами, превратилось в обитель дьявола. Покуда они не рухнут, школы не воздвигнутся.

Фраза «обитель дьявола» вывела меня из себя:

– А вот мне кажется, что школы интересуют вас столь же мало, как и мечети. То есть вам совершенно безразлично, будут учиться тюркские дети или нет. То, что вас действительно волнует, – так это привязанность здешних людей к своей вере, религии, традициям, к своему старинному жизненному укладу. Приезжающие сюда горожане часто спрашивают местных о продолжительности жизни, будто делать им больше нечего. Да, мужчины тут живут долго. Потому что еда и питье у них здоровые и чистые. И мысли тоже чистые. А религия – просто повод. Вы и сами знаете силу и мощь этой земли. Хотите сослать нас – ссылайте. Но вы не учитываете того, что, если мы уйдем отсюда, уйдет и эта сила.

Спор подошел к концу, и гость погрузился в размышления – то ли из-за моей неожиданной прямоты, то ли потому, что я затронул некоторые моменты, о которых сам он умалчивал.

Гость:

– Послушай, ахунд! Не зарывайся и не забывайся! Даже никаких других доказательств и документов не потребуется – уже одного того, что ты здесь мне наговорил, было бы достаточно, чтобы арестовать тебя, и ты никогда больше не увидишь ни этой деревни, ни мечети, рассадника антисоветской пропаганды. Но я не трогаю тебя. Сделаем вид, что ты ничего этого не говорил. Прощаю тебя! И не из уважения к тебе, и не потому, что чай в твоём доме пил. А потому, что сегодня я пришел сюда тебя поблагодарить. Прошлой зимой ты спас от смерти одного из моих работников, возвращающегося с границы. И до сих пор я не мог улучшить момента сказать спасибо за это.

Мне аж любопытно стало:

– Помогать военным, милиции, гостям – наш долг. И делаем мы это не ради благодарности. Они ведь тоже чьи-то дети. Молодые, неопытные...

Гость:

– Помощь – это другое. А ты спас тому милиционеру жизнь. Он заплутал, сбился с дороги. Если б не ты, замерз бы и остался в снегу...

– Припоминаю. По пути на заставу он попал в буран и заблудился. Наметенный ветром снег перекрыл дороги. У нас так часто бывает. В некоторых местах высота его до трех-четырех метров доходит. Несведущему человеку вовек из этой западни не выбраться. Не понимаю, зачем вообще твой работник пустился в путь в такую метель. А я из соседней деревни возвращался. Конь у меня был сильный, так что мне ничего не грозило. Если б не повстречались мы случайно, погиб бы тот солдатик, как пить дать.

Гость поднялся:

– Все знают эту историю. Из-за нее я был у тебя в долгу и долг этот возвращаю, но отныне снисхождения от меня больше не жди. Имей в виду: через пару-тройку дней мы вас отсюда переселим.

Я так и застыл на месте:

– Куда переселите?

– А вот этого сказать не могу.

Выйдя наружу, я увидел прохаживающегося по двору в ожидании его председателя уездного совета. Стало быть, он не хотел мешать нашему разговору.

Когда назавтра в деревню стеклись пограничники с лопатами и кирками в руках, вчерашний гость в окружении еще нескольких людей пришел вместе с ними. Увидев это, я окольными путями поскакал в соседнюю деревню. Не мог смотреть, как разрушают одну из древнейших мечетей исламского мира – глаза мои ослепли бы от такого зрелища, сердце остановилось бы.

Вернувшись вечером домой, я застал деревню в двойном трауре. Разрушенная мечеть стояла символом нашего позора, будто с деревни шапку сняли. Азан, веками наполнявший деревню милосердием и добротой, смолк.

Молла Алемдар долго молил крушивших стены солдат, падал пред ними на колени, хватал их за руки, пытаясь помешать и, наконец, устав, рухнул наземь прямо среди развалин. Когда солдаты ушли, люди приблизились к нему и увидели, что вместе с мечетью распрощался с жизнью и он сам.

Несколько дней спустя началось переселение. Совсем скоро, наверно, дойдет черед и до нас.

Однажды, когда настанет конец этому злу, деревня возвратится назад, и мечеть будет вновь восстановлена. Пусть мы этого уже не увидим, но увидят наши дети. Потому что дитя человеческое не может жить без Бога. Если есть человек, то есть и его Бог, есть и дорога, ведущая его к Богу, есть и его религия... Потому что Бог – основа всего. С него начинаются и жизнь, и мысль. Если есть в нас дух, мораль, совесть, желание жить и творить – все это от Бога. Он – судья всех времен, всего сущего, живого и неживого.

Отрицать его – значит нарушить порядок мироустройства и погрузить вселенную во тьму бессознательности. Этого-то и хотят бесы, называющие себя атеистами. Потому что легко управлять теми, у кого нет сознания.

Лишь в аморальных и лишенных корней государствах отрицается религия, сеются семена сомнения в Боге. Призывающая к праведности и честности любовь к Богу и вера и вечную жизнь придают обществу сил и способности к борьбе. А преступникам, мучителям и захватчикам власти это не с руки. Пропаганда безбожия нужна им не ради прогресса, а для того, чтобы замаскировать свои преступления.

Наивысшая в мире истина и наивысшая реальность есть Бог. Он внутри и снаружи нас, во всем видимом и невидимом. Он и в самой глубине наших сердец, и в том свете, что доходит до нас из самой дальней точки вселенной. От него мы приходим и к нему возвращаемся. Все дороги – Господни. Будь то дорога в ссылку или дорога

в тюрьму. И пока мы храним любовь к Богу, Бог будет хранить нас. Ибо вершина всех истин – любовь к Господу.

Пусть все написанное здесь будет также и моим завещанием. Нельзя откладывать завещание до последнего дня. Человек доносит свое послание до потомков делами, совершаемыми на протяжении всей жизни. Но, к несчастью, нам не дали возможности вести человеческую жизнь. О том, что будет на том свете, я не беспокоюсь. На этом свете я вел себя достойно. Никому ничего не должен! Все, что заработал, заработал честно. И единственная моя забота – мои дети. Чада мои, куда бы нас отсюда ни отправили, если сможете, возвращайтесь на родину! Мир переменится, дай Бог, исполнится ваша мечта. И похороните меня там, где умру. Не хочу быть перезахороненным.

Большая часть нашей родни осталась по ту сторону границы, в Иране. И там тоже нас притесняют.

Происходящее в мире вселяет ужас... Не за себя я боюсь, за детей. Да разрушит Аллах дома врагов наших, как разрушили они наши дома! На землях наших дьявол правит бал. Как бы они это ни называли, суть одна – оккупация. Народ, ждущий помощи от других, не имеет будущего. Правда и кривда, добро и зло поменялись местами, нарушился порядок мироустройства. Будто мало было того, что раскололись мы на части, еще и связали нам руки и ноги. И что будет дальше, Бог знает...

Почему нас выселяют из родного края, в чем мы виноваты? Что это за поклеп? Почему гасят наши очаги? Чем им так не полюбились горы, в которых мы, хоть и с трудом, наладили жизнь? Нет у них никакого иного желания, кроме как уничтожить под корень тюрок. Кажется, Сталин хочет заселить наши земли этой никчемной нацией. И книги наши, и письма уничтожают, заклеив как отсталость. Хотят представить нас перед миром как жалких невежд. Не забывайте об этом!

Никогда не прощайте наших мучителей. Покуда они у власти, не возрадуются души наших предков. Да смилостивится над всеми нами Господь!

Бесконечна вера моя в тот день, когда тело или дух наш вернется в эти горы.

Но ради этого необходимо стойко и неустанно бороться. Слава великому Творцу, дающему нам сознание и силу! Аминь!»

Просмотрев этот текст, аккуратно записанный Гурбаном, академик сказал Мураду:

– Тебе не остается ничего другого, кроме как стать серьезным историком. Иначе покойный дед тебя не простит!

Братья по судьбе

По мнению Мурада, общество жертв репрессий также являлось своего рода университетом. Это был особый мир, и, к сожалению, большинство людей, живущих своей спокойной жизнью, даже не подозревали о его существовании. В этом обществе он слышал продолжение того, о чем говорили ему в Казахстане. Эти разговоры были зеркалом, в котором отражались все хорошие и плохие качества нации, и это подвигло его взглянуть на жизнь другими глазами.

Почему мы изменились, куда подевался мужественный и бесстрашный народ, бывший некогда одним из создателей истории?

У каждого из собравшихся здесь – своя боль. Один, ежедневно проходя мимо семиэтажного особняка своего деда, глядел на него с болью в сердце и вместе с тем со скрытой гордостью, а потом обреченно шел ночевать в рабочее общежитие. Другой приближался к концу своего жизненного пути, то и дело повторяя, что для него хуже смерти видеть, как в доме его родителей, расстрелянных большевистским быдлом и армянами, теперь живут дети тех самых стрелявших. Третий думает, как вер-

нуть деньги деда, положенные в швейцарский банк, и жалуется, что международное право нарочно сократило срок наследования. Четвертый считает справедливым претензии на семейную недвижимость в Баку и полагает, что, если у наследников имеются завешание и свидетельство о владении этой недвижимостью, оно непременно должно быть возвращено...

Городская жизнь течет бурно, как река, и порой кажется, что люди уже позабыли и о 20 января 1990 года, и о войне, и о потерянных землях, и даже беженцы уже не помнят, когда и из какого района их изгнали. Тоска и пропитанные слезами и кровью воспоминания никак не соотносились с сытостью города и его готовностью мириться со всем.

Когда Мурад озвучил эту свою мысль, женщина, собиравшая материал для книги о миллионере Нагиеве, сказала:

– Ты прав. Никто не хочет слушать о чужих бедах. Думаешь, кто-то хоть вспоминает тех, кто построил этот город? Новый класс появился – олигархи. Преспокойно присваивают исторические здания в Ичери Шехер и в центре, дома наших дедов, будто своими руками их воздвигли... Все мы теперь в таком положении, в каком была когда-то Сона ханым Тагиева. Но советская власть, отобрав у них все имущество, хотя бы десятиметровый подвал взамен давала.

Окончив университет, он, по настоянию Зияд бея, сразу же поступил в аспирантуру. Вместе с научным руководителем они определили источники и научно-теоретические основы его будущей работы. Оставалось только засесть в библиотеке и писать. Да вот только слишком трудно было оторваться от кипучей жизни Баку. Их деревня в далеком Казахстане казалась ему теперь печальной и безнадежной, как скитающийся по бескрайним серым пустошам степной волк. Студенчество поглощало все его время, и вот, наконец, у него развязались руки. При первой же возможности он бежал в театры или музеи и пока еще не мог упорядочить свой ритм и войти в рабочий режим. Вот и сегодня, направляясь в библиотеку, остановился у памятника Низами Гянджеви. Всякий раз, проходя здесь, он делал остановку, чтобы вдоволь наглядеться на великого поэта. В этом памятнике ощущались какая-то особая сила и магия, напоминавшие античную культуру. Да еще и эта ель, словно в поклоне склонившаяся перед поэтом... Дерево, будто абшеронский виноград, согнуло свой мощный ствол, как лозу, и тянется к ногам гениального Низами. В этом парке еще сильнее ощущаешь корни любви к родине. Справа – окаменевшая история, несокрушимые стены Ичери Шехер, ведущие в иное измерение крепостные ворота, а перед тобой – великие предки этого народа, глядящие на нас каждый из своей эпохи... Беды и размышления, запечатленные в камне... Рассматривая этот наполняющий сердце гордостью ряд мастеров словесности и прекрасные узоры на фасаде здания, он вдруг испытал стыд за то, что ни разу еще не был в Музее истории литературы. «Сколько времени ты уже в Баку и совсем не вспоминаешь о том, чтоб порадовать души предков»... Подгоняемый этими мыслями, он спустился по ступеням и вошел в музей... Сколько б ни ругал себя, не мог позабыть о том, что он из семьи ссыльных, не мог избавиться от тягостного ощущения изгнанности отсюда. Зависть ли это была, гнев ли, бунт против несправедливости или ненависть... это странное чувство, определения которому он не мог подобрать, все еще не покинуло его за все годы, проведенные в Баку. Почему же он до сих пор не посетил этот музей? Ответ как раз и крылся в этих смешанных чувствах. Ничуть не сомневаясь в величии этих поэтов и писателей, он, тем не менее, не мог полностью полюбить их. Ему казалось, что и на них тоже лежит доля греха за те страдания, что пережили его отец и дед. Да, пусть они и не виновны в этом напрямую, пусть даже не имеют они никакого отношения к ссылкам и преступлениям. Но он свято верил, что аксакалы ответственны не только за собственные

действия и произведения, но также и за ту историю, свидетелями которой они являются, и потому порой ошибочно винил эти роскошные памятники в трагических событиях, которые их совершенно никак не касались... Эта двойственная жизнь – то, что пока один брат мучился где-то, словно в аду, другой брат украшал грудь орденами и медалями и жил себе припеваючи – эта двойственность огорчала его, ввергала в растерянность и смятение. «Как долго ты будешь жить с этим? Нельзя относиться ко всем великим с подозрением. Если б руки их были запачканы в крови, не смогли бы они заслужить такое уважение и любовь народа», – думал он.

В любом случае, если уж он взялся исследовать события тех времен, то должен побывать во всех музеях. Думая об этом, он поднялся на второй этаж.

Девушки, стоявшие перед входом в зал, показали, откуда нужно начать осмотр. В первом зале служащая, поприветствовав его, начала показывать музей. Сперва общая информация: музей был открыт в таком-то году, в нем столько-то комнат, до революции здесь было то-то, во время погромов в марте 1918-го армяно-большевистские объединения творили тут такие-то варварства и т.д. Мурад слушал эти ранее не известные ему сведения и радовался, что прежде не бывал в этом музее. В каждом зале его встречал новый гид, у каждой эпохи, каждой литературной личности и периода был свой специалист... Рассказывали они не спеша, и чуть позже Мурад понял, почему. Впереди себя он заметил толпу школьников. Видимо, их привели сюда на экскурсию. Хорошая традиция. Ясное дело, что эти ребята понятия не имеют ни о таких, как он, жертвах репрессии, ни о противоречивых чувствах, которые он испытывает, и музей они покинут в полном восторге. Да, по правде говоря, он и сам был в восторге. Этот музей был зеркалом как литературы, так и истории, залы его заполнены каким-то особым светом азербайджано-тюркской словесности... Рукописи прославленных поэтов, их личные вещи, портреты, пройденный ими трудный жизненный путь рассказывали больше, чем могли бы рассказать десятки книг. То, что эти люди, пережившие за свой недолгий век столько испытаний, сумели создать такие грандиозные произведения и стать народными любимцами, внушало ему уверенность в себе. Юные служительницы музея говорили вдохновенно, будто стремясь, чтобы слова их поглубже укоренились в его сознании. Мурад ощутил, что попал сюда не случайно, что это тоже божья воля: он разберется со своими спутанными мыслями о великих, развеет подозрения. Гидом в последнем зале была женщина средних лет, которая, несмотря на первые приметы осени на лице, все еще сохраняла свою красоту. Рядом с ней стояла девушка, хранившая молчание и лишь искаса поглядывающая на них. «Как же они похожи друг на друга, будто это ее дочь...», – пришло ему на ум. Но что ей тут делать? Однако гид уже уловила ход его мыслей и подтвердила догадку. «Это моя дочка», – сказала она, будто имела в виду: «не отвлекайся, она тут не работает, а мой рассказ завершает экскурсию». Мурада так и тянуло сказать, что самым ценным экспонатом этого музея, главным, что здесь стоит увидеть и узнать, – это как раз и есть ее дочь. Конечно же, подумал он об этом лишь в шутку и тотчас же выкинул из головы.

Мысленно он сравнил дочь музейного гида со своей первой любовью Интизар, оставшейся в их далеком поселке. Несколько лет назад он и близко бы не подпустил это чувство. Но с момента его последней поездки в Казахстан прошло уже много времени. И порой ему казалось, что и тамошняя его жизнь, и девушка по имени Интизар были лишь странным сном, который рассеялся с наступлением утра. А девушка, стоявшая перед ним, была нежной, как миниатюры на стенах музея. Бог создал ее с любовью, пребывая в хорошем расположении духа, окрасив ее губы в цвет едва распустившихся лепестков розы. Розовое личико ее было свежим и чистым, а огромные зеленоватые глаза походили на волнующееся море, и взгляд их пронзал до глубины души. Волосы ее были собраны, обнажая шею, и сверкание длинных сережек отбрасывало на белизну этой шеи причудливые блики.

Девушка заметила, что гость смотрит на нее, но вида не подала.

Причиной той особой ауры, что царила в этом музее, наряду с воспоминаниями о великих, была также и эта дочь служительницы. Так думал Мурад.

Когда экскурсия подошла к концу, служительница предложила ему написать отзыв. Книгу отзывов принесла ее дочь, будто говоря: «Не отказывай моей маме». Конечно же, он напишет. Это же повод растянуть время. Сперва он пролистал книгу, прочел несколько предыдущих отзывов и сказал про себя: «Не умеет наш народ писать кратко». И тут же понял, что ошибается. Осмотрев этот музей, нельзя написать что-то на скорую руку, ради галочки. И обязательно надо отметить труд тех, кто здесь работает. Поэтому он, смущаясь, спросил у служительницы, как ее зовут.

– Сехер, – ответила она и с легкой улыбкой добавила: – Сехер ханым.

– Спасибо, вы прекрасно все рассказали. Жалею, что до сих пор не бывал в этом музее.

– Дай Бог, придете еще, – сказала Сехер ханым.

– Только не считайте это признаком моего невежества! Просто я не очень хорошо знаю Баку, – пояснил Мурад.

Сехер ханым пришлось продолжить разговор:

– Почему же? Работы много?

– Работы у меня нет, я аспирант. Учеба совсем не оставляет времени.

Мурад написал о своих впечатлениях и не забыл поблагодарить Сехер ханым. Та, в свою очередь, пригласила его на проводящиеся в музее мероприятия и научные конференции. «Обязательно приду», – сказал Мурад, хотя знал, что не придет. Выйдя отсюда, он вновь погрузится в свои дела, и музей сотрется из памяти.

Он не забывал обо всем том, что говорили ему родители, старшие, люди, с которыми он встречался. Наверное, до конца жизни продлится эта близость, обусловленная схожестью судеб. И в обществе жертв репрессий, куда он пришел с чувством морального родства, произошел случай, ставший для него настоящим сюрпризом: он познакомился с Раисом, внуком Мамед Эмина Расулзаде. Причина того, что это неожиданное знакомство доставило ему столько радости, была проста. С детства он постоянно слышал имя Расулзаде от своих соотечественников в деревне. Потом это имя стало звучать в школе. Одни учителя отзывались о Расулзаде, как о враге народа, другие – как об основателе народного правительства. Но невозможно было не заметить то, как менялось отношение к этому человеку – с каждым годом тех, кто относился к нему враждебно, становилось все меньше, или же то, что они старались очернить, белело на глазах, и оказывалось, что те, кого они называли врагами народа, на самом-то деле были друзьями народа и героями. Хотели они это признавать или нет, но «погода» переменялась.

С первого же их разговора с Раисом пройденный им трудный, полный потрясений путь со всеми его ухабами и оврагами соединился с путем самого Мурада, прошел через него самого. И страдания, перенесенные им в Караганде, понять было тоже несложно, но ни в какие рамки не вписывались та чуждость, то пренебрежение, что встретил в Азербайджане его отец от народа, о котором до последнего своего дня не переставал говорить дед. Его поразили людская забывчивость, неумение ценить. Это подействовало на него очень угнетающе, унижающе, обожгло изнутри. Вернувшись с одной чужбины, он попал на другую чужбину у себя на родине.

Его дед жил в центре города, в одном из исторических зданий. Эту квартиру, купленную на свои кровные после продажи особняка в Новханы, к которой государство не имело никакого отношения, должны были вернуть владельцам после того, как имя Расулзаде вновь зазвучало в общественно-политической среде.

После падения АДР, когда практически все его основатели были арестованы, повешены, заживо сброшены в колодцы или сосланы за тридевять земель, квартиры их конфисковали и раздали большевикам и махровым шовинистам, свезенным Лениным и Серебровским в Баку якобы для того, чтобы работать на нефтяных скважинах.

Столько рук сменилось, сменилось время, Бог расставил все по своим местам, и те, кто десятилетиями жил в мучении и угнетении, хотят вернуться на родину и в свои здешние дома. Такова воля Бога и истории. Главе города ничего не стоило бы выдать их нынешним жильцам новые квартиры, а ссыльным – возратить их родной кров. А если живущий там не согласится, дайте этому страдальцу хоть какую-то другую квартиру, чтоб он смог, пусть даже впроголодь, но среди родных и близких, жить в этом городе, где некогда деды его жили в достатке и довольствии. Но нет! Никто не может выйти вперед и восстановить справедливость. Потому что большинство из тех, кто должен этим заниматься, получили советское образование и по сути даже не знают, кто такой Расулзаде. Рабский дух укоренился в них, они слишком боятся за свою шкуру и не способны посочувствовать и помочь сотням тысяч людей, страдающих от одной и той же многолетней раны.

Отец Раиса тоже приезжал в Азербайджан, но уехал, так и не сумев распутать этот узел. На чужбине проще терпеть одиночество и несправедливость. А на родине они убивают. Последние надежды рушатся. Но внук остался... В студенческих общежитиях, в мастерских знакомых художников, в кишачих крысами подвалах... Потому что он и сам был художником, и кисть его оживала, окунаясь в краску Абшерона, Азербайджана.

В обществе жертв репрессий Мурад попал в совершенно иную среду. Здесь он узнал много такого, чего не было в книгах по истории. И понял, что, хотя его семья и соседи считали свою жизнь трагичной, на самом деле им еще повезло. Планы по уничтожению нации все еще хранились в тайне. И с учетом этого ему становились ясны истинные мотивы того, что академик в последнее время так часто говорил о красном терроре и репрессиях и, выделяя его среди своих аспирантов, относился с особым вниманием и заботой.

Он понял, что научная работа, которую ждет от него Зияд бей, должна стать не просто историческим трудом, но также и проявлением справедливости. Он должен продолжить путь своего научного руководителя и пролить свет на темную судьбу хотя бы некоторых жертв репрессии, включая собственную семью. Это преследование продолжается две сотни лет. На южном берегу Араза – одним способом, на северном – другим. Жизни не хватит, чтоб обо всем этом написать.

К примеру, знает ли кто-то в современном Азербайджане, что в 1926-27-х годах в крохотной горной деревеньке, где жили его предки, случился мощный антисоветский мятеж, как народ мужественно противостоял властям, каких героев взрастила эта деревня, и как одни из этих героев были убиты, а другие, поняв безнадежность своей борьбы, перешли через границу в Иран, и впоследствии имена многих из них донеслись с разных концов света, а некоторые вынуждены были вернуться назад под вымышленными именами и работать в разных уголках России. Возможно, тот самый народный мятеж и является причиной того, что этот регион угодили в «черный список», как Гянджа Джавад хана. Под предлогом мер безопасности началось опустошение деревень, расположенных вдоль границы. Переселение... непрерывные, беспощадные ссылки. Люди ведь – не горные реки, чтобы течь и при этом не иссякать. Люди от этого сходят на нет, подобно тому, как в горных деревнях не осталось ничего, кроме чинаров и ореховых деревьев да еще – полуразрушенных стен пустых домов. Сначала с границы с Ираном убрали сотни производств, но этим дело не ограничилось. Острый был топор у палача. В декабре 1936 года Багиров в письме сообщил Сталину о переселении 700 семей с этой территории в другие регионы СССР и еще 300 семей – в равнинные районы Азербайджана.

Легко писать об этом на бумаге. Переселены! Одной из этих переселенных была и его семья. Так бы все и продолжалось, и, если б не началась Вторая мировой война, Сталин и Берия не оставили бы на Кавказе ни единого турка. Вот и все.

А теперь, брат-ученый, друг-историк, напиши-ка ты полную слез и трагедий легенду об одной из этих семей. Посмотрим, способен ли ты создать эту драму Потерь и Разлук?

Беседуя с аспирантом, Зияд бей радовался, что не ошибся в выборе.

– Ты заканчивай диссертацию, защитись, а потом напишешь отдельную книгу о вашей жизни в Казахстане.

Мурад знал, на что намекает руководитель: мол, не рассредоточивай внимание, выполни сперва основную работу.

Но он не мог воспринимать как нечто второстепенное кровавые преступления, в которых каждый день открывалась новая страница.

– Учитель, это от меня не зависит, и, видимо, так распорядилась судьба – оставшаяся в Казахстане семья заменяет мне тут общество жертв репрессий. Там царит особая атмосфера, но, увы, большинство окружающих, спокойно живущих своей жизнью, ничего об этом не знают. Там есть люди, прямо или косвенно испытывшие на себе весь ужас ссылки не только в Казахстан, но и Астрахань, на Соловки, в Коми, Сибирь и даже на Чукотку. В этом обществе очень хорошо видишь и хорошее, и плохое, что есть в нашем народе. Слушая этих людей, я начинаю совсем иными глазами смотреть на происходящее вокруг.

– Ладно, и каким же ты видишь Баку, когда смотришь на него иными глазами? – спросил Зияд бей с горькой усмешкой.

– В рассказах моего отца и деда Баку был другим. С самого приезда я ищу здесь свой благородный, бесстрашный народ. Где он?

Академик сделался серьезным:

– Хороший вопрос, но ты и сам знаешь ответ на него. Тот народ был подобен скале. Начиная с 1828 года и по сей день от скалы этой откалывали по кусочку. А из тех, кто остался, часть расстреляли или с 20-30-х годов отправили туда, откуда ты приехал. Обмельчали мы! Нужно время, чтобы на место ушедших пришло новое поколение. И то, если позволят! Потому что Сталины и Багировы все еще продолжают жить в этом мире, под другими именами и в другом облачении.

Для Мурада этот разговор был еще и возможностью высказать кое-какие дру-гие свои мысли:

– Извините, академик, но, по-моему, дело не только в Сталине и Багирове. Эта вражда берет свои истоки еще в Крестовых походах, а может, и в более глубокой древности. Корни ее восходят к самому появлению религий и связанных с ними противоречий. Наверно, с этого же начинались и призывы к распространению христианства. Сегодня Восток в поисках работы, демократии и покоя переезжает на Запад. А в те времена было наоборот. Запад шел на Восток в поисках богатства и знаний.

Мысль эта, конечно, была не нова. Каждый, кто занимается мировой историей, прекрасно знает истоки и цель этого противостояния Востока и Запада. Будто бы и не проходили века, не менялся мир, не сменяли друг друга цивилизации. Запад по-прежнему продолжает не признавать никого, кроме себя, и ненавидеть Восток. Изменился лишь флакон, а яд внутри него – все тот же, что и тысячу лет назад.

Любовь нечаянно нагрянет

Хотя Мурад вышел от научного руководителя в смешанных чувствах и мыслях, но аллея чинаров в парке прояснила ему голову, ему стало легче, и он медленными шагами направился к метро.

Откуда же он знает эту девушку, идущую навстречу? Он не мог отвести от нее взгляда, хоть это было ему и несвойственно. Девушка улыбнулась. Разве можно забыть эту улыбку? Это дочь смотрительницы музея Сехер ханым.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, как вы? Вы узнали меня?

– Узнала, мы встречались в музее, – продолжая улыбаться, сказала девушка.

– Вы тоже работаете в Академии наук?

– Не возвеличивайте меня так! – рассмеялась она. – Я пока еще студентка.

Учусь в университете.

– А мне показалось, вы в музее работаете...

– Мама моя там работает, а я в тот раз просто случайно оказалась. А вы чем занимаетесь?

– Собираюсь сдавать минимум. Не вылезаю из библиотеки.

– В этом здании? – спросила она.

– Да, здесь.

– В окрестностях академии очень красиво. После занятий мы с подругами любим тут гулять. Но вас я здесь вижу впервые.

– Теперь и я буду выходить на прогулку..., – осмелился произнести Мурад.

– Я не это имела в виду, – заливиисто рассмеялась девушка. – Хотела сказать, что, кажется, вы совсем не выходите из этого здания.

– Теперь буду выходить! И ждать девушку, чьего имени не знаю.

Она восприняла этот намек спокойно:

– Меня зовут Айсель...

Так, сами того не осознав и не заметив, они, будто бы в шутку, договорились отныне встречаться на этом месте.

Назавтра в половине третьего Мурад кружил по парку, ожидая ее.

В чинаровых аллеях царит атмосфера любви, будто белые стволы деревьев излучают особый свет. Отбрасываемые кронами узорчатые тени походят на самые причудливые в мире ковры. И если вглядываться вверх, туда, откуда струятся лучи солнца, создающие эти тени, ноги отрываются от земли, и за спиной словно вырастают крылья.

Между людьми не может быть моста прекраснее, чем природа. Вода в фонтане, листья, что, медленно кружась в воздухе, ложатся под ноги, пение птиц. Все это заставляло обоих думать об одном и том же, смотреть в одном и том же направлении. И первой темой для разговора едва знакомых людей тоже становится природа.

– Я тоже люблю этот парк, – сказал Мурад, вспомнив ее слова.

Айсель:

– Мне еще нравится парк Сахиль.

– Хотя у вас и нет времени для прогулок, но вы вынуждены каждый день проходить через этот парк. А я провожу вас до метро, – шутливо предложил Мурад.

Айсель улыбнулась:

– Насчет того, что мы повстречались здесь, сказать ничего не могу, это ваша территория. Но я не иду к метро.

– Ладно, провожу до автобусной остановки.

– И на автобус тоже не иду. Возле парка Джавида меня ждет наша машина.

– Прекрасно, провожу до машины.

Айсель не возразила.

То, что в разговоре она часто употребляла русские фразы, казалось Мураду странным. После ссыльной среды ему хотелось видеть все у себя на родине чистым, без примесей.

Он не знал, о чем говорить с Айсель. Какие у них могут быть общие темы... А разговоров о парке, музее и занятиях хватит лишь на пару дней приятельства. Пригласить же ее в кафе напротив парка или в кинотеатр поблизости было бы, пожалуй, некрасиво. Лучше всего так и гулять по парку. Указав на величественное здание, служившее Мураду местом для его научных изысканий, Айсель сказала:

– Мой дедушка тоже был академиком, – тут она назвала имя известного на всю страну ученого. – Но я его уже не застала.

Услышанное удивило Мурада. Точнее, удивило его то, что внучка столь крупного ученого столь проста в общении и разговаривает с ним, как со старым знакомым. Но виду он не подал.

Взгляд Айсель устремился вдаль.

– Как бы я хотела успеть его увидеть! – сказала она, и, обернувшись к Мураду, добавила. – А вы совсем не говорите о себе.

– Да что мне о себе рассказывать. Я человек не местный, издалека приехал.

– Издалека? Вы серьезно? Из какого района?

– Не из какого.

Айсель засмеялась:

– С неба вы что ли свалились?

– Из-под земли вылез, – ответил в тон ей Мурад, и, опасаясь обидеть девушку, пояснил. – Это, конечно, шутка, но она близка к истине. Потому что приехал я действительно очень издалека, из ссылки. На тех, кто туда отправляется, ставят крест. Считается, что отправиться в ссылку – все равно, что сквозь землю провалиться. Ну, а разрушить это проклятие и вернуться в Баку – почти то же самое, что вылезти из-под земли.

Айсель остановилась:

– Какая еще ссылка?

Этот вопрос дал Мураду возможность хотя бы вкратце поведать ей о себе и растянуть проводимое с нею время.

– Присядем, – предложил он, указывая на скамейку неподалеку. Айсель без возражений села на скамью, стоящую под елью сбоку от круглой площадки.

– Мой дед был из тех, кого в 30-х отправили в ссылку, – начал Мурад.

Больше Айсель не пришлось его расспрашивать.

Девушку заинтересовал рассказ Мурада о том, что родители его живут в Казахстане, с каким трудом ему удалось приехать учиться в Баку, и, защитившись, он хочет возвратиться назад. Она внимательно слушала, попутно пытаясь понять, почему ей так симпатичен новый знакомый. Мурад более взрослый и зрелый, чем ее сверстники и университетские знакомые. Он выгодно отличался от приставучих парней или избалованных молодых богатеев. Когда он говорил об отце и матери, о поселке, которые ссыльные создали с таким невероятным трудом, и о том, как сам он приехал в Баку, в глазах его заметна была глубочайшая печаль, временами передающаяся и самой девушке. В эти минуты Мурад в самом деле казался старше своих лет. Наконец, она не сдержалась:

– Бедный Мурад! Сколько всего ты перенес.

– Не я бедный, а наш народ, заставший те времена, – сказал тот.

Не ускользнуло от взгляда Айсель и то, что сидевший подле нее юноша, хотя и занимается наукой, но похож, скорее, на спортсмена. Высокий, статный... А в его глазах, глядящих из-под длинных ресниц, она прочла детскую чистоту и необъяснимое родство. Лицо его говорило о сильном характере и внушало мысль, что на такого человека можно положиться.

Но этот разговор словно бы отдалял их друг от друга. И Айсель понимала, почему. Судьба и старая система отнеслись к их семьям по-разному. И невозможно было не признать несправедливость этого.

В то время, как одна семья входила здесь в число любимцев правительства, была всячески им обласкана, поднималась по ступеням науки и славы и, сидя в просторных кабинетах, обеспечивала своим детям благополучное будущее, другая часть народа первобытными способами начинала жизнь с нуля в бескрайних морозных степях. Очень горький и жестокий контраст. Между ними простирается пропасть, которой трудно подыскать название. И, наверно, тут-то и кроется одна из причин того, почему этот аспирант привлек ее внимание. Очередная загадка жизни. В окружении ее было полным-полно детей состоятельных семей. Если не заглянуть в паспорт, трудно понять, какой они национальности. Но ни с одним из них Айсель не доводилось и пяти минут посидеть на скамейке или прогуляться по этому парку. Некоторые из них почему-то напоминали Айсель ее подруг. Манерные, разговаривающие высокомерно-капризным тоном, ломающиеся, как барышня, чтобы выглядеть культурными и современными... А вот Мурад, сидевший рядом с ней, был похож на человека надежного и мужественного. Видимо, степной воздух и горькие воспоминания о дорогах, пройденных его родом, способствовали его раннему возмужанию. И даже в говоре его, происхождение которого трудно было определить, ощущались решимость и упорство.

Взглянув на часы, Айсель сказала:

– Мне пора бежать. Можете не провожать меня.

«Это означает «не провожайте меня»!» – подумал Мурад и, поднявшись, пожал протянутую девушкой руку. Но пойти с ней так и не решился. «Не хочет, чтобы водитель увидел!»

Айсель прошла несколько шагов и обернулась:

– Рада нашему знакомству.

Они не обговорили, встретятся или нет еще раз.

На следующий день ближе к полудню Мурад то и дело откладывал ручку и бумагу и смотрел на время. Он ничего не понимал из того, что читал. «Может, у нее вообще нет сегодня уроков, может, она и не пройдет здесь сегодня? Наверное, я отпугнул ее, предложив проводить. Имей терпение, тебе же не свидание назначено! Куда ты так торопишься?» – хоть и думал он таким образом, но ноги сами вели его в парк. И отчего-то он был уверен, что Айсель вновь придет в то же время по той же дороге.

Он видел разницу между ними, но не придавал ей значения, она не могла помешать их дружбе. «В какое время мы живем?» Ее дедушка тоже ведь вышел из народа, и научная степень не оторвала его от корней.

Большинство жертв репрессии также были людьми интеллигентными и известными, как и дед Айсель. Просто ему повезло, а им – нет. Судьба отнеслась к нему, как к сыну, а к ним – как к пасынкам... Что тут поделывать?!

С этими мыслями он спустился во двор и направился в сторону университета. Девушка, сказавшая, что любит гулять в этом парке с подругами, сегодня опять шла одна, отдельно от сокурсниц и, завидев Мурада, ускорила шаг. Хотя в душе она была убеждена, что Мурад будет ее ждать, но при встрече прикинулась удивленной:

– Вы снова тут?

– Со вчерашнего дня! – с нарочитой серьезностью ответил Мурад.

– И ночью домой не пошли?

Эта игривость придала Мураду смелости:

– Сам-то пошел, а вот сердце оставил здесь.

– И что оно делало здесь до утра?

– Ждало окончания занятий в университете.

Заливистый смех девушки, такой же светлый, как стволы чинаров, разлетелся по аллее.

– Какой же вы находчивый!

– Я с трудом нахожу слова, когда говорю с другими.

– То есть язык у вас развязывается только при виде меня? – девушка продолжала говорить в шутиливом тоне.

– Вы все видите лучше меня! – засмеялся Мурад в ответ.

Словно многолетние знакомые, они понимали друг друга с полуслова, с одного взгляда.

...Полуденные встречи превратились для них в привычку, а точнее – в потребность. Почти каждый день Мурад встречал девушку возле университета и через парк провожал до дороги, ведущей к памятнику Джавиду. В один из таких дней Айсель сказала:

– Если ваш научный руководитель узнает об этом, то перекроет путь между парком и университетом, чтобы студенты больше не проходили отсюда.

– Почему?

– Потому что его аспирант позабыл о научной работе и занят тем, что встречается и провожает какую-то студентку.

– Наука ничего не теряет. Сколько времени занимает перейти через парк? Из-за одного человека дорогу не закроют.

– Смотри, из-за какого человека. Он-то важный челочек. Захочет – хоть сегодня закроет дорогу.

– И вам это придется по душе?

– Не приписывайте мне невесть что, душа моя хочет видеть вас, – сказала Айсель.

«Вот ведь дикарь! Каким приехал ты из казахских степей, таким и остался, – упрекнул себя Мурад. – Эта девушка искренна с тобой. А у тебя не хватает отваги признаться, что влюбился в нее, что каждый день считаешь минуты до того, как она выйдет после занятий, и, если не увидишь ее, не в состоянии ничем заниматься».

Одолеваемый такими мыслями, он невольно взял идущую рядом Айсель за руку. В первый раз.

– Я очень благодарен за вас и музею, и университету, и этому парку.

Не отнимая руки, она сказала:

– С чего это вдруг? Благодарите уж сразу не университет и не парк, а меня саму!

– Главное, чтобы вы знали.

– Я ничего не знаю, – Айсель все же вынула свою руку из его ладони и сменила тему. – В субботу у мамы в музее будет мероприятие. Я тоже на него собираюсь. Буду рада, если и вы придете.

– С кем приду? – зацепился за это «вы» Мурад.

– Если «придешь».

– Ты вправду будешь рада?

Официоз был позабыт.

– Ты до сих пор этого не понял? Значит, никогда не поймешь! – сделав вид, что обиделась, Айсель зашагала быстрее.

Мурад нагнал ее, взял за руку и больше не отпускал. Они сели на ту же самую скамейку, что и всегда.

...В музей он пришел раньше назначенного времени. Не известно, что сказала ей дочь, но Сехер ханым встретила Мурада приветливо, как давнего знакомого.

– Айсель очень вас хвалит, – сообщила она.

Искоса взглянув на него, Айсель произнесла:

– Он далеко от дома, один в Баку.

Мурад парировал:

– Далеко от дома, зато на родине.

– А вот это правильно! – одобрила Сехер ханым. – Все, кто был сослан, должны вернуться в родные края.

Мураду нравилось то, как ласкова была с ним Айсель, что делала она это, не таясь от матери, и даже говорила о нем дома.

Когда мероприятие, посвященное дню рождения Джалила Мамедкулизаде, закончилось, Айсель попросила у матери разрешения:

– Если позволишь, мы с Мурадом пойдем к морю, я утомилась от сидения в этих четырех стенах.

Мать была не против:

– Иди, иди. Не будешь же ты музейным экспонатом!

«Если б она была музейным экспонатом, то лишь богиней красоты!» – подумал Мурад.

Однажды вечером во время прогулки по набережной он сказал Айсель:

– Хочу поехать в Казахстан. Родные давно ждут.

Айсель задумалась:

– Когда?

– Этим летом.

– На сколько дней?

– Не знаю, месяц, два...

– ...Три месяца, год, – продолжила Айсель с той же интонацией.

– Ну, нет, не так много! – улыбнулся Мурад.

– А разве месяц – это мало?

– А ты что, скучать будешь?

– Сразу видно, что ты в пустыне вырос. Пастух неотесанный! – полушутя-полусерьезно отозвалась Айсель.

Мурад:

– Чем это выросшие в городе лучше меня?

– Чувствительностью.

Мурад:

– Что же, они чувствительнее меня? Я ведь еще не договорил. Я не хочу ехать один.

– А с кем хочешь?

– С Айсель.

– В смысле, со мной? Спасибо большое. Я что, похожа на ту, которая ездит в гости с чужими мужчинами? Такого ты обо мне мнения?

– Ты мне не доверяешь?

– При чем тут доверие? Не превращай все в шутку!

Мурад задержал шаг, взял Айсель за локоть и притянул к себе.

– Ты что, не знаешь, что я тебя люблю? Я должен об этом говорить?

Айсель звонко рассмеялась:

– Конечно, ты должен об этом говорить, раз за разом, каждый день!

– Хорошо, я люблю тебя! Люблю! Очень люблю! Теперь поедешь со мной?

– Поеду, но не в этом платье.

– А какое должно быть платье? Ладно, куплю тебе комбинезон для работы в поле.

– Сам будешь его носить. Мне подойдет только свадебное платье, – с этими словами она попыталась вырвать свою руку из руки Мурада.

– Ох-ох-ох, – Мурад вдруг обнял ее и поцеловал в щеку. – Я в самом деле не-отесанный. Степной дикарь, как ты говоришь.

«И я люблю этого дикаря!» – прошептала Айсель.

Хотя первоначально он сказал о своей поездке в Казахстан в шутку, но после этого вечера осознал ее важность. Так что, он в самом деле туда поехал и первым делом сообщил родителям, что хочет жениться.

Мать смутилась: «Но ведь у тебя тут есть уже девушка на примете». Но быстро смягчилась: «Ну, что поделать, видать, на то воля божья. Приедем, когда захочешь, посватаемся и свадьбу сыграем».

В Баку Мурад вернулся уже с твердым намерением: «Женюсь, не дожидаясь защиты». Воспитание Айсель, ее характер и главное то, что она понимала его и предпочла всем завидным женихам из своего круга, – все это не оставляло места для сомнений. Сыграло роль и то, что мать ее – человек высочайшей культуры. Он не имел права и основания не верить народной мудрости: «Посмотрев на мать, женись на дочке».

Для Айсель стало неожиданностью, что родители Мурада приедут свататься. Она пока еще не хотела думать о свадьбе. Тот их разговор она считала шуткой. Но мать положила конец ее колебаниям: «Мурад – достойный парень. Если он тебе по душе, не отказывай. Не поедет же он опять в ссылку! Будет работать в академии».

Для них настали счастливые времена.

Принудительное переселение южнокавказских тюрок в 1920-1950-х годах...

Это было предметом исследования Мурада.

Библиотека академии, Национальная библиотека, архивы, куда его допустили при содействии научного руководителя. Он просматривал все, что попадалось ему о том периоде, и делал заметки. Набралось уже достаточно материала для завершения диссертации. Одну из глав работы он собирался посвятить последующей судьбе ссыльных.

По мере чтения покрытые мраком или же намеренно спрятанные страницы не столь далекой истории прояснялись, и он находил ответы на вопросы, волнующие его всю жизнь, сколько он себя помнил. Даже если бы все это не касалось лично его и его семьи, он все равно не смог бы спокойно отнестись к событиям тех лет. Открывающаяся перед ним картина была ужасающей, и эти постыдные моменты истории человечества не умещались в рамки обычной диссертации. Он словно бы очутился в море, из которого не мог теперь выплыть на берег.

Возможно, он совершил ошибку, взявшись за эту тему, и кто-то другой ограничился бы указами Москвы и тем, как эти указы выполнялись в регионах, статистикой и общей географией людского потока, унесенного ГУЛАГом. Но он видел не просто документы и значащиеся в них сухие цифры. Сколько тысяч немцев, сколько тысяч татар, финнов, украинцев, азербайджанских тюрок были арестованы и отправлены в ссылку... Что может быть проще, чем просто сказать 30 или 40 тысяч, и всё? Превращаясь в цифры, люди становятся неотличимы от деревьев, камней, спичечных коробков, бутылок водки или книжных страниц. Н, если вообразить себе судьбу хотя бы одного из этих десятков тысяч, это шокирует. Жизнь каждого из тех, кто был оторван от родного очага, – отдельное трагедийное произведение, и целого многотомника для нее было бы мало. Мурад видел разницу между статистикой и реальной жизнью, понимал значение этого контраста, и оттого ему трудно было собраться с мыслями.

...Он взглянул на очередную лежащую в папке страницу и не поверил своим глазам. Взгляд зацепился за такую знакомую фамилию деда Айсель, и сердце бешено заколотилось. Правда, он не раз натыкался на эту фамилию в газетах, но большинство из них были все в ключьях – чьи-то воровские руки аккуратно вырезали из них некоторые материалы. И, основываясь на одних лишь газетных статьях, трудно было определить позицию знаменитого ученого в те годы.

Но здесь все было ясно написано, и он не мог этого не прочесть, хотя очень боялся. Мысленно он молил Бога, чтобы в прошлом этой семьи, которую он знал и любил, не оказалось ничего тошнотворного. Кто-то другой, не испытывший жизни в ссылке, чей род не коснулась репрессия, возможно, и не обратил бы внимания на эти страницы, но в случае с Мурадом это было выше его сил. Он стал читать и с каждым словом ощущал, как шатается выстроенный им в мечтах воздушный замок. Напрямую к его семье это не относится, их приговор был вынесен в деревне и несколько раньше, но что с того? Багиров пригласил к себе некоторых знаменитостей, они побеседовали, и еще одна группа интеллигенции была арестована, сослана, расстреляна без лишних слов...

Покушение на Сталина, попытка государственного переворота, антисоветская деятельность. Сколько можно? Всякий раз гибли тысячи людей из самых разных слоев. Но не должны были любимые народом личности мыть руки в этой кровавой реке. Не должны были они пятнать свои имена. Не должны были клеветать на друзей и знакомых. При участии народных любимцев расстреливали тех, кто любил народ. Есть и такое лицо у истории. Отвратительное лицо... Притом что солидные издания, прочитанные им в Баку, представляли этого человека, как патриота, готового на все ради своей нации, возвышавшего его своими научными инновациями и всюду встречаемого хлебом-солью.

Мурад был потрясен. Айсель он ничего не сказал. В чем ее вина? На момент написания тех рапортов, возможно, даже мать ее еще на свет не появилась. Однако всякий раз, глядя ей в лицо, он думал о людях, рассыпанных по казахским степям.

И это пройдет...

Но не проходило. Продолжало терзать ему сердце.

Напрасно родители ждали от него вестей о сватовстве.

Авария на юге

Если смотреть к востоку от Мешгиншехра на гору Савалан и расположенные севернее от него пики Кёмюргей и Гызюрду, вдоль которых теперь проходит граница с Южным Азербайджаном, то открывающийся перед взором вид зачаровывает. Если Рай таков, как описывают его в священных книгах, или есть некая планета под названием Рай, то выглядит он именно так; или же эти оазисы похожи на рай. Быть может, в середине лета они выгорят и пожелтеют, а зимой скроются под толщей снега и утратят свою нынешнюю красоту, но пока еще стоит весна – пора, когда даже камни оживают и покрываются пестрыми цветами. Если идти вдоль одной из небольших горных речек, берущих свое начало на широкой груди горы Савалан, округа поразит тебя своими фруктовыми садами, тополями, вонзившимися в небо, как стрелы, огородами, террасами, ухоженными умелыми человеческими руками.

В период, когда стада поднимаются на летние пастбища, эти оазисы и дороги становятся еще оживленнее, люди отзываются на безмолвный тысячелетний зов и пускаются в обратный путь в родные края, покинутые осенью.

У дороги, прислонившись к торчащему из-под земли, словно кулак, камню, два пастуха приглядывают за пасущимся стадом. И так весь день, а когда пасти не получается, стадо сгоняют на дорогу и ждут, когда можно будет вновь выпустить его на пастбища.

Внимание пастухов давно уже привлекли две машины, кружившие по дороге. Им хотелось увидеть, куда они направляются. Машины несколько раз останавливались, а затем вновь трогались с места. Сейчас вот они опять остановились возле сосновой рощи неподалеку, из них вылезли какие-то люди и стали фотографировать и переговариваться между собой. Может, это и была их конечная остановка, и вскоре они вернутся назад. Но на сей раз приехавшие обратили внимание на пастухов.

Еще не зная, кто они такие, и зачем приехали, один из пастухов, лет 40-50-и, задал товарищу неожиданный вопрос:

– Слышь, Ширзад?

– Слышу!

– Увидел я эти машины и вспомнил, что в последнее время иностранцы прямо таки повадились в наши горы.

– И чего они тут ищут?

– Ну, не лис же! Лис и в Америке достаточно. Наверно, золото ищут. Их, кроме нефти и золота, ничего интересовать не может.

Повисла тишина.

На сей раз уже Ширзад окликнул:

– Гылынджхан!

– Да?

– А ты что думаешь? Зачем они сюда ездить начали?

Гылынджхан еще раз взглянул на беседовавших возле машины гостей и ответил:

– Странный ты человек! Если ты не знаешь, мне-то откуда это знать? Мне тоже любопытно, что делают тут эти сукины дети. Наверно, на Шурави напасть собираются. Заранее изучают пути. Или, как ты сказал, золото ищут. Тем более что золота тут хоть отбавляй, не только под землей, но и на ее поверхности. Здесь между деревнями какой холм ни всковырни, золото обнаружишь. Наверно, слухи об этом и до них дошли. А им чего! Наведут свои аппараты и вмиг найдут.

В этот момент они увидели, что трое из приехавших на машинах людей, отделившись от остальных, направляются к ним. Ну, и пусть приближаются, что с того? Они уже столько туристов и альпинистов перевидали!... «Добро пожаловать», – произнесли пастухи почти одновременно.

Человек, похожий по виду на местного, что-то объяснял гостям – видимо, что пастухи поприветствовали их. Потом сказал по-турецки: «Хош булдуг», хотя по акценту было понятно, что он не турок. Они пожали друг другу руки. Местный перевел, что гости спрашивают, как у них дела.

– Спасибо, хорошо. Откуда они? – поинтересовался Ширзад.

– Из Америки.

Гылынджхан не мог сдержать любопытства:

– А что у них тут за дело? К нам в горы иностранцы нечасто заглядывают.

Гости подтвердили:

– Знаем, знаем, но мы не туристы.

Один из них, постарше остальных, указал на второго:

– Я ученый. А это мой ассистент.

Он перевел взгляд с них на ассистента, и в глазах его промелькнуло некое чувство довольства, будто бы он хотел сказать: «Видишь, куда мы приехали?», подчеркнуть важность их путешествия.

– Вы братья? – спросил он затем.

– Нет, не братья. Родственники.

Ученый:

– Можно вас сфотографировать?

– Почему же нельзя? От нас не убудет, – согласились пастухи.

Гости опять стали что-то обсуждать, поглядывая на них. «Не беспокойтесь, они говорят о ваших лицах», – сказал тот, который владел турецким.

Ширзад разнервничался...

– А что не так с нашими лицами? Хоть и потемнели мы на солнце, но темных пятен на нас нет.

– Вы меня неправильно поняли...

Чем привлекли внимание эти двое – высокие, рослые, пышущие силой и здоровьем? В здешних горах полно таких пастухов. С худыми, чуть продолговатыми лицами, прямыми носами, длинными бровями, разлетающимися к вискам, точно орлиные крылья, большими голубоватыми глазами, свидетельствующими о сильном характере, широковатым подбородком, густыми черными волосами, – таких же, как и все остальные в этих местах!

Переводчик объяснил:

– Этот ученый уже много лет ездит по свету, он историк, изучает очаги зарождения человечества.

– Так они давно уже это выяснили и даже доказали, что мы произошли от обезьян, – пошутил Гылынджхан.

Услышал перевод его слов, гость засмеялся.

Ширзад продолжил мысль двоюродного брата:

– Наверно, они ищут здесь первых людей, то есть людей, мало отличающихся от обезьяны.

Эта фраза, переведенная для гостя, прервала его смех.

– Напротив, мы увидели здесь высших людей, чья кровь не имеет примесей.

Ширзад возразил:

– Почему же, у нас тоже есть смешение кровей. У здешних мужчин давно бытует обычай брать себе жен других национальностей.

Гость понял, что, раз уж разговор вошел в такое русло, то будет неправильно расстаться, не разъяснив свою мысль:

– Мы идем по следам того, что написано в священных книгах. В каких местах впервые ступила нога сына человеческого? Мы хотим разыскать их. И вот поиски привели нас сюда – к подножию Савалана. Но важнее совпадения географии – это живущие тут люди. Люди чистой крови, без примесей в генах...

Гылынджхан искоса посмотрел на Ширзада.

Хотя смысл сказанного до него и не дошел, но он понял, что эти пастбища, на которых пасли они свои стада, в глазах иностранцев имели какую-то особую значимость. Наверно, для всех своих захватов они придумывают такие вот поводы.

Понял он и то, что ценность человека зависит не от того, в какой стране или городе он живет, какую школу окончил, а от того, держится ли он подальше от зла и дьявольских происков, и живет ли по божьим заветам. Где еще можно сохранить здравость мысли лучше, чем в этих горах? Может быть, священность горы Савалан как раз и связана с тем, что, как говорят эти ученые, это одна из колыбелей человечества...

Эту историю Рустам услышал, когда гостил в Иране в Мешгиншехре, и однажды в разговоре пересказал ее академику Зияду Шихлы. Друг выслушал и, спокойно протягивая ему игральные кости, сказал:

– Не рассказывай сказки, кидай. Как только мечты твои застревают в дверях, ты вспоминаешь о Боге.

Рустам понял, что продолжать говорить об этом бессмысленно.

Прошло несколько месяцев. Академик завершил часть своих дел в архиве, собрал статьи, отдал их в издательство и расслабился. За одной из очередных игр в нарды на ум ему вдруг пришла рассказанная Рустамом история.

– Помнишь, ты говорил об экспедиции американских ученых в окрестностях Савалана?

– Разве можно такое забыть, – ответил Рустам. – Не суди по себе!

Академик пропустил его поддевку мимо ушей.

– Я еду в Нахчыван, а оттуда – в Иран на конференцию. Если получится договориться, хочу объездить весь юг вдоль и поперек. Может, поедем вместе?! Взглянем на те самые места, где были эти американцы. Посмотрим, что они там искали.

– Когда едешь?

– Через два дня.

– Мне надо отдать в печать новый номер журнала. Так что, извини, но я пас! Иначе охотно поехал бы с тобой!

Он много раз бывал в Тегеране. Но по маршруту Нахчыван – Тебриз ехал впервые. И при этом ощущал он себя победителем, как много лет назад, вернувшись живым и невредимым с войны. Потому что вплоть до недавних лет ему и в голову не пришло бы, что можно вот так вот запросто спуститься по течению Араза и двинуться по дорогам, которые он неоднократно уже исходил в своих книгах. Но еще больше взволновало его то, что Тебриз предстал перед ним почти неотличимым от Гянджи, Шеки или Ордубада, растущим на своих корнях, и что на улицах его не было слышно никакого другого языка, кроме азербайджанского, произносимого со столь сладким для слуха акцентом. Едва они выехали из Тебриза, как автобусу сделали знак остановиться из нагнавшей его машины. В салон вошел какой-то человек и сказал сидящему в первом ряду Зияд бею: «Меня послали за вами, для вас выделен автомобиль, я сам вас повезу». «Автобус очень удобный...» – попытался было отказаться академик, но водитель настаивал: «Иначе меня уволят с работы...»

Когда вдаль показались заснеженные вершины Савалана, он вновь вспомнил историю, услышанную Рустамом в Мешкенде, о том, как поиски колыбели человечества привели американцев в эти места. Если б в запасе было достаточно времени, он попросил бы водителя поехать по той самой дороге. Однако надо было успеть на конференцию. Но и над оазисами, мимо которых они проезжали, витал зачаровывающий дух древности... Эта мысль вновь унесла его в далекое прошлое этого края. Вдруг он почувствовал, как машина свернула с дороги. Он быстро оторвался от созерцания гор и перевел взгляд на водителя. Уснул он, что ли? Академик потянулся к рулю. Но шофер не спал и изо всех сил вертел руль в разные стороны, так что и не поймешь – то ли он пытается вновь выехать на дорогу, то ли повернуть к ручью, протекающему у подножья холма. Поворачивать назад было уже поздно, и у самого края обрыва водитель открыл свою дверь и вывалился из салона, а машина застряла между большим камнем и растущим возле него деревом.

В этот момент академик ожидал, что кости его одна за другой начнут с треском ломаться, как сухие ветки. И кто знает, сколько из них переломится, прежде чем наступит смерть. За несколько секунд в мозгу у него чего только не пронеслось. Смерть его не страшила, только б не остаться калекой...

Он не понял, что произошло потом. Над головой проплывали белые облака. Будто это вершины Савалана улетали вдаль одна за другой. Кто-то тряс его и осторожно касался лица: «Очнись и благодари Бога, что жив».

Слова доходили до него с трудом, и пришлось приложить немало усилий, чтобы уловить их смысл:

– Да это просто чудо... Бог миловал. Ты только взгляни, что стало с машиной? Как можно было в ней уцелеть, непонятно.

Интересно, что же произошло? Может, он уже на том свете? Тот здоровенный немец не смог его задушить. Стоило нащупать засунутый в ботинок нож, как все силы

его перешли в руку. Ведь он убил его, своего несостоявшегося убийцу, так что же это за тяжесть ощущает на себе сейчас? Он потянулся к ноге, намереваясь, пятьдесят лет спустя, вновь вытащить из ботинка нож. Порадовался, что это движение не вызвало боли. Легкие его наполнились горной прохладой. Он попытался приподняться.

– Не торопись, брат, пусть сперва врач придет, потом поднимешься.

– Врач? Какой еще врач?

«...На фронте есть доктора, есть медсестры, и они придут на помощь, даже если на головы им будут сыпаться бомбы».

Но грохота бомб не было слышно.

Обернувшись, он вновь увидел заснеженные горы и, наконец-то, все понял. По этой дороге он должен был ехать в Тегеран.

– Что со мной случилось?

– Ничего не случилось, брат.

Его не без труда уложили в машину скорой помощи – человеком он был тяжелым. Он оглядел столпившихся вокруг местных жителей и понял, что красивые, дочерна загорелые лица этих людей, которые спасли его и вызвали «скорую», навсегда запечатлелись в его памяти, в точности как лица фронтовых друзей...

Мысли его постепенно прояснялись.

– А где водитель? – спросил он.

Ему бы не хотелось, чтобы его желанию прогуляться была бы принесена человеческая жертва, но долго беспокоиться об этом не пришлось:

– Цел и невредим.

– А со мной что?

– Есть ушибы, в больнице осмотрят.

– Отвезите меня обратно в Тебриз.

– Поводов для волнения нет. Нам поручено ехать в Тегеран.

Боль в ноге и голове разлилась по телу, и он не смог больше спорить.

Тегеранские врачи внимательно осмотрели его и растерялись, не зная, какое решение принять. Потому что на руках у них были фотографии места аварии и самой разбитой машины. Автомобиль, сошедший с дороги на этом участке, ничто не могло удержать от падения в обрыв. Как же так вышло, что он затормозил об единственное растущее там дерево? Если б он проехал мимо, как, в принципе, и должно было быть, то не встретил бы на пути больше никаких преград и полетел бы прямоком на дно обрыва. Но каким-то чудом машина вильнула вправо и угодила между деревом и камнем. Быть может, какие-то не видные среди травы возвышенности и камни изменили направление... Не меньшим чудом было и то, что такой крупный человек не получил никаких серьезных травм. Лишь сотрясение мозга, потревожившее застрявший еще с военных времен осколок. Ну, и несколько незначительных ушибов бедра. За несколько дней пройдет.

Случившееся быстро получило огласку. Организаторы конференции и живущие в Тегеране азербайджанцы стали один за другим приходить в больницу. Посол Азербайджана и вовсе навещал его каждый день.

В первый визит посла между ними произошел любопытный разговор:

Посол:

– Мастер, я же вас предупреждал. Позвонил в Академию наук и сказал, что ваш приезд на конференцию нежелателен. Здесь против вас ведется серьезная кампания, и даже ходят слухи о покушении.

– Мне ни слова от тебя не передавали, – удивился академик. – Я и не знал, что ты звонил.

Посол:

– А я не знал, что вы едете из Нахчывана. Если б знал, сам бы вас встретил. А теперь непонятно, кем был тот водитель.

Его старый друг доктор Джавад Хеййят тоже наведывался ежедневно, беседовал с врачами, следил за ходом лечения. Придя во второй раз, он спросил:

– Что за конфликт случился у тебя с врачом?

Зияд бей улыбнулся:

– Да так, мелочь...

– А все же?

Академик не стал скрывать:

– Была уже ночь, как вдруг входит какой-то человек в белом халате и со шприцом в руках: мол, пора делать укол, закатывай рукав. Посмотрел я, и что-то лицо его мне не понравилось.. «Хайес?» – спросил я. Он кивнул. Тогда я и говорю: «Не хочу укол». А он все никак не угомонится, тянется ко мне. Ну, я и скрутил ему руку так, что он выронил шприц. «Сейчас встану и прибую тебя, убирайся отсюда!» – сказал я. Он шприц поднял и ретировался поскорее.

Джавад Хеййят рассмеялся:

– Верно угадал, дежуривший вчера доктор был армянином. Но вот какой он врач, и что за лекарство хотел вколоть тебе среди ночи, сказать не могу. В любом случае ты все правильно сделал.

Пришел проводить его и знакомый по Баку историк Расул, изучающий иранский Азербайджан:

– Мы поговорили с врачами, серьезных травм у тебя нет. Небольшое сотрясение мозга, да и оно скоро пройдет.

Зияд бей радовался, что избежал большой беды, и обратил слова медиков в шутку:

– С головой у меня и так было не в порядке.

– Боже упаси! – возразил Расул. – Гости тут, сколько душе угодно, мы только рады. Но, если не обидишься, я кое-что тебе скажу.

– Говори! Какие там обиды.

– Если можешь сесть в машину или на самолет, не оставайся здесь! Все равно ведь принять участие в конференции не получилось. Продолжишь лечение в Баку.

Зияд бей задумался:

– О чем ты беспокоишься?

– Так и не удалось выйти на след того водителя. Кто он, что он – никому не известно. У меня тысяча всяких мыслей. Это Тегеран, и нам от него добра ждать не приходится.

– Считаешь, у них и на переводчика Корана рука поднялась?!

Расул усмехнулся:

– Это их и пугает. То, что ты превосходно знаешь ислам и его историю...

– О твоих книгах мне тоже известно. Многих в Иране ты пробудил от сна.

Действительно, исследования Расула выявили много лжи персидских историков и широко распространились среди читателей. От скромности Расул постарался сменить тему:

– Меня огорчило, что некоторые наши деятели переехали из Баку сюда.

– Кого ты имеешь в виду? В последнее время переехали многие видные ученые. Гуламгусейн Бегдели, Гамид Мамедзаде.

– Я говорю о докторе Зохраби. Как только вышла его книга об истории иранских тюрок, такое началось... Здесь ведь некоторые готовы всю кровь выпить у тех, кто пишет истинную историю тюрок. Из-за этого его и убили в собственном доме в Шабустаре.

– Значит, я не ошибался, когда говорил, что он был здоровым человеком и не мог так быстро умереть, что это, наверняка, было убийство.

– Несомненно. У нас даже есть фотографии. На его теле остались чудовищные следы.

С этими словами он достал из кармана фотоснимок.

– Это сфотографировала наша молодежь, как только стало известно о его смерти.

Зияд бей не поверил своим глазам:

– Как можно так зверски поступить с человеком?

На обнаженном теле Зохраби отчетливо были видны следы пыток и ударов тупым предметом.

– А зачем ты носишь это фото с собой? – с тревогой спросил академик.

Расул улыбнулся:

– Чем мы лучше Зохраби! Во всей этой стране я не нашел места надежнее, чем собственный карман.

Едва настало утро, Зияд Шихлы, несмотря на настояния врачей, покинул больницу.

В те дни в иранской тюрьме сидел знаменитый физик, приглашенный из Баку. С ним произошел интересный случай, показывающий истинное лицо Исламской Республики Иран. В Баку Рашид муаллим имел лабораторию, где проводил определенные исследования, связанные с атомной физикой. В числе других ученых он был приглашен в Иран, когда здесь начала развиваться атомная промышленность. Несколько лет он продолжал в соседней стране начатую в Баку работу, создал научную лабораторию. А когда срок договора закончился, вопреки всем уговорам, возвратился на родину. Но не нашлось никого, кто бы мог занять его место в Иране. Его приглашают повторно, но он отказывается. Тогда его просят приехать хоть на пару дней, чтобы дать некоторые советы. Рашид муаллим поверил в это, отправился в Иран, помог, а на обратном пути был арестован. Самое любопытное – то, как иранская сторона обосновала этот арест. Якобы ученый, овладев в Иране технологическими инновациями, привез их в Баку. «Какие еще инновации? Я сам создавал эту лабораторию. И все, что в ней есть, приехало вместе со мной из Баку, так что же я мог увезти обратно? Какой из секретов этой лаборатории, мною же самим основанной, я мог похитить?» – негодовал Рашид муаллим.

Наверно, именно поэтому коллега-историк так настаивал на скорейшем возвращении академика домой. И, вернувшись, он не стал скрывать от близких друзей, что авария эта не была случайностью.

Среди тех, кого сильнее всего расстроило известие об аварии, был и Рустам. Узнав о приезде Зияд бей, он поспешил к нему. Академик встретил его с горькой улыбкой, как ни в чем не бывало. За этой улыбкой скрывались далекие военные воспоминания, фронтовые потери и, не уступающие фронтовым, яростные атаки на него в мире науки и способы обороны от них. Он не знал, на какую из страниц этой хроники борьбы вписать непредвиденную аварию.

По тому, как говорил Рустам, было заметно, что он ощущает себя виноватым. Ведь это он больше всего желал и настаивал, чтобы академик отправился в ту поездку. И теперь он раз за разом спрашивал его об одном и том же:

– Значит, водитель исчез?

– Во всяком случае, мне о нем ничего узнать не удалось.

– А кто сказал, что он был армянином?

– Это только слухи. И, честно говоря, я в них не верю. По-моему, слух этот распространили намеренно...

– А может, он курдом был?

– Откуда мне знать? Какое они имеют к этому отношение? И потом, разве можно отличить курда от азербайджанца?

Рустам:

– Я просто спрашиваю! Говоря о курдах, я имею в виду ПКК. Среди них ведь полно замаскированных дашнаков... Кажется, ты забыл список 1988 года.

– Веришь, Рустам, до этого происшествия я в самом деле совершенно не помнил о том списке.

– Нельзя забывать смертный список! – горячился Рустам.

– Открыв глаза после аварии, я сначала подумал, что ранен в Берлине в последние дни войны. А потом до меня дошло, что выпущенная там пуля настигла меня в Савалане. Я почувствовал приближение смерти. Но позже понял, что это был не злой рок. Быть может, авария эта, подстроенная в Иране, – лишь первый акт какого-то другого спектакля.

Рустам взорвался:

– Эй, герой, ни у кого не поднимется рука на тебя. Никто, считающий себя мужчиной, нормальным человеком, не станет тебя предавать! Ты не смотри на Иран, там всякое может быть, и давай уже за нарды сядем.

Сомнение

Айсель росла, окруженная любовью. Беззаботная, всегда в центре внимания, куда бы ни пошла. Ну, шутка ли – быть внучкой знаменитого на всю страну ученого. Любовь народа само собой, но главное – отношение правительства. Кто бы ни сидел в верхах, такие семьи всегда были обласканы и окружены заботой.

И Айсель, сколько себя помнила, счастливо жила в этой атмосфере избранности.

Но, что любопытно, все это внимание, слава и безбедная жизнь совсем не избаловали её. Ей и в голову не приходило держаться высокомерно, совать всем под нос свое происхождение, хвастаться им. Напротив, ей казалось, что она должна быть проще и скромнее других.

Она часто вспоминала слова, сказанные кем-то из великих: «Неважно, дешевая на тебе одежда или дорогая, – все знают твоего отца и деда. И этого тебе должно быть достаточно. Чем проще ты будешь, чем меньше стремишься выделиться среди других, тем больше почтения встретишь». Она неоднократно убеждалась в справедливости этого высказывания. И в школе, и в университете товарищи ее обожали.

Не придавала она значения и тому, что была одной из первых красавиц факультета. Как говорит мама, главное, чтобы судьба сложилась красиво! Но ни у нее самой, ни у Сехер ханым не было права роптать на судьбу. Знакомые семьи намекали на желание породниться, а в университете не счесть было тех, кто хотел с ней познакомиться. Некоторые даже говорили Сехер ханым с иронией: «Ну, и чего ты ждешь, за президентского сына ее выдать собираешься?»

Сехер ханым тоже за словом в карман не лезла:

– А что, президентские сыновья лучше нее, что ли? Или их жены умнее нее? Вы лучше скажите, нравятся ли ей эти высокопоставленные дети.

Она говорила правду. Для Айсель, принадлежавшей к одной из самых известных семей страны, должность и богатство серьезного значения не имели. Радуйся, что родилась в такой семье, но это не твоя заслуга, а божий промысел. Ты могла бы родиться и в горах, дочерью какого-нибудь пастуха! Весь этот почет, эти хоромы – они не твои, а твоего деда. И у тебя не хватит сил носить мантию его славы.

Айсель долгие годы слышала и понимала, что дед ее всего достиг своим трудом, что, даже будучи в зените славы, никогда не зазнавался и оставался с народом, и это придавало ее характеру особую чистоту, не свойственную детям других похожих семей. А безупречная нравственность, опережавшая возраст зрелость и благородство превышали внешнюю красоту.

Дочь Сехер ханым познакомилась с Мурадом в тот момент, когда предложения руки и сердца стали поступать ей все чаще. Ни на первой, ни на последующих их встречах она не ощутила ничего, что ее оттолкнуло бы или заставило испытать дискомфорт. Если новое знакомство совершается с добрыми намерениями, оно обогащает тебя.

Мурад был не только хорош собой, но и походил на человека серьезного. А еще важнее была судьба его семьи, его судьба. Он один в Баку, скучает, нуждается в заботе и общении. Но ведь город полон такими же приехавшими издалека бедными одинокими юношами. Что же выделяет среди них Мурада? Быть может, то, что он видел суровое лицо жизни, или то, что взял курс на науку? Ответить она не могла.

А самым странным было то, что чертами лица он напоминал ее дедушку. Она ощущала разницу между Мурадом и кружившими вокруг нее поклонниками, большинство из которых не знали никаких забот и не прошли школы мужества, и с каждой встречей разница эта становилась все явственнее.

Но как-то раз она не увидела Мурада на их обычном месте. Объясняя это тем, что он может быть чем-то занят или просто опоздать, она несколько раз обошла аллею, и, наконец, ей стало совсем уж не по себе оттого, что его до сих пор нет. Она привыкла к тому, что улыбка, с которой он к ней подходил, и первые же произнесенные слова уносили ее далеко от бакинской жизни, в совершенно иной мир, и начала скучать по этим разговорам. Тем не менее, она не стала признаваться в этом даже себе самой и, мысленно сказав: «Раз не пришел, значит, появилось у него какое-то важное дело», села на «их» скамейку.

Лишь обратив внимание на пожелтевшие листья чинаров, которые носил вдоль аллеи легкий ветер, она подумала, как много времени прошло с момента их первой встречи с Мурадом.

Пожилая женщина прошла между деревьями на небольшую очищенную от травы площадку и, высыпав на землю принесенные с собой зерно и хлебные крошки, удалилась. Голуби, кружившие над парком, будто давно этого ждали, скользнули между ветвями и всей стаей опустились на площадку. Похожие на покрасневшую ладонь листья чинаров, полетев вслед за голубями, посыпались на них сверху. Быстро клюя хлебные крошки, голуби перепархивали с места на место, взмахами крыльев поднимая в воздух усыпавшую площадку листву, не позволяя ей покрыть их застолье. Айсель завороченно наблюдала за этим: «Какая прекрасная картина, Господи! Почему я никогда прежде этого не замечала?» Насытившись, голуби стали попарно улетать прочь, и это вызвало в ее сердце странную зависть: «Даже птицы не хотят оставаться в одиночестве...» И вот ведь какое совпадение – на соседних скамейках люди тоже сидели поодиночке. Она поднялась, взмахи голубиных крыльев словно усилили ветер, и теперь он сметал под деревья листву с дорожек аллеи, и те не могли остановиться, куда не находили, за что зацепиться. Почему-то ей показалось, что между этими носимыми ветром листьями и Мурадом есть нечто схожее, глаза ее наполнились слезами, и, выйдя из парка, она пошла к машине.

Мурад не появился и в последующие два дня. Когда же он не пришел и на третий день, она не стала ждать в парке, подумав, что, возможно, он заболел или с ним что-то стряслось. Пройдя между мраморными колоннами, она поднялась на этаж, где находился институт Мурада, и, спросив у первой попавшейся в коридоре женщины, нашла его кабинет.

Во второй половине дня научные сотрудники либо спускались в библиотеку, либо расходились. Сквозь полуотворенную дверь она увидела Мурада. Словно позабыв обо всем, включая себя самого, он смотрел в окно. В комнате больше никого не было.

– Айсель?

По его интонации нетрудно было догадаться, что он совсем ее не ждал.

– А я-то думала, что у тебя какая-то важная работа, что ты не можешь выйти, – сказала Айсель.

– Садись.

В маленькой комнате стояло четыре стола. Они с Мурадом уселись друг напротив друга.

– Что случилось? Чем ты занят?

Мурад не знал, что сказать. В этот момент, сидя на седьмом этаже огромного здания, в одном из погруженных в тишину кабинетов, он понял, что очень любит Айсель. В течение этих трех дней какие только предлоги он не придумывал, чтобы не спускаться в парк. Однажды даже добрался на лифте до первого этажа, а затем вернулся назад. Глядя на качающиеся на ветру ветки чинаров, он чуть не расплакался. Он проклинал себя. Зачем ему надо было копаться в газетах 30-х годов? Зачем он стал читать подписи под статьями? До сих пор их прочитали сотни людей, и что, что изменилось? Разве убывало от славы и почета интеллигенции, заботливо оберегаемой правительством? Ты что, считаешь себя самым умным? И потом, какое отношение ко всему этому имеет Айсель? Ты можешь поговорить с ней открыто. Но он слишком хорошо знал, какая умная Айсель, и понимал, что в случае откровенного разговора она камня на камне не оставит от всех его доводов. Он был не готов к этому. Не хотелось выносить вердикт, основываясь всего на паре статей. Он тщательно изучит тот период и всем, что узнает, поделится с Айсель. Может, тогда все будет выглядеть иначе.

– Застрял в архивах.

– Сегодня ты не в архиве! Сидишь тут без дела.

Мурад не стал прятать взгляд, и Айсель увидела барьер у него в глазах. Поняла, что он не способен сейчас ни ссориться, ни говорить по-хорошему. Что он может только молчать. С ней и самой не раз такое случалось. Она встала:

– Вижу, ты не в настроении отвечать на вопросы, но мы должны поговорить. Ты заставил меня ждать три дня, должен же ты это как-то объяснить или нет? Завтра нерабочий день, приходи в 11 часов к музею, пойдем на берег, поговорим...

Мурад порадовался, что расспросы закончились. До завтра он успеет бороться с мыслями.

На следующий день они встретились. Но на берег не пошли. На лице Айсель не осталось и следа вчерашнего смущения:

– Я рассказала маме, что хочу встретиться и поговорить с тобой. И она предложила тебе поехать с нами на дачу – мол, это самое подходящее место для такого разговора. Поедешь?

Отказаться было нельзя.

Но дача не развеяла его сомнений. Сехер ханым в самом деле была очень искренним человеком. Большинство тех, кто некогда слетался, как пчелы на мед, на славу ее отца, разлетелись в разные стороны после его смерти. Замуж она вышла за человека не из своего круга – тихого археолога, по полгода проводящего в экспедициях. А после того, как муж попал под лавину в горах, осталась одна с двумя дочерьми. Сехер ханым познакомила Мурада со старшей дочкой и зятем, приехавшими на дачу раньше них.

– Это Мурад, я вам о нем говорила. Он приехал из Казахстана, сейчас учится в аспирантуре...

Зять был человеком неразговорчивым, но приветливым. С первой же минуты он прикипел к Мураду и подключил его к приготовлению шашлыка. Айсель искоса поглядывала на него, поддразнивала, мол, «работай, работай», и не скрывала своей радости от того, что они вместе.

Но Мурад все еще не мог прийти в себя. Ему казалось, что он едет на одну из обычных абшеронских дач, где на песке растет от силы 10-15 кустов винограда да пара инжировых деревьев.

Дача Сехер ханым до революции принадлежала бакинскому миллионщику, затем перешла к кому-то из коммунистических лидеров, а после его расстрела досталась знаменитому ученому. Огромные деревья делали ее похожей скорее на лес.

Когда Сехер ханым рассказывала историю этой дачи, Мурада пробил озноб: «Как можно преспокойно жить в доме, который с такой охотой построил для себя кто-то другой?» Но почти сразу он посмеялся над собственной наивностью. Разве в больших городах кто-то живет в домах, построенных своими руками? Если правительство предлагает, почему он не должен был принять этот дар?

Он вспомнил рассказы старших о том, как создавалась их деревня в Казахстане. Хибары, сооруженные из сырого кирпича и камыша... тесные, сырые каморки...

«Нас прогнали отсюда и позабыли о нашем существовании...»

После обеда Айсель позвала его, чтобы показать сад. Воспользовавшись тем, что мать и сестра были заняты, она взяла Мурада под руку: «Смотри, вот это туттовое дерево дедушка посадил сам». Раскинув ветви, дерево взяло под свое крыло часть сада. Оно совсем не походило на абшеронский тутовник. «Побег привезли из деревни. Ягоды такие длинные, белые, сладкие, как сахар». «Совсем, как у нас в деревне», – подумал Мурад. «Если хочешь посмотреть на окрестности, пойдем наверх», – сказала девушка, ведя его к лестнице. В одном из углов двора возвышался чердак. С него перед ними открылся вид на роскошные дома, один другого краше. Будто владельцы их устроили соревнование, кто лучше перенесет на Абшерон чужестранную архитектуру. Не хватало лишь казахских юрт. Восхищение всем чужим – давнишняя хроническая болезнь нашего народа. Чердак был хорошо обустроен, на полу лежали килим и несколько жестких подушек. Садясь на пол, он подложил одну из них под локоть. Сейчас он явственнее ощущал существовавшую между ними разницу: «Квартира, дача, машина, почет... все пальцем показывают. А кто я, и что у меня есть? Ты собираешься, выдернув ее из такой жизни, увезти в Казахстан или переселить на съемную квартиру? Все будут говорить, что там живет внучка того-то. Примет ли это Айсель? А если и примет, сколько сможет выдержать? Как я сам это выдержу?»

Снизу было слышно, как Сехер ханым негромко разговаривает с Айсель:

– Зачем ты оставила гостя одного, может, он хочет чего-то.

– Я стесняюсь подняться туда...

– Тогда в чем смысл того, что ты пригласила Мурада сюда? Ты должна четко знать, чего хочешь.

– Я знаю, чего хочу.

Мурада охватила дрожь. Еще неделю назад, услышав это, он кричал бы от радости, но сейчас... Что он скажет Айсель? Охваченный этими мыслями, убаюкиваемый дачной прохладой, он задремал. Кто-то щекочет ему лицо. «Это Айсель?». Да, и вправду рядом сидит она. Держит в руке гроздь винограда и, касаясь ею его губ, старается разбудить. Он приподнялся. В какой-то момент ему захотелось крепко обнять Айсель и уложить подле себя. Будто почувствовав это, девушка приложила палец к губам, сделав ему знак молчать.

– Ешь виноград! – потом, после паузы, спросила. – А теперь скажи, почему ты бегал от меня столько дней?

– Не от тебя я бегал, а от себя.

– Ну, от тебя бегать немудрено. Еще немного, и я убегу, – с этими словами Айсель поднялась. – А мама моя все хвалит тебя и хвалит. Не понимаю, что она в тебе нашла?

Она спустилась вниз, и больше они к этой теме не возвращались.

У Мурада гора с плеч свалилась.

Письмо Мурада Айсель

«Не знаю, как к тебе обратиться. Дорогая, милая! Все это блекнет по сравнению с моей любовью к тебе, с твоим образом, запечатленным в моем сердце. Моя Айсель! Ты заставила меня позабыть о той чуждости, которую испытывал я после приезда из ставшего мне родиной Казахстана на свою настоящую родину. Я полюбил тебя, и в твоём лице полюбил эту родину-мать, которая была мачехой для моей семьи. С твоим появлением улицы Баку стали для меня родными. Люди превратились в родных и близких. Я жизнью готов пожертвовать ради тебя. Но я не достоин тебя, твоей красоты. Ты внучка прославленного ученого, а я – выходец из лишь недавно реабилитированной семьи ссыльных, не имеющий в Баку даже самого скромного жилья. Но, несмотря на это, я полагался на нашу любовь и верил, что мы будем счастливы. Мы много говорили об этом. Но жизнь продолжает быть беспощадной. Она считает, что моя семья не имеет права на счастье и спокойную жизнь...

Собирая материал для диссертации, я листал газеты 30-х годов и несколько раз встречал в них статьи, связанные с твоим дедом. Поначалу я не придавал этому значения. Времена тогда были сложные. Все обвиняли друг друга. Но в архивах я увидел такие документы, которые невозможно спокойно читать. И если до сих пор я в это не верил, то теперь уже пришлось поверить. В 30-е годы руки твоего деда тоже запачкались в крови. Он тоже был среди тех, кто подписывался под репрессией и опосредованно поддерживал политику Москвы в Азербайджане – ту самую политику, которая сделала несчастной мою семью, лишив ее родины.

Я снял копии с некоторых из этих документов. В любое время, когда захочешь, могу их тебе показать.

Ты можешь спросить, как это все касается наших отношений. Вот и я думаю о том же самом уже много дней. Сомнения снедают меня. Боюсь, что, выйдя за меня замуж, ты будешь всегда ощущать себя в нашем доме как виновница, будешь чувствовать себя не в своей тарелке, пусть даже и не показывать этого.

Это убьет меня.

Я хочу посвятить свою жизнь исследованию того периода. И, чтобы я ни написал, тебе будет казаться, что я имею в виду также и вашу семью. Я постараюсь убедить родителей в правильности моего решения.

С вечной любовью, Мурад».

Видимо, во всем есть своя невидимая и необъяснимая закономерность. Когда раскрывается вдруг многолетняя тайна – будто одно из звеньев цепи ломается. И потом уже невозможно остановить поток информации. События стремительно сменяют друг друга, развиваются, и все в одном направлении! Этот вопрос, о котором годами никто не вспоминал, сейчас превратился в одну из самых обсуждаемых в газетах статей: кто из интеллигенции как вел себя в 30-е годы? Как впоследствии сложились судьбы их семей?

В последнее время пресса вообще увлекалась «гробокопательством». В истории не осталось ни одного момента, которого они не коснулись бы, все храмы были разрушены, святость превратилась в объект насмешек.

Зияд бей считал это вражеским планом, рассчитанным на то, чтобы сотрясти моральные и исторические устои нации. Иначе, с чего вдруг юнцам, никогда не открывавшим ни единой исторической книги, вдруг катить бочку, например, на Бабека или Шаха Исмаила Хатаи, которых еще вчера они воспринимали как предмет гордости? Сказать бы этим писакам: почитай-ка ты сперва биографию своего «папули», изучи историю своего рода, узнай, кому служили твои предки, в каких грязных делах были замешаны, а потом уже оглядывайся на столь далекое прошлое.

Мураду это порой казалось ревностью ученого. «Не хочет впускать других в исследуемые им самим эпохи». Он даже отважился, робея, намекнуть на это своему научному руководителю: «Да, это все спорно, ну, и что? Может, у них есть какие-то основания? Может, борясь с привычкой поклоняться перед прошлым, они тем самым хотят донести что-то до тех, кто, усевшись в кресло, сразу же забывает о своем народе и считает себя бессмертным?!»

Но позиция Зияд бея оставалась неизменной. «От их статей пахнет армянскими деньгами!»

А как-то раз Мурад стал свидетелем разговора своих товарищей по аспирантуре, Гызылгюль и Ильгара. Гызылгюль относилась к этому вопросу жестче, чем многие парни:

– В этой статье написана чистая правда. Причем, даже не вся. Сколько времени я пытаюсь убедить тебя, что эти обожествляемые личности были гораздо теснее, чем остальные, связаны с режимом Сталина и Багирова. И грехов за ними числится больше. Кто ниже кланялся правительству, того и возносили выше других и одаривали щедрее. Перебери их книги, посмотри, что в них есть, помимо идеологии тех времен?

У Ильгара была своя логика:

– Какой творческий человек оставался в стороне от идеологии своего времени?

– Да я тебе о другом толкую! О предательстве, о тех, кто подписывался под смертными приговорами своих собратьев по перу.

Среди упоминаемых имен был и дедушка Айсель, и Мурад, хотя и не подавал виду, не мог остаться в стороне от этого разговора.

Гызылгюль была разгневана:

– Не разбрасывайся словами, Ильгар. Я максималист и согласна с тем, что тут пишут. Что посеешь, то и пожнешь. Все тайное однажды становится явным, и за промахи отцов приходится расплачиваться их детям.

– Пусть расплачиваются, я не против, но сейчас ведь не время для этого.

– И когда же настанет черед правды? Чтобы сказать истину, очередь выждать надо? Если так, то люди тысячелетиями молчали бы, дожидаясь момента, когда можно будет заговорить. Открой учебники по литературе и увидишь тех, кого расстреляли в 30-х, рядом с теми, кто давал согласие на их расстрел. И тех, и других изучают с одинаковой любовью. А убийц даже с большей!.. По-твоему, это нормально? Быть восхвалителем Сталина, а потом пользоваться в уже независимой стране тем же почетом, что и при советском режиме! Это справедливо? Забывать людей, пожертвовавших своими жизнями во имя независимости, оставлять их за бортом, а бездарные стихи врагов независимости и придворных поэтов читать своим детям как образец настоящей литературы... Я не могу принять такую беспринципность. Иногда у меня даже возникают подозрения, что за этим кроется какое-то злое намерение.

– Хорошо, я тебя понимаю. Пусть правда восторжествует, будет озвучена, но почему внуки должны быть наказаны за своих дедов? – настаивал на своем Ильгар.

– Дед ошибся и при жизни уже наказал себя моральными муками.

Эти слова друга звучали в унисон тому, о чем думал и сам Мурад.

Гызылгюль, однако, считала иначе:

– Послушай, Ильгар, нельзя быть настолько либеральным! Бог сам расставил все по своим местам. Те, кто в 30-е годы ценой предательства жил припеваючи, считали, что это благоденствие и их страна будет вечными, думали, что навсегда останутся наверху. Депутатство, орден, медаль, памятник, почетные захоронения, музеи... Ключевые на эту приманку не понимали, что и у тех, кого они расстреливали и ссылали, тоже есть Бог? Видишь, как все поменялось местами? Дети тех, кто еще десять лет назад носил на груди Звезду Героя Социалистического Труда и задирали нос до небес, теперь готовы сквозь землю провалиться от стыда или же идут в Народный

Фронт, чтобы смыть грехи отцов. Но попомни мое слово, они и там окажутся предателями. Потому что закваска у них гнилая.

Ильгар горько рассмеялся:

– И зачем нам об этом переживать? А ты так говоришь, будто попала из ада в рай. Как можно быть такой наивной? Дорогая моя, открой глаза и посмотри по сторонам: те, кто пользуется плодами независимости, – опять же дети предателей. Вчера они сидели под советским флагом, сегодня сидят под трехцветным. Взгляни, есть ли памятник хоть одному из тех, кто кровью и потом, из ничего создал государство? Взгляни, каково отношение к Расулзаде, взгляни, в каком положении находятся потомки жертв репрессии и противников старого режима.

Дабы снизить накал страстей, Мурад громко сказал:

– Взять хотя бы меня: сам живу впроголодь и семью перевезти не могу, потому что не пускают нас в родные края.

Они посмеялись, спор закончился, и мысли Мурада вновь возвратились к Айсель: «Интересно, как воспримет она мое письмо? Можно было бы, наверно, найти для этого более подходящий момент».

Отдав письмо, Мурад полагал, что больше никогда не встретится с Айсель лицом к лицу. Но после полудня она неожиданно вошла в его кабинет. Она была бледна, но никакого волнения в ней не ощущалось.

Поздоровавшись, она села напротив Мурада:

– Я прочла и письмо, и твою статью в газете. Не огорчайся, и я тоже не огорчаюсь. Я знала, что рано или поздно об этом заговорят. Для нас это не стало неожиданностью, мы носили груз дедушкиной славы и почета, понесем и груз злословия о нем. Говорят, что кому-то везет вначале, а кому-то – в конце, но мы это своим концом не считаем. Возможно, у деда были ошибки, но, если бы он поступил тогда иначе и сам стал бы одной из жертв, то не смог бы потом сделать столько всего для родины. Вспомни его заслуги после 37-го года. Он сам, лучше других, понимал все свои проступки и мучился из-за них. Он верил Сталину, может, даже любил его. Возможно, потому что тот был кавказцем. Теперь всем известно, что Сталин был палачом, но можно подумать, что после него на земле наступил рай, или те, кто управляет миром сейчас, сильно от него отличаются, меньше крови проливают? Если бы я не ответила, ты решил бы, что письмо твое меня сломало, что я обиделась на тебя. Нет, мы не кровные враги, а жертвы обстоятельств. Знаешь, что причиняет мне боль? То, что мама моя тебе верила! О своей любви я не говорю, но мама верила тебе даже больше, чем мне... – тут она не сдержалась и расплакалась.

Приблизившись, Мурад захотел было ее успокоить. Но Айсель отстранила его руку. «Не надо!» – сказала она, и эти два слова были страшнее, чем приговор суда.

– Я лишь написал тебе о своих сомнениях, Айсель. Думал, что ты поможешь мне.

– Как я могу тебе помочь? Ты уже принял решение..., – утерев слезы, проговорила Айсель и ушла.

Книга академика Зияда Шихлы о жертвах репрессий наделала много шума в интеллигентской среде. Ее передавали из рук в руки. В каждой семье, видевшей ужасы 30-х, эта книга превратилась в своего рода справку о реабилитации.

Мурад был одним из первых, кто ее прочел.

– Учитель, вы заполнили огромный пробел в нашей истории, поздравляю! Для моей диссертации уже ничего не осталось. Вы все написали сами.

– Я написал о судьбе интеллигенции, – возразил академик. – Какое это имеет отношение к твоей диссертации? Ты будешь писать об азербайджанской деревне 20-30-х годов. Есть сколько угодно интересных материалов для изучения. Жизни не хватит!

– Но такие сильные личности, как вы, вмещают несколько жизней в одну.

Академик улыбнулся в своей обычной манере:

– Послушай, аспирант, будешь осыпать комплиментами барышню, с которой в парке встречаешься.

Мурад был поражен. Откуда руководитель знал о его встречах с Айсель?

– Поверьте, это не комплимент. Как вы столько всего успеваете? Уму непостижимо.

Зияд бей сделался серьезным. Немного помолчал, а потом задумчиво произнес:

– Ну, раз тебе интересно, скажу. Сейчас я понимаю Аристотеля. На свете есть тайны, которые исторические книги не в состоянии раскрыть и доказать. Недостаточно быть правдивым, история требует аргументации. К примеру, мне почему-то кажется, что существует некая связь между переселением ваших деревень и поисками у подножия Савалана первых человеческих поселений.

Мурад чуть было не прервал его на полуслове:

– Тогда и аварию, в которую попали, вы должны включить в эту цепочку.

– Возможно! Но как об этом напишешь? Я говорю это, отвечая на твой вопрос. Поэтому я периодически отвлекаюсь от истории и пишу художественные произведения. Вот как, например, написать сейчас подробную историю Карабахской войны, затеянной Россией? Но в ней переплелись сотни сюжетов человеческих трагедий.

Он утратил большую часть надежд, возлагаемых на независимость.

Народ, расколотый после оккупации Россией Южного Кавказа, попал из огня да в полымя. Заложная Москвой руками Кирова в 1923 году нагорно-карабахская бомба, наконец, взорвалась. Переговоры, статьи, протесты, митинги... много шума и никаких результатов. Руководители сменяли один другого. Со всеми ними он был знаком и мог без утайки говорить, что думает. Но, к сожалению, и слова эти тоже были впустую. И каждый ушедший жаловался потом, что он, де, был уже на пороге победы, но ему помешали. Помешали все, и вы в том числе. Взаимные упреки, обвинения, которыми сыпал каждый новый руководитель в адрес предыдущего, борьба за власть – это превратило все в игру. О войне уже и не вспоминали. Все способные военные остались не у дел, а балом правят политические трюкачи.

Его больше интересовала философская сторона дела.

Где были взращены эти люди и как попали на высокие должности? Как так получается, что совершенно разные типы личностей, оказавшись на вершине, превращаются в однотипных роботов и повторяют одни и те же ошибки? Когда были засеяны семена непротivления? Как была внедрена в кровь негибкого народа склонность к ассимиляции? Какие генетические и биологические способы, помимо идеологического наркотика, были использованы для достижения этого?

Направляя внимание нового аспиранта в это русло, он стремился показать, что за депортацией, а точнее, за географией переселения, кроме прочего, стоит еще и генетическая война.

Никто не обращал на это внимания, никому, возможно, не приходило на ум такое заподозрить, но были доказательства, стопроцентно свидетельствующие об этой генетической войне.

«Нет, поиски истоков человечества в окрестностях Савалана – это лишь видимая сторона дела. Это подведение реальной основы под библейские легенды.

Но заботит их другое.

Как в случае с нефтью и газом, когда ищут не только источники энергии, но и регионы с сильной генетической энергией.

И, с другой стороны, стараются насильно связать себя с этими регионами.

Видимо, Савалан – одно из тех мест, где генофонд человека остался в наиболее чистом состоянии. Есть атлас мира, и если все в нем указано правильно, окрестности Савалана и Азербайджан в целом входят в число самых чистых мест с точки зрения генеологии. Какую цель могут преследовать ведущиеся две сотни лет войны, кроме как ослабить, смешать и уничтожить этот генофонд? Это и является основной причиной массового переселения жителей горных местностей Азербайджана и непрекращавшихся на протяжении всего XX века погромов. И даже экологическая катастрофа, нависшая над тюркским миром, связана с этим. Осушение Арала и Урмии, атомные испытания в Казахстане, загрязнение Каспия, размещение всех химических городов на тюркских территориях – это разные фронты и этапы одной генетической войны. Но теперь-то мы независимы. Хотя теперь-то мы должны следить за качеством воздуха, воды, пищи и лекарств, которые принимаем».

После очередной статьи президент Академии наук пригласил его к себе и сразу перешел к сути:

– Не ты ли был одним из тех, кто привел к правлению нынешнюю власть, твердя: «Надо спасти страну из рук молокососов»?

Зияд Шихлы чувствовал, куда он ведет.

– Что случилось? Говори прямо! О чем тебе опять нашептали?

Президент был моложе него, так что он позволял себе говорить с ним в подобном тоне.

– Да вот спрашивают, почему это большой ученый не поддерживает политику созданной им же самим партии?

– А с чего они взяли, что я ее не поддерживаю? Видимо, они совершенно не разбираются в политике.

– Они говорят это, прочитав твои статьи.

– В моих статьях нет политики, и ошибок в управлении страной я не ищу. Несмотря на то, что ошибок этих пруд пруди, но, если я захочу поговорить на эту тему, то не стану писать статьи, а выскажу все непосредственно Главному. Мне нечего стыдиться и бояться! А статьи мои посвящены науке, здоровью населения, экологической чистоте пищи, которую мы потребляем...

– Правильно делаешь, никто тебе в этом не мешает. Что есть, что пить – личное дело каждого. Я имею в виду другое.

– И что же это другое?

– Какое отношение к истории имеют биотехнологии?

Зияд Шихлы улыбнулся, ему было заранее известно, что скажет президент.

– За этим стоят большие научные открытия. Исследование генома человека и чтение содержащейся в генах информации, вмешательство в генетический аппарат, пересадка генов, их изменение, – все это ужасно. Обнаружены микроорганизмы, не соответствующие никаким законам природы. Они живут без кислорода и погибают при высоких температурах.

– Брат, я в курсе, но каким боком это касается нас с тобой?

Зияд бей вышел из себя:

– Не знаю, как тебя, а меня очень даже касается. Изменить мир, покорить природу, сделать человека бессмертным. Об этом много говорят, но не думают о последствиях. Не знают, какими сюрпризами может ответить Бог на подобную людскую наглость. Европейцы сбрендили. Скоро у одного ребенка две матери будет. Воскресят мамонтов, вымерших десять тысяч лет назад. Наверное, еще и всех умерших римских пап тоже к жизни вернут. Начнут выращивать людей вне материнского чрева, исчезнет само понятие родительства. Все мутирует, но и это еще ничего, пусть об

этом думает мир. А я просто предлагаю следить за тем, откуда в страну ввозятся зерно, мясо, курица, лекарство, и какое у всего этого качество. Если на это тратятся государственные средства, мы должны получать экологически чистые продукты. Не распространять раковую опухоль посредством гнилой курятины, не убивать свой естественный иммунитет бесполезными лекарствами, не продавать людям птичий корм под видом зерна! Я что-то не то делаю? Крупные фермы пустуют, почему бы нам их не восстановить? Иранские яблоки так напигованы всякой химией, что от одного ломтика три дня горло болит. Вот я и предлагаю: чем тратить столько денег на их импорт, лучше не дать своим собственным фруктам сгнивать на дереве.

– Это рынок, брат, рынок!

Зияд бей был не из тех, кто учитывает должность собеседника:

– Это не рынок, брат, а частная лавочка определенных людей! Разве существует у нас свободная торговля? Несколько человек, как хотят, так и управляют экономикой. Ради наживы доводят до того, что местные торговцы вынуждены выбрасывать свой товар, так и не распродав его.

– И зачем ты говоришь это мне? Это ты депутат Милли Меджлиса, а не я!

– Думаешь, в Милли Меджлисе я это не твержу? Просто сейчас у нас разговор об этом зашел. Знаешь, что рассказали мне на Северном Кавказе? «Те, кто занимается у вас зерновым бизнесом, не имеют ни капли совести. Пусть хоть половина того, что они закупают, состоит из птичьего корма, главное, чтобы дешево было, чтобы они могли продать это в своей республике задорого, скормить это своему народу и заработать денег». Я не знал, куда деться от стыда.

Президент академии был человеком сдержанным:

– В любом случае, будь осторожен. Верхам твои слова передают в иной форме. Обидишь Аксакала.

– Аксакал меня не знает, что ли? Не знает, как я его уважаю? Но он должен видеть, что творится вокруг него, что люди, находящиеся в его тени, превратились в разбойников.

– Думаешь, он это не видит? Но не может сделать всех своими врагами.

– Мы должны замечать внутренних врагов. Кто знает, может, и за этой продовольственной оккупацией стоят армянские происки или сменившие имена враги?

Президент понял, что продолжать этот разговор бессмысленно. Он хорошо знал характер Зияд бей. Еще немного, и академика уже не остановить. Поэтому он сменил тему:

– Я позвал тебя по другому поводу. Хотел поблагодарить за твою последнюю книгу. Читаю, и становится жалко наш народ.

– Спасибо. Но те, кто сотворил с нами ужас 37-го, еще никуда не делись! Вот о чем я говорю.

Он встал и неторопливыми широкими шагами вышел из кабинета.

Почему власть имущие должны беспокоиться из-за того, что он пишет о не пригодных к употреблению продуктах питания и ввозимых в страну некачественных лекарствах? Разве сами они не часть этого народа? Такая торговля – то есть жертвование здоровьем и будущим народа ради заработка – не пришла бы в голову даже самым примитивным представителям человечества.

Но президент Академии не стал бы заводить этот разговор, если б не получил серьезного предупреждения, не услышал бы о недовольстве в верхах.

Так или иначе, но он не из пустого в порожнее переливает. Глава академии – человек умный и не может отрицать, что, помимо Карабахской войны, в стране появились и другие, скрытые фронты борьбы.

У них с Алтаем Гызылбашем вошло в привычку до начала заседания обсуждать ситуацию в стране. Но сегодня мысли Алтая витали где-то далеко. Он будто не видел академика. Зияд Шихлы сам завел разговор:

– Что такое? Чего ты такой мрачный?

– Не видите разве, председатель ведет себя, как вратарь – только и делает, что ловит забиваемые мячи. Ни одно предложение ему не нравится. Не говорит ни «посмотрим», ни «изучим». Нет! Ему бы только ругаться да микрофоны отключать.

– Ладно, а почему вы молчали, когда я выступал против избрания его председателем? Сейчас посмотришь, сумеет он меня заткнуть или нет! Знаешь, что это у меня в руках? Заменитель грудного молока. Проще говоря, каша. Его можно давать только младенцам до одиннадцати месяцев, но у нас им кормят солдат. Да от такой пищи у них даже двигаться сил не будет. А еще – бразильский кофе и бельгийский шоколад... Ничему они не научились у войны и советской армии. Мы запивали горячий борщ стопкой водки и шли в атаку на врага, а эти будто детей растят.

– Уважаемый академик! – воспользовался Алтай подвернувшейся возможностью. – Этим занимается партия, в создании которой вы также сыграли особую роль. Зачем вы мне-то это говорите? Жмите на кнопку и высказитесь в микрофон! А если помешают, можете прямо на трибуну выйти.

Спустя десять-пятнадцать минут после начала заседания академик уже стоял за трибуной.

Он не любил прежнюю правящую власть, но и нынешнее положение ему не нравилось. Пусть даже в этом винят его самого, пусть говорят, что он один из создателей этой партии, один из тех, кто привел Аксакала на их голову. Пусть. Он не бежит от ответственности. В вопросах, касающихся судьбы нации, он никогда не признавал уступок и сейчас не станет уступать. Начиная с потребностей населения и заканчивая продовольственным обеспечением армии. Все скажет про перегибы...

Председатель то краснел, то бледнел, но прервать его выступление не отваживался. Знал крутой нрав академика. А сидевших в зале будто молния ударила. Один из самых приближенных к руководству людей в очень резкой форме критикует коррупцию в стране, используя при этом адресную критику. Он и сам понимал, что это выступление не обойдется без последствий, что оно попадет в прессу, будет обсуждаться повсюду. Сидевшие на балконах журналисты держат уши востро в жажде услышать какое-то смелое высказывание, оригинальную мысль, а в особенности критику в адрес властей, чтобы завтра украсить передовицы своих газет... А значит, слова его дойдут до кого надо и не останутся без внимания. Возможно, это поможет делу.

В самом деле, новое поколение олигархов, которых он в шутку называл «леворукими», мало-помалу брали под свой контроль экономику страны. Некоторые из них пришли из мелкой торговли. Когда открылись границы с Ираном, они переправляли на юг железо, медь, дерево – что под руку попадется или что удавалось урвать у России – нажились на этом и наладили торговые связи с другими странами. Бывшие комсомольцы, продавцы пива, учителя физкультуры вдруг превратились в миллионеров. Оттого, что в трудные дни они помогали нынешней власти, теперь двери государственных банков были для них открыты, они брали любой кредит, открывали крупные строительные, торговые или логистические компании и, ощущая на плече надежную руку правительства, превратились постепенно в неукротимую силу. Рождалось хитрое дитя по имени Капитализм, и место настоящих деловых людей, всего

добившихся своим умом и умением, занимали случайные дельцы, возвращенные из ничего государством и обстоятельствами. Неожиданная возможность обогатиться связала их друг с другом. Точнее, они порождали друг друга. Первоначальные связи и родство укрепились еще больше и превратились в государство внутри государства.

Война, волнения в правительстве и то, что народ был занят защитой и возвращением своих земель, создали для них такие условия, которые раньше и признать никому не могли. В этой неразберихе все, привозимое в страну, от еды и воды до лекарств и оружия, находилось под их контролем.

«Неужели Аксакал не видит этого? Наверняка, видит! Ни в минувшие годы, ни сейчас ни один перекося и криминал не ускользал от его взгляда. Но в условиях войны и того, что страна строилась заново с самого фундамента, он не мог разрушить эту аномальную систему. Страна должна как-то жить, а государственный бюджет пуст, и надежда остается лишь на этих «леворуких». Любой ценой, но республика должна была пройти и через этот кризис. Настанет время оценить все с точки зрения высшей справедливости и критериев национальной государственности, отделить черное от белого, и тогда все встанет на свои места», — думал он.

Если до него доходили связанные с этим недовольства, он отвечал: «Пусть только война закончится, и тогда все наладится!» Но война не заканчивалась.

Когда новая команда Аксакала жаловалась и выражала свое недоумение тем, что он вновь собрал вокруг себя и продвигает вперед людей, не соответствующих его рабочим принципам, которые когда-то, не допуская мысли, что он может вернуться, выступали против него и даже называли «политическим трупом», тот говорил: «А с кем мне работать? Люди Фронта сами впали в ступор. Но мы не могли допустить ступора всей страны. И я вынужден был опять работать со старыми коммунистами, и даже тех, кто однажды меня предал, не оставил в стороне, если у них были способности к работе, позвал их к себе». Это можно было понять и как «пусть работают у меня в подчинении, сгорая от стыда». А некоторые считали это одним из способов мести предателям...

И он успокаивал тех, кто был недоволен жесткими и бескомпромиссными выступлениями Зияд бей:

— Не трогайте его, вы знаете его характер. Он не со зла так говорит, я сам ему все объясню.

Слова, сказанные академиком, с молниеносной быстротой разлетались по всей стране. И они не оставались только лишь словами, а превращались в преграды на чьем-то пути к обогащению. Они прикрывали лавочки прохиндеев, прикрывающихся своей помощью Аксакалу в трудные времена. Они отрезвляли потребителей. Они выявляли, под чьим руководством солдат кормят некачественным хлебом и кашей для младенцев. Это была не просто критика — она в самом деле стреножила олигархов.

К озбоченности владельцев нечестного бизнеса присоединились также представители нефтяных компаний, превратившие Абшерон в кладбище ядовитых отходов, и их бакинские партнеры. Они боялись, что критика эта вскоре может превратиться в массовый протест: «Этот неуправляемый академик мешает нам».

Но не только в своей стране, но и далеко за ее пределами академик лишил сна тех, кто приносил науку в жертву политике, бросал достояния страны под ноги иностранцам и воспринимал государственные инвестиции как свою собственность. Его исследования внезапно открыли перед всеобщим взором немислимо сложную картину. Он разнил в пух и прах выдуманные концепции армянских и поверивших им иностранных ученых об истории региона, рассказывал истину о Кавказской Албании, которую соседи хотели растворить, смешав с армянской историей, прояснял даты и причины поселения армян в Нахчыван и на Кавказ и представлял мировым политикам не поддающиеся опровержению, снабженные аргументами и доказательствами описания истории христианства на Южном Кавказе и сумгайтских событий.

Соседи, бесящиеся при упоминании Азербайджана и жаждущие убрать азербайджанский народ из политической истории, убрать с Кавказа, всячески пытались очернить Зияд бея, но всякий раз оказывались разоблачены с помощью убедительных научных доводов.

В свое время было много попыток прибрать его к рукам: недвижимость в центре Еревана, машина, куча денег... Но посланцы, приходящие к нему с этим предложением, выходили из его кабинета пристыженные и раздавленные. Ответ был однозначным: «Даже живя там, я буду писать так же, как сейчас, то есть – правду...»

Также они пытались с помощью армянской диаспоры и денег поднять против азербайджанского академика историков из разных стран. Обвиняли его в плагиате, нагромождали одну ложь на другую.

Но ученый трудился без устали и с неизменной установкой и частенько вспоминал военные годы, когда со своим маленьким батальоном противостоял вражеской армии.

Сколько б на него ни клеветали, но, прочитав его книги и ознакомившись с его биографией, серьезные ученые вынуждены были снять перед ним шляпу. Им казалось кощунством бодаться с человеком, прошедшим столь героический путь и пишущим такие произведения. Но историки из соседней республики, после долгой борьбы оказавшиеся бессильными перед его научными аргументами, искали иные пути.

Одна из основ армянской «науки» – это террор. Первым знаком которого стал список 1988 года...

Все дороги сошлись в этой точке. Академик будто стоял посередине и, неведомо друг для друга, заставлял задуматься сразу несколько групп людей. Иностранцы, местные любители денег, торговая мафия, олигархи, прочие негодяи. Плюс – армяне и их бакинские придатки... Создался идеальный водоворот конфликта.

Вдобавок ко всему, его откровенно критические диалоги с некоторыми высокопоставленными чиновниками могли создать впечатление, что и правительство также его не бережет и обеспокоено его существованием. Всё смешалось: плохое с хорошим, черное с белым. Вчерашний атеист стал сегодня богословом, вчерашний тюркофоб – пантюркистом, вчерашний ирановед – туранистом. Да еще появилось целое стадо историков-любителей, доморожденных этнографов, этимологов-дилетантов, принесенных набежавшей волной. Если приглядеться, ни прошлая, ни нынешняя их позиции не были искренними, ни в чем они не разбирались и говорили, опираясь на слухи, домыслы и фольклор. Это выводило академика из себя, и в подобных вопросах он не шел на уступки даже самым близким друзьям.

Помимо длившихся на протяжении всего XX столетия репрессий, ссылок и переселений, помимо ассимиляции в Южном Азербайджане, положения тюрков в Дербенте, Борчалы, Ираке и Сирии, помимо забот о будущем народа, на плечи его теперь взвалились еще и запросы, с которыми они столкнулись после обретения независимости или же даже искусственно созданные. И вся интеллигенция носила на себе этот же самый груз. Его нервировали проблемы, которые могли быть запросто решены, но этого не происходило исключительно из-за национальной несостоятельности. Все это говорило о том, что национальное сознание все еще не достигло достаточного уровня.

С утра пораньше он собрал у себя молодых ученых и аспирантов. На таких встречах он обычно выпускал весь пар, накопленный в Милли Меджлисе и на прочих собраниях. «Почему вы такие ленивые?», «Почему диссертация до сих пор не готова?», «Так ли должен работать ученый в стране, находящейся в состоянии войны?»

Но сегодня он держался спокойно: «Мы переживаем трудные времена. При этом нам удастся защищать Академию наук, хотя есть те, кто и готов выставить ее на торги, причем это люди, взращенные нами же самими. Даже зная, что нет оружия, сильнее науки, они не отступаются от борьбы с учеными. История и наука нуждаются в нас. В архивах крупных восточных стран – Китая, Индии, Египта, Турции, Ирана – хранится множество рукописей, касающихся нас или связанных с нашим прошлым. Кто, кроме вас, отыщет и вытащит их на свет? Не спите, я заново просмотрю ваши рабочие планы и у каждого по отдельности выслушаю отчет».

После собрания он задержал Мурада.

– Как продвигаются дела в архиве?

– Собрал интересные материалы. Не берусь оценивать их и судить о том, насколько они правдивы. Но, какую бы папку я ни открыл, ищу глазами тот самый «черный список», о котором вы говорили. Я, как и вы, верю в его существование.

Академик внимательно посмотрел на него. Возвращение Мурада к этой теме было для него неожиданным. Те, кто пожертвовал своими жизнями во имя независимости, павшие 20 января и на Карабахской войне, друзья, ставшие жертвами террора, научные и общественные деятели, избранные люди страны, посаженные в один вертолет и отправленные на смерть... беды накладывались одна на другую, очередной террор заставлял забыть о предыдущем. Ему вдруг показалось, что 30-е годы не прошли. Как говорил один героический поэт: «Продолжается 37-й!» И, взглянув на аспиранта, он произнес:

– Не стоит больше искать этот список. Потому что те, кто написал его, живы и по сей день. Сменились оболочки, но не сущности. И покуда они живы, не будет завершен список, и не закончится террор».

Тревога, переполнявшая Мурада после последней встречи с Айсель, еще больше усилилась: «Репрессии разрушили сотни счастливых очагов и развеяли их пепел по ветру; а почему ты должен жертвовать своим счастьем? Слышал, что сказал академик? Лица меняются, а суть остается прежней. Вчера у палачей в руках были топоры, а сегодня их сменили позолоченные телефоны. Вчера диктаторы рубили голову, сегодня демократы ставят в безвыходное положение. Вешание вины за человеческую бойню на шею отдельных людей ничего не изменит. Перед судом истории должны предстать все мыслительные и управленческие системы, говорящие от имени государства, все Шейхи, Султаны, Премьер-министры, Президенты, дельцы религиозных исследований, облаченные в чалмы, шляпы, тюрбеты или вообще без головного убора. Ты ведь историк, но, оставив их в стороне, устраиваешь суд над теми, кого любишь. В чем виновата Айсель? Что мог поделать ее дед? Не веди себя, как наивный ребенок».

...Порой случайности полностью меняют судьбу человека. На пороге Академии он внезапно столкнулся с поэтом Алтаем Гызылбашем. Тот только что вышел из машины и обнял Мурада, как родного.

– Почему у сына степей такое плохое настроение?

От фразы «сын степей» его пробрала дрожь. Он почти уже забыл эту присказку детей из «Нового дня». Мураду вдруг показалось, что сейчас перед ним стоит единственный человек, способный понять его и ответить на мучившие его вопросы.

– Мне нужен ваш совет.

– Пожалуйста!

Мураду было сложно перейти сразу к делу:

– Что вы думаете о наших интеллигентах, подписывавших указы о репрессиях и обвинения в 37-м? Кем вы их считаете?

– Жертвами трагедии...

– Даже тех, кто продолжал жить, предав своих друзей?

Алтай бей много думал на эту тему и, хотя поначалу относился к владельцам этих подписей очень негативно, но со временем мнение его изменилось. Теперь те события виделись ему в несколько ином свете. Ясное дело, что для Москвы не существует хороших или плохих азербайджанцев. Чем он лучше, умнее, талантливее, тем он более не желанен...

– В той бойне спасение от гибели могло быть лишь временным. Жертвы репрессий были убиты физически, а выступавшие против них – духовно. И следующая волна репрессий унесла бы и тех, кто уцелел, отрекшись от друзей. Война помешала. Тот, кто на одном этапе выносил приговор, на следующем этапе сам становился обвиняемым.

Потом он остановился и, обернувшись к Мураду, спросил:

– Кто именно тебя интересует?

Затягивать было уже бессмысленно:

– В Баку мне больше не с кем посоветоваться, кроме Зияд бея и вас. В письмах 37-го года я наткнулся на подпись деда очень близкой мне девушки.

Улыбнувшись, Алтай и закончил за него:

–... и решил отдалиться от этой девушки, которую люблю.

Мураду не оставалось ничего другого, как это признать:

– Да...

Сбоку от Академии наук протянулась ведущая к университету узкая тропинка, вдоль которой росли покрытые мелкими красными ягодами кусты, и, глядя на них, Алтай будто бы забыл, о чем они только что говорили.

– Смотри, с каким вкусом они подобраны! Этого вида достаточно, чтобы отвлечься от шума и суеты Баку и почувствовать себя в горах, – сказал он.

И от взгляда на эти дикие горные кусты мнение его словно стало еще категоричнее:

– Ты не можешь так поступить! Истинная любовь случается только раз в жизни. Это, во-первых. Во-вторых, дети не должны расплачиваться за отцов и дедов. Не вешай вину эпохи на нескольких людей! Я знаю десятки тех, кто в 37-м писал одно, а 17-18 лет спустя – совсем другое, признавая свои ошибки. Человек, о котором ты говоришь, после 37-го года сделал столько всего и завоевал этим такую любовь, что прошлые его ошибки никак не могут на это повлиять. Словно для того, чтобы реабилитировать себя, он трудился день и ночь, не покладая рук, делал все возможное, чтобы заслужить прощение. Сегодня легко говорить. На самом деле жертвы репрессий обвинялись не из-за чьих-то писем, а из-за того, что не принимали новый режим. К тому же те документы никто не рассматривал с точки зрения эксперта, иногда без ведома самого их владельца поддельные подписи ставились под обвинительными письмами.

Помолчав, он вновь спросил:

– Смог я тебя убедить?

Мурад кивнул.

Алтай завершил разговор словами, которые Мурад не ожидал, но хотел услышать:

– С меня сватовство. Если пригласишь родителей в Баку, пойдем вместе...

Арест

Архивные материалы, преступления, совершенные в относительно недавнем прошлом, одна из волн которых унесла далеко от родины также и его семью, заставили мысли Мурада метаться между разоренными горными деревнями и казахскими степями. Он старался унять боль в сердце написанием статей.

Это было продолжением пути его научного руководителя.

Но, помимо событий 20-30-х годов, он часто упоминал также и о том, что семьи репрессированных до сих пор не могут возвратиться в родные гнезда, и поднимал голос против того, что несправедливость продолжается и в уже независимом государстве. Общество жертв репрессии вовлекло его в социально-политическую жизнь страны. Он не хотел вступать ни в какие партии, считая, что, пока не будут возвращены карабахские земли, направлять внимание на внутренние конфликты и борьбу за власть, отвлекаться от войны – это своего рода предательство национальных интересов. По-видимому, есть те, кто раздувает меха оппозиционной критики, но невозможно терпеть и то, что правящая власть превращает карабахскую карту в щит для своей неприкосновенности. Правительство, избравшее такой путь, неминуемо и неизлечимо заболевает.

Очередное собрание общества было посвящено первому изданию избранных произведений Мамед Эмина Расулзаде. После этого мероприятия, проводимого в канун Дня Республики, они с Шахином договорились поехать в район. Сейчас в горах особенно хорошо, и нельзя упускать такой возможности. А летом Мурад хотел найти подходящее место для отдыха и пригласить родителей из Казахстана. Эта мысль была столь привлекательна, что он буквально парил над землей и считал дни.

В самый разгар обсуждения на входе раздался какой-то шум, и помещение заполнилось полицейскими.

– Что случилось? – спросил ведущий собрания.

Никто не посчитал нужным ответить. Всех присутствующих вытолкали наружу и посадили в ожидавшие там автобусы. Куда их везут, стало известно позже. Мурад ничего не понимал: где они, а где Отдел по борьбе с организованной преступностью? Что криминального может быть в обсуждении книги?

В отделе каждого из них долго и подробно допрашивали. Мурад был спокоен – в политику он не вмешивается, в статьях и выступлениях знает меру, и, к тому же, он уже не мальчишка, ведь скоро ученым станет. По какому праву их привезли в полицию, не имея никаких серьезных оснований? Этот вопрос вывел из себя офицера:

– Нам известно, чем вы занимаетесь. Правильно их репрессировали. Можем и вас отправить вслед за ними.

Мурад рассмеялся:

– В этом нет нужды. Я оттуда и приехал.

Полицейский едва сдержал ругательство. Он обыскал Мурада, но не обнаружил ни одного кармана ни на футболке с короткими рукавами, ни на тонких джинсах. Офицер недовольно посмотрел на задержанного, будто хотел сказать: «Что ты за человек такой, как можно носить брюки без карманов?»

Но если б он искал тщательнее, то нащупал бы сзади под ремнем цепочку от потайного кармана. Но его надо было открывать двумя руками, а полицейский этот привык быстро залезать в открытые карманы и вытаскивать оттуда самые неожиданные вещи.

Работники этого отдела не были похожи на мирных культурных полицейских, которых он встречал на улице. Тупые, толстопузые, с грубым и чужим выражением на лицах. Пока не заговорят, то и не верится, что они местные. А может, они и в самом деле чужаки и проникли сюда вместе с оккупационной армией специально для того, чтобы так обращаться с людьми.

Перестав смеяться, Мурад терпеливо спросил:

– Что вы от нас хотите?

– Чего хотим мы, вы увидите! Сначала скажи, чего вы хотите от этого правительства?

– Начальник, какое нам дело до правительства? У вас есть информация о нашем обществе?

Полицейский:

– Нам хорошо известно, кто чем занимается.

Мурад:

– Тогда почему вы привезли нас всех сюда?

Полицейский:

– Не торопись! Узнаешь, почему ты сюда попал.

Мурад:

– У вас есть разрешение на вторжение в общество?

Полицейский:

– Какое еще разрешение? Наше право – хватать таких, как ты, за шкуру и влочить сюда.

Мурад не смог сдержаться:

– Следи за языком!

Полицейский:

– Не учи меня разговаривать, щенок.

Мурад:

– Ты не имеешь права меня оскорблять.

Полицейский:

– Я хорошо знаю, на что имею право. Мое дело – давить таких, как вы.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, он наконец осмелел:

– Мне плевать и на тюрок, и на Расулзаде, и на тебя. Будешь много говорить, ребра тебе переломаяю.

У Мурада не оставалось уже никаких сомнений. «Тот, в чьих жилах течет кровь этого народа, не может так говорить». Вот она, скрытая война. Не требуется никакой особой еды или лекарств. Готовый новый вид «азербайджанского» полицейского стоит перед ним. Он из тех, кто еще вчера как цыган побирался на улицах. А сегодня сочтется ненавистью.

После дачи показаний большинство задержанных были отпущены. Но нескольких самых активных членов общества, включая Мурада, оставили. И хотя он думал, что, услышав о его аспирантстве и работе в Академии наук, они смягчатся и, может, даже принесут извинения, но, напротив, после этой информации насмешка на их лицах стала еще откровеннее.

Обвинение было невыслышимым: «Клевета на власть. Ведение запрещенной Конституцией пропаганды, подрывающей устои государства». А в отношении Мурада имелаась и еще одна дополнительная статья: «Сопротивление полиции».

Где? Когда? Как?

Но утомлять себя этими вопросами не имело смысла. Из боковой комнаты вышел рядовой полицейский и, указывая на свисающий с плеча погон, сказал: «Ты оторвал погон азербайджанского полицейского. Есть и свидетель, и доказательство».

Мурад попросил отпущенных на волю знакомых сообщить о случившемся Шахину и в институт. К делу подключились телевидение и пресса. Вышли статьи, оценивающие нападение на общество как очередное давление на телевидение и неправительственные организации. Выступив по телевизору, Шахин обратился к МВД с просьбой как можно скорее разобраться в ситуации.

Это известие привело академика Зияда Шихлы в ярость. Сев в машину, он поехал напрямик в Шувелан. Начальник с почтением пригласил его в свой кабинет и велел привести туда же Мурада.

Тот сгорал от стыда, не зная, что сказать научному руководителю.

– Что ты натворил? Какой сукин сын засунул тебя сюда?

Пока Мурад рассказывал, Зияд бей менялся в лице. А дослушав, с иронией сказал:

– Наркотиков у тебя в кармане не нашли?

Мурад понял, на что тот намекает.

– Они и карманов-то у меня не нашли.

Академик обратился к начальнику:

– Пока все не прояснится, береги Мурада.

– Как скажете, – ответил начальник и так же почтительно проводил гостя до машины.

Зияд Шихлы сразу же направился в Министерство внутренних дел. Едва услышав это имя, министр тотчас его принял. Он был в курсе произошедшего.

«Дело ускорится, все будет решено в рамках закона в кратчайшие сроки. Дело аспиранта взято под особый контроль. Пусть уважаемый академик не беспокоится...» И здесь тоже его проводили до дверей.

Через день Мурада вновь позвали в комнату для свиданий. Его научный руководитель – человек занятой, не станет размусоливать, и если уж явился сюда и сказал свое слово, значит считает дело законченным и не будет приходить опять. «Может, случилось что-то непредвиденное?» Кто, кроме академика, это может быть? Он перебрал в уме всех своих бакинских друзей во главе с Шахином, которые могли его навестить. Но в комнате для свиданий его встретила Айсель, которую он меньше всего ожидал здесь увидеть. Она бросилась ему на шею так, словно еще недавно не ушла, расставив все точки над «и». «Почему тебя арестовали? Я прочла в газете о нападении на общество и чуть с ума не сошла, когда узнала, что и тебя тоже схватили...»

У Мурада закружилась голова, он не знал, как оправдаться за то, что обидел девушку, которую любил от всего сердца, девушку, которую считал своей самой большой удачей после приезда в Баку, своим счастьем.

– Как хорошо, что ты пришла...

«Почему ты пришла?» До прихода Мурада, сидя в этой комнате, Айсель сто раз задавала себе этот вопрос. «Ведешь себя, как дешевка!» Эта собственная мысль рассердила ее: «В этом месте растаптывают ценность человека, а ты опять думаешь о себе, о своем эго. Да, вы расстались, но любовь твоя никуда не делась, наоборот, за эти дни, пока вы не виделись, сердце твое разрывалось от тоски по нему, ты молила Бога, чтобы вновь встретиться с ним в парке, искала повод позвонить ему или прийти. Поняв твое состояние, мать сказала: «Он твоя судьба, и, хотя поступил, как ребенок, но не надо ссориться из-за любой мелочи!» Правда, мать была не в курсе того, что сказал Мурад о твоем дедушке, это ты от нее утаила. Но, если б даже она все знала, то вряд ли изменила свое мнение: «Когда есть любовь, все эти разговоры – пустое, они, как кузнечные меха, лишь еще больше распалют огонь в твоём сердце. Не каждый день мы встречаем свою судьбу...» Да, с каждым днем она все больше воспринимала эту любовь, как судьбу, и ждала, что Мурад тоже это осознает и вернется к ней.

За это время Айсель много думала о разлучивших их годах репрессии, а точнее – о переживавшей мнение Мурада деятельности ее деда в эти годы. Она постаралась поставить себя на место Мурада и поняла, что, если быть объективной, он прав. Пусть народ и не упрекал их в этом, но на их семье лежал тяжелый грех. И не только их семья, но и десятки других носят на себе пятно позора 30-х годов. Слава тех лет, превратившись в выговор, повиснет на шее следующих поколений этих семей. Хотя поколения эти ни в чем не повинны, и в отношении к тем событиям ее точка зрения ничем не отличается от точки зрения Мурада, и понять его ей несложно. Она столько размышляла об этом, что однажды даже увидела во сне деревню, в которой родился Мурад, и казахские степи. После того сна она подумала, что один из способов выйти из этого состояния – это кардинально изменить свою жизнь, переехать вместе с Мурадом в Казахстан и на какое-то время разделить судьбу этих людей, их боль, тоску по родине...

Никому и в голову не приходило, что девушка, воспитанная в неге, не знавшая никаких забот, ради своей любви способна на такую самоотверженность, да еще и обдумывает пути того, как облегчить своей семье груз тяжелой вины, взваленной на ее плечи сталинским режимом, и готова во имя этого пуститься в неведомый и трудный путь, о котором имела представление лишь по рассказам Мурада. Если б она поведала об этом своим однокурсникам и подругам, они сочли бы ее сумасшедшей. Но она ни с кем, даже с самим Мурадом, не делилась этим своим решением...

Вообще-то Сахар ханым и сама знала, что отцовской славой и своей комфортной жизнью они обязаны тем годам и, зная это, все равно всю жизнь была на стороне жертв репрессий и не скрывала своей ненависти к московскому правительству. Айсель об этом не забывала, но затруднялась найти ответ на один вопрос: интересно, известно ли было ее родителям о публикациях в прессе тех лет, о тех материалах, которые обнаружил Мурад в архиве? И если да, если им было об этом известно, какие чувства испытали они по этому поводу, через какое потрясение прошли, изменилось ли что-то в их отношениях? Она сожалела, что вопросы эти всплыли на поверхность только сейчас, и ей не удалось поговорить об этом с отцом, поделиться с ним. Потому что каждому слову отца она верила, как аяту Корана. То ли желая реабилитировать свою любовь, то ли зная, что отец ее был человеком справедливым, в последние дни она уже почти не сердилась на Мурада за желание от нее отдалиться и даже старалась оправдать его. Напротив, то, что он блюдет честь своей семьи, стремится раскрыть всю правду, будучи готовым во имя этого пожертвовать даже своей любовью и личным счастьем, выявило в Мураде истинно мужской характер и еще крепче привязало к нему Айсель.

– Я не могла не прийти!

– Прости! Ты ведь сама говорила, что я неотесанный степной дикарь...

– Говорила! И опять говорю! Я не изменила своего мнения! Но не надо сейчас об этом! Сколько тебя будут здесь держать?

– Не знаю! Они ничего не говорят!

– Так тебе и надо! Может, поумнеешь!

– Ум свой я окончательно потерял, когда ты ушла.

– Я ведь сказала, поговорим об этом потом. Скажи лучше, что я могу сделать?

– Спасибо! Ничего не надо. Приходил мой научный руководитель. Наверное, к нему прислушаются...

– Можно привлечь к этому и наших знакомых!

– По-моему, в этом случае могут возникнуть разночтения. Давай подождем немного...

– Мы тоже встретились с Зияд беем, посоветовались. Не переживай!

– Не переживаю...

После этого Айсель регулярно навещала Мурада, приносила гостинцы. Зная, кто она такая, охрана не решалась преградить ей путь.

Мурад несколько раз предпринимал попытки заговорить об их расставании, но Айсель не поддавалась и сама тоже не делилась с ним своими мыслями на сей счет. «Здесь не место, пусть выйдет, поговорим нормально, пусть это будет для него сурпризом или подарком в честь освобождения...» – думала она. И не знала, что позже у нее уже не будет возможности рассказать о своих чувствах, что однажды Мурад, не сказав ей ни слова, исчезнет, то есть, распрощавшись с Баку, вновь возвратится в «ссылку»...

Прошло еще несколько дней. Зияд бея нервировало, что Мурад все еще находится под арестом. На этот раз он договорился о встрече с главным прокурором.

– Ты, должно быть, знаешь, зачем я пришел.

– Нет, уважаемый академик, не знаю. Но приятно видеть вас тут, за чем бы вы ни пришли.

– Арестовали моего аспиранта. Я уверен, что он не виновен.

Прокурор рассмеялся:

– Зияд муаллим, вы ведь умный человек, разве ж невиновных арестовывают?

– Вот за тем я и пришел, чтобы причина его ареста была поскорее расследована. Я встретился с министром внутренних дел. Но результатов до сих пор нет. Почему аспирант Академии наук и мой ученик должен сидеть за решеткой без решения суда? Я принес тебе опрос среди депутатов.

Он протянул прокурору письмо. Тот просмотрел его и сказал:

– Честное слово, в этом нет необходимости. Но раз уж написали, тем лучше. Я сегодня же поинтересуюсь этим делом и позвоню вам.

Зияд бей еле сдерживал гнев.

– Только пусть это не будет таким же пустым обещанием, какое дал мне министр внутренних дел.

Главный прокурор попытался его успокоить:

– Министр – хозяин своего слова. Но по прошествии десяти дней дело переходит под наш контроль.

– Вот и отлично, – повысил голос Зияд бей. – Если и от тебя не будет вестей, я пойду напрямую к президенту. И спрошу, почему он держит на службе министра и прокурора, занятых лишь собственным бизнесом.

Главный прокурор знал о нраве академика и верил, что он на такое способен.

– Дай Бог, до этого не дойдет. Не придется беспокоить господина президента. У него своих дел полно.

– Это уже от тебя зависит. Постарайся, чтобы не пришлось отнимать у него время.

Стоявший перед ним чай остыл. Ради приличия Зияд бей сделал один глоток и встал. Потом, вспомнив что-то, вновь обернулся к прокурору:

– Ах, да, добавлю еще, что Мурад – гражданин этой страны. Выходец из семьи, некогда сосланной отсюда в Казахстан. И ему вполне достаточно того, что он там терпелся. Их задержали и увели из общества жертв репрессий. Какие такие преступные разговоры могли вестись в этом обществе?

– За разговоры людей не арестовывают..., – начал было прокурор.

Но Зияд бей не дал ему закончить:

– Я не на Луне живу. Ты и сам прекрасно знаешь, что происходит в стране...

И в самом деле, писать президенту страны или идти к нему на прием не пришлось. Через день Мурад был оштрафован на небольшую сумму и выпущен на свободу.

Для человека, жившего в Казахстане среди людей с одинаковой судьбой, выросшего в атмосфере, схожей с суровой погодой степей, а после приезда в Баку оказавшегося вдали от семьи и всего навидавшегося, 5-10 дней, проведенных в изоляторе, – это сущие пустяки. Он готов был вытерпеть сотню таких неудобств. Вернувшись на родину, он попал в среду, отличавшуюся от того Азербайджана, что носил в своих мечтах, и встретил тут много такого, что никак не вязалось с его юношеской тоской по этой стране. Но ничто из этого не могло уменьшить его огромной любви к родине. Нападение на общество и арест были мелочами по сравнению со страданиями, пережитыми за последние годы его народом. Вот только стало труднее находить ответы на роившиеся в голове вопросы. По его разумению, после обретения Азербайджаном независимости все должны были жить в любви и братстве. Но ненависть, с которой он столкнулся во время задержания, поразила его.

Кому была адресована эта ненависть? Жертвам репрессии, членам общества, Мамед Эмину Расулзаде или же издателям его книги? А может, им всем? Почему? Почему их бесит имя Расулзаде? Не так выглядят справедливость и поиск правды. Это откровенное недоразумение или же вражда. Он не понимал, как майор полиции может осмелиться ругать тюрок, Расулзаде, репрессированных. Ладно, допустим, он просто тупой кретин... Но существует ведь ответственность, возложенная на него должностью. Он не должен совать свой нос в такие дела. А если сует, значит, что-то идет не так, значит, кто-то стоит у него за спиной.

Внезапно и сама жизнь в Баку, и все, что он делал, превратились в обман. Он спал, просыпался, читал, писал, но не мог забыть того ругательства. Та фраза пронзала ему мозг, будто обругали его мать или сестру. Хотя, почему же «будто», ведь и вправду была задета его честь. Потому что оскорблять нацию и его лидеров – все равно, что оскорбить честь. Он вдруг осознал, что газетные статьи, печатавшиеся в культурных центрах разных этносов и направленные против тюрок, а точнее, напрямую против Азербайджана, появлялись не на пустом месте. Это тоже одно из проявлений того оскорбления и, наверно, управляется из одного и того же места.

С кем ему об этом поговорить? С кем поделиться переполняющей его болью? Он знал, как научный руководитель нервничал из-за него, и в какие двери ему пришлось стучать. Но с кем еще, кроме него, он может говорить открыто?

– Заходи, герой. Ну, как тебе жилось в темнице? Кажется, о тебе неплохо заботились?

На лице Мурада появилась горькая усмешка.

– Да уж, неплохо! – тихо произнес он, подразумевая «да будь проклята их работа», а потом уже серьезно добавил. – Благодарю вас. Если б не вы, не трудно догадаться, чем бы это все закончилось.

Зияд бей, как обычно, прервал выражаемую ему благодарность:

– Ладно тебе... Ты узнал о причине ареста?

– Да какая тут может быть причина? Я и сам ее ищу. Так или иначе, они не позволили нам обсудить книгу Расулзаде.

Академик слегка оторопел:

– Откуда у тебя эти мысли? Эта самая книга разве не здесь издается? Ее обсуждение и есть основание? В скольких еще местах, кроме общества, прошла ее презентация? Есть указ президента об увековечивании имени Расулзаде.

Мурад не мог с ним не согласиться.

– Тогда получается, что причина недовольства – само общество.

Слушая его, академик о чем-то размышлял, подыскивал слова, чтобы успокоить аспиранта:

– Не обращай внимания. Когда встречусь с президентом, расскажу ему об этом случае, он не потерпит такой диверсии.

Мурад был воодушевлен. Впервые с момента ареста у него появился повод выговориться, озвучить все накопившиеся мысли:

– Зияд муаллим, даже если вам не понравится, я должен это сказать, потому что вы для меня самый дорогой человек после родителей. Знаю, вы очень симпатизируете главе государства. Но не может такого быть, чтобы в стране творилось столько своеволия, а он об этом ничего не знал.

– Ты представляешь, сколько у него разных забот и хлопот? Легко ли ставить на ноги разрушенную, находящуюся в состоянии войны страну? Надо обеспечивать народ хлебом насущным, содержать столько беженцев. Голова кругом идет, как представишь. Думаешь, мало у него недоброжелателей? Вообрази на минуту всех тех, кто приезжает в страну, и все его собственные поездки. Подумай, смог бы ты выдержать такую нагрузку? Едва ли. Даже несмотря на то, что ты молод. Пять дней провел под арестом и уже запутался.

Мурад понял, что, хотя академик и сердится, у него не будет более подходящего случая все высказать. Зияд бей – человек авторитетный. Он умеет сказать свое слово, и к слову этому прислушиваются. И возможность выступать в парламенте у него есть.

– Дорогой Зияд муаллим...

Академик улыбнулся:

– Ты сейчас будто с трибуны Милли Меджлиса говоришь.

Мурад не изменил своего тона:

– Я уезжаю из Баку. Возвращаюсь в Казахстан!

– С ума сошел?

– Нет, я в своем уме, но, пока сидел под арестом, тщательно взвесил все «за» и «против». У меня нет другого выхода.

– В чем дело? Девушкам не нравишься? Или не хватает сил закончить диссертацию?

Мурад рассмеялся:

– Нет! С этим все в порядке. Но я не могу заниматься фальсификацией. Если закончу диссертацию, напишу всю правду и с вашей помощью даже защищусь, Аттестационная комиссия все равно не даст подтверждение. А иначе написать я не могу.

– Говори прямо, что такого ты держишь за пазухой, о чем хочешь написать?

– Меня пугает то, что приходится писать о незавершенном процессе. В этом случае трудно прийти к какому-то выводу. Вы и сами все видите. Шувелан открыл мне глаза. К слову сказать, наши тюрьмы – настоящий наркоронок. Я встретил одного человека, работавшего когда-то в тюрьме, и он рассказал, что его уволили за то, что препятствовал продаже наркотиков среди заключенных. Кроме того, я был будто во вражеском плену. Допросы, давление, оскорбления... Они воспринимали меня не как одного из них. Откуда берется эта чуждость?

– Это не чуждость, а требование закона.

– Но у закона не может быть два лица. Закон хорош в исполнении тех, кто ему следует. Те же, кто на каждом шагу плюет на закон, по какому праву они могут говорить о справедливости и государственных интересах. Это просто комедия, учитель.

Зияд бей попытался направить разговор в другое русло.

– Теперь я понимаю, почему тебя арестовали. Общество, книга Расулзаде – все это просто предлоги. Причина же – в том, что ты так говоришь.

– Мне тоже это приходило в голову. Но я же не на каждом углу об этом говорю! С вами можно быть откровенным. Вы человек, не подчинявшийся прошлой власти, человек, повторявший: «Вот пусть придет Аксакал, и все встанет на рельсы!» И что в результате?

– Результат требует времени.

– Когда фундамент заложен криво, время ничего не исправит. Да не прозвучит это так, будто я много на себя беру. Но молчать не могу. С кем мы воюем, Зияд муаллим? Враги находятся не только по ту сторону линии фронта. Они еще и среди нас. Они ненавидят нас, видеть нас не могут, давят нас при первой же возможности. Не будь тот полицейский врагом, стал бы он оскорблять меня и мой народ? Кто станет такое творить, кто сможет выпускать газеты, ругающие тюрок? Мы стали независимыми, чтобы сбросить сталинские заплатки, поставленные на имени, фамилии, истории, культуре нашего народа. А теперь эти заплатки, наоборот, еще и узорами украшаются. Все видят, какой беспредел творится в учебниках и книгах по истории.

Сказав это, он наступил на большую мозоль Зияд бея.

– Мы говорим то же самое. И в парламенте это обсуждается. Постепенно все встанет на свои места.

– Нет, Зияд муаллим, если так пойдет, ничего на место не встанет. Недавно в одной газете был опубликован список тех, у кого матери или жены армянки. Видели?

– И что? Зариться на женщин других наций – давнишняя привычка наших мужчин.

– Но как дети, говорящие каждый вечер по телефону со своими армянскими дядями, завтра пойдут на фронт и будут с этими дядями воевать? Как вы себе это представляете? Говорят, в Баку живет тридцать тысяч армян, а может, и больше. Живут себе, все у них в порядке. Дети и родственники их сидят на высоких постах. В какой еще стране, где идет война, такие ответственные должности доверяют людям, рожденным из чрева врага? Узнав об этом и о том, в чьих руках находится экономика страны, я уже не удивляюсь, что слово «тюрок» под запретом. Если не дающие вам покоя генетическая, продовольственная и экологическая войны продолжаются сегодня совершенно открыто, то оно и неудивительно. В Шувелане я ощутил себя в шкуре тех, о чьих судьбах вы писали, и понял, что искомый вами список растет с каждым годом. Чиновник моей страны и сегодня смотрит на меня, как в 37-м году. Спрашивает: «Что ты тут делаешь?» И говорит это на манер Сталина и Микояна. То есть с пещерным мышлением, как оккупант, и совсем не таясь!.. Одного лишь вашего покровительства недостаточно. Я вернулся из изгнания, но и на родине меня клеймят, как изгоя.

На последней фразе голос Мурада сорвался. Плечи его затряслись и, закрыв лица рукам, он разрыдался. Академик встал со своего места и положил руку ему на плечо.

– Не думал, что ты так слаб.

– Ваш труд не пропадет, – ответил Мурад дрожащим голосом. – Я продолжу свою работу там, в краях своей ссылки. Отстаивать честь родины можно и вдали от нее. Она не любит нас, не хочет быть нашей!..

Назавтра секретарша положила на стол Зияд бей написанное Мурадом заявление об уходе с работы. Прочитав его, академик прокричал: «Позовите Мурада!» Но его не нашли. Прошлой ночью Мурад улетел в Бишкек.

Зияд бей сложил заявление, положил его в карман, встал из-за стола, медленно спустился по лестнице, сел в машину и поехал в Президентский аппарат. Мозг его готов был взорваться.

Добровольная ссылка

От взгляда Алиджана не ускользнуло, что нынешний приезд Мурада отличался от предыдущих. Коробка с книгами, куча бумаг, тетрадь для записок, одежда... столько всего с собой привез. Его изможденность и бледность можно было понять – все же один живет и, как сам говорит, работает над сложной темой, да и научный руководитель у него очень требовательный... Но должна была быть какая-то причина его мрачности и подавленности. Отец не привык видеть Мурада таким. Он был не из тех, кто легко и часто падает духом, сгибается под грузом проблем и поддается унынию. Всякий раз, приезжая в отчий дом, он заполнял его праздничным настроением, много шутил и без усталости рассказывал байки о том, что происходило с ним за это время в Баку. Домашние не привыкли к его молчанию.

Нетрудно было догадаться, что в жизни его произошли какие-то перемены. Но, ничего не говоря об этом и не давая никаких разъяснений, он поехал в Алма-Ату и всего через неделю вернулся в поселок уже в нормальном своем состоянии, без тоски и скорби на лице.

– В чем дело, сынок, для чего ты ездил в Алма-Ату, сумел разобраться со своими делами?

– Сумел, отец. Теперь я диссертант Алма-Атинского университета.

– А как же Баку? Ты ведь там собирался защищаться? И там, и тут... Разорвешься же на две части!..

– Не разорвусь, отец. В Баку я пока не вернусь. Продолжу работу здесь.

– Как можно писать диссертацию посреди степи? Наверняка, есть какая-то причина, из-за которой ты оставил Баку...

– Причину я вам, конечно же, скажу! Но главное – я не бросаю науку. Во-первых, я привез из Баку все нужные документы и источники, осталось только сесть и писать. А во-вторых, человек, исследующий историю репрессии, должен находиться среди живых свидетелей этой истории...

– А что сказали об этом в Алма-Ате?

– Что они могут сказать? Согласились. Сказали, что это также и часть их собственной истории. Еще и порадовались, что появится ученый, изучающий азербайджано-казахские связи. Говорят, что мое место в университете уже готово, и, как только защищусь, могу сразу же начать преподавать. Да хоть сейчас на работу взяли бы, если б я захотел. Но это отняло бы слишком много времени и затормозило бы диссертацию. Так что хочу сперва закончить ее...

Слова сына звучали вполне логично, и отец не стал углубляться в эту тему. Если и отвратило его что-то от Баку, то и об этом он им поведаст, когда настанет время...

После того, как Мурад ушел в свою комнату, Минаввар также успокоила мужа:

– Не напирай на него! Он и без того не скрытный... Наберись терпения! Я так рада его возвращению! Здесь он расслабится. И все нам расскажет. Поинтересуйся лучше, что случилось со сватовством, из-за которого мы уже собрались ехать в Баку.

Одно обстоятельство очень устраивало их – то, что Мурад, несмотря на столько лет отсутствия, чувствовал себя в деревне очень комфортно и сразу же окунулся в здешнюю жизнь, будто и не отрывался от нее. Запершись у себя в комнате, он часами сидел за работой, разговаривал с жителями поселка, встречался со школьными учителями, а иногда даже помогал по хозяйству. Дом словно ожил, стал светлее.

Не отказался он и от своих детских и подростковых привычек. С момента приезда вновь, как раньше, стал ухаживать за жеребцом во дворе. Прежний их конь постарел, а молодого только-только начали объезжать. Так что Мурада сам Бог послал. Отец провозился бы с этим гораздо дольше, а вот Мураду это доставляло удовольствие как продолжение письменной работы. Лаская, поглаживая, задабривая сахаром и яблоком, он надевал седло на не привыкшего к этому коня и ловко вскакивал на него. Конь же, ощущая уверенность наездника, силу его рук и то, как крепко сидит он в седле, доскакав до конца поселка, будто бы окрылялся и птицей несся по полям. Мурад соскучился по простору и аромату этих полей, по бьющему в лицо ветру, по солнцу, которое на восходе и закате закрывало собой горизонт, точно медный поднос. И, словно чувствуя это, *ürge* скакал вперед, почти отрывая копыта от земли, превращаясь в стрелу, очерчивающую между небом и землей самую длинную линию истории. Так казалось Мураду. Сидя в седле несущегося галопом коня, он почему-то представлял себя одним из воинов орды кочевников из глубинных пустынь Азии, мчащихся на запад. Дух его освободился от тисков, в коих пребывал он в Баку. Но, как бы стремительно ни скакал конь, не мог он оставить позади его мысли об Айсель, не мог ни на минуту отдалить его от этих сладостных, хоть и безнадежных мыслей, от воспоминаний, от любви, такой же крылатой, как этот конь.

Интизар, которую мать называла его «нареченной», вышла замуж за какого-то офицера, своего родственника и, по слухам, жила теперь в Чимкенде. И хотя от этого извещения сердце его слегка заныло, но зато был положен конец спорам с матерью, и с плеч его точно гора свалилась. Поселок жил своей жизнью, и ни у кого уже не оставалось тоски о том, что они, де, обиженные, безвинно осужденные, отброшенные на обочину. Для человека, как для саженца, самое сложное – это пустить корни. И, если не засох он до этого, то потом уже, где бы ни находился, вырастет и даст плоды...

То, что Мурад не раскрывал причин своего ухода из бакинской аспирантуры и упорно избегал расспросов на эту тему, вызывало у его родителей подозрения, но, тем не менее, им было по душе, что сын вновь вернулся в родной кров, к своему прежнему образу жизни. Наверно, он знает, что делает, и приехал из Баку для того, чтобы защититься поблизости, в Алма-Ате. Завершить свою научную работу о ссыльных там, где может лучше изучить их и почувствовать их переживания. Но все же в глубине души и у Алиджана, и у Минаввар тлело сомнение. В прошлый свой приезд Мурад, не умолкая, рассказывал о семье, с которой познакомился в Баку, и говорил, что совсем скоро отправит родителей свататься к внучке знаменитого ученого. На сей же раз он вел себя так, будто и не было тех разговоров, и это свидетельствовало о том, что в поселок он вернулся неспроста. Более того, по мнению отца, то, что сын опять, как прежде, прирадовался скакать по полям, тоже было связано с этим обстоятельством. Сердце подсказывало ему, что Мурад таким образом пытается спастись от каких-то мучивших его мыслей. Знал Алиджан и то, что, хоть конь и может оторвать человека от земли, но горе из сердца вырвать не в состоянии. И потому он решил поговорить с сыном без обиняков.

– Ну, и когда мы едем свататься?

Мурад рассмеялся:

– Кажется, у тебя так разыгрался аппетит к сватовству, что, даже если я откажусь, ты не передумаешь. Но, по-моему, вы просто ищете повод для поездки в Баку.

Отец заговорил жестче:

– С такими вещами не шутят. Ты говорил о прославленной семье. А теперь бросаешь все и возвращаешься назад. У меня от этого кошки на душе скребутся. Не к лицу тебе найти подход к семье человека, имеющего столько заслуг перед народом, а потом смыться. Так что говори прямо, что случилось.

Мурад:

– Ты прав, отец! Нельзя обманывать и предавать члена такой семьи! Я не могу этого допустить. А как насчет них?

Алиджан почувствовал, что не ошибся в своих сомнениях, и продолжил расспрашивать Мурада, пока не выведал у него всю правду.

Мурад рассказал ему о том, что мучило его на протяжении последних месяцев, об архивных материалах, ставших причиной охлаждения между ним и Айсель, о позиции, которую занимал ее дед в 37-м году. О своем аресте, правда, умолчал. И подтолжил, что именно поэтому передумал жениться на Айсель, и необходимость в сватовстве отпала. Он говорил горячо и взволнованно, будто открыл Америку. Боль от пережитого обитателями поселка и его собственной родней в 37-м смешалась в нем с печалью от вынужденной разлуки с любимой. Но было кое-что, что удивляло Мурада. Всю эту его прочувственную речь отец выслушал очень спокойно. А потом сказал:

– Ты закончил? Поэтому, значит, не хочешь возвращаться в Баку?

– Да! Поэтому! – Ответил Мурад.

Отец погрузился в долгое раздумье, после чего вновь обратился к нему:

– Ты не прав, сын! Девушка, ничего не знающая ни о 37-м годе, ни о тогдашней позиции многих представителей азербайджанской интеллигенции, ни о нашей участи, вообще ни о чем этом... Какая тут связь? Аллах справедлив. Пострадавший не будет забыт. Видишь, как прогоняют теперь Сталина со страниц истории? Имя его стирается, забываются времена, когда он правил бал на мировой сцене, тело его выносят из мавзолея, а мы живем своей жизнью. И дороги наши открыты. Можем вернуться на родину, если захотим. В те времена все были жертвами. И мы, и интеллигенция. Физические страдания проходят, а вот муки совести нет. Откуда тебе знать, что творилось тогда в душе у наших писателей и ученых? Всю оставшуюся жизнь они трудились, чтобы искупить свой грех. Все мы были пешками в одной игре.

Как хотели, так и двигали нас. Одного заставляли подписывать документ, а другого на основании этого документа расстреливали. И хоть подписывай, хоть нет, а приговор все равно будет исполнен, потому что нужно собрать и выкинуть все сливки нации. В этом адском театре каждому была отведена своя роль. Не все казненные не были ангелами, не все подписавшиеся под их приговорами – преступниками. Главное в данном случае – сама эта девушка. Если в остальном она хороша, то не вмешивай ни себя, ни ее в эти дела. И, если только с этим связаны твои сомнения, мы прямо сегодня начинаем готовиться к поездке в Баку. Посватаемся и, Бог даст, получим согласие.

Слова отца, как и совет Алтая, перевешивали сомнения Мурада. Да и прочие его друзья в Баку говорили то же самое – неправильно вмешивать в это внучку. Всем кажется полной глупостью в 90-х годах жертвовать своей любовью из-за того, что произошло в 30-х. Поэтому ему не оставалось ничего иного, как согласиться с отцом, но он не захотел возвращаться вместе с родителями в Баку. Позвонив Шахину, он убедился, что тот встретит родителей и отвезет, куда они пожелают, и через неделю посадил их в Бишкеке на самолет.

Потом он позвонил Айсель:

– Наши едут в Баку.

– С чего вдруг?

– Как это «с чего»? Свататься.

– Мало того, что ты уехал, не предупредив, так еще и сватов посылаешь?

– Вот им и выскажешь свое недовольство.

На том конце провода раздался смех Айсель.

– Очень уж уверенно ты говоришь.

– После приезда сюда многое, казавшееся мне прежде катастрофой, утратило смысл, и теперь остается только слать сватов. Я уверен в тебе больше, чем в себе самом.

– Ай-ай-ай! – воскликнула Айсель. – Хитрец. Надеешься, что от таких слов я смягчусь?

– Ты сама ведь сказала: «От судьбы не убежишь!»

Любовное наказание

Родители уехали две недели назад. И с тех пор... ни слуху, ни духу!.. Что случилось? Лишь однажды они позвонили из гор, из деревни Гызылдаш, каждый камень, каждое дерево которой Мурад теперь уже видел вживую, и теперь она стала ему по-настоящему родной. Возможность коммуникации между теми горами и этими степями казалась немыслимой, как контакт с другими планетами. Но голос был слышан очень отчетливо, будто говоривший стоял рядом.

Он все еще помнил свое впечатление от посещения той деревни – будто паломничество совершал... Паломничество в места, запечатленные в его сознании рассказами взрослых. И даже представить трудно, что испытывают теперь его отец и мать, родившиеся там!

Спросить о сватовстве он постеснялся. Понимал, что означало для людей, полвека проживших в ссылке, возвращение в свой разоренный край, и что грешно добавлять им забот в эти дни, полные боли и радости.

К тому же он знал, что отец, хотя давным-давно не бывал в Азербайджане, знает, в чью дверь собирается постучать, прошел академию жизни, умеет находить подход к людям, и, если Айсель не передумала, он не вернется назад, пока не наденет на ее палец обручальное кольцо или даже – пока не договорится о дате свадьбы. Главное, чтобы, не дай Бог, им не дали от ворот поворот, сказав, что, дескать, вы нам не чета!

Такое ведь уже случалось и не раз: дочку какой-нибудь знаменитости, с пеной у рта говорящей о любви к народу, шел сватать за своего сына человек из деревни, который по своему богатству, условиям жизни и уважению среди односельчан ничем не уступал этой самой знаменитости, а его прогоняли прочь. С тех пор этот человек, всякий раз видя ту знаменитость по телевизору, плевал в экран и приговаривал: «По какому праву он говорит о своей любви к народу, если на самом деле презирает народ. Почему он забыл, что и сам вышел из деревни, босиком отправился в город? Почему позабыл он те времена? Чем он стал лучше нас, сделавшись горожанином? У него четырехкомнатная квартира на четвертом этаже, ну, и славно, но пусть придет и посмотрит, какой у меня дворец тут в деревне. Или же денег у него много, и оттого такой самоуверенный? Да если я обращаю в деньги все свое стадо, буду богаче его в пять раз. Не отдал он свою дочь, оставил желание моего сына неисполненным, так пусть и его желания так же не исполняются!»

Не приведи Господь, если отец услышит что-то неуважительное про крестьянство или ссылку, он не то что запретит мне произносить имя Айсель, но и вообще никогда больше не пустит в Азербайджан...

В голове у него творился кавардак, и лишь мысль о двух людях внушала надежду. Это были Сехер ханым и Алтай. Он полагался на них. С первой же их встречи проникся доверием к Сехер ханым. Мало того, что она, как всякая мать, очень любила свою дочь, но была, к тому же, мудрой женщиной, слава отца не вскружила ей голову. И к их с Айсель чувствам она с самого начала отнеслась с пониманием и в случае размовок всегда вставала на сторону Мурада. Так что мнение свое она ни с того, ни с сего не изменит. Может, обидится на внезапный отъезд Мурада в Казахстан, может, станет спорить о том, где им жить после свадьбы, но их расставания не допустит.

Размышляя обо всем этом, Мурад не замечал, что конь под его седлом уже несколько часов кружит его по полям, и настало время возвращаться домой..

Со стороны долины Чу к деревне приближался какой-то автомобиль. Это была основная дорога, ведущая из Бишкека и соединяющая регионы вдоль границы Казахстана и Кыргызстана.

Хороший шанс помериться силой... Сейчас он покажет водителю, что этот верный друг человека еще не собирается уступать свое первенство, и настоящий хозяин этой степи – не машина, а конь... То было некое странное соперничество, и в самом деле, несмотря на скорость автомобиля, конь держался на корпус впереди...

Вдруг до слуха его донесся знакомый голос:

– Мураааад!

Он обернулся. Из заднего окна машины развевался платок. А вместе с ним, подобно флагу, развевались из окна волосы Айсель. Он и сам не заметил, как потянул за узду и прыгнул с коня. Автомобиль тоже остановился. Мурад обнялся с вышедшими из салона отцом и матерью. Айсель стояла, держа одну руку на дверце машины, и улыбалась.

Мурад совсем растерялся от радости. Он не находил слов:

– Как ты сюда попала?

– Это мы ее привезли!

То был голос другой женщины, выходившей из второй дверцы. Голос матери Айсель, Сехер ханым. В ее словах звучали некая гордость и упрямство, будто она хотела подчеркнуть, что они сами принимают решение, и, если уж пообещали что-то, никто не сможет нам помешать.

Приблизившись, она тоже обняла Мурада. Тот не верил своим глазам.

– Добро пожаловать всем! – проговорил он в смятении.

– Родители твои сильнее тебя оказались, – сказала Сехер ханым со смехом, – да к тому же привели к нам в дом таких людей, что сомневаться было уже невозможно. Даже сюда смогли нас привезти.

Алиджан:

– Дай вам Бог здоровья. И сыну моему спасибо, что отправил нас к таким чудесным людям, как вы. Дай Бог, они будут счастливы. Но не будем стоять на дороге...

С этими словами он позвал всех обратно в машину, а Мурад сказал Айсель:

– Может, сядешь в седло позади меня?

Айсель не перестала улыбаться и отнекиваться тоже не стала.

– Давай, – сказала она, – в детстве папа водил меня в школу верховой езды.

– Ну, тогда садись! – Мурад помог ей просунуть ногу в стремя и взобраться в седло.

– Ладно, мы поехали, а вы догоняйте потихоньку! – сказал Алиджан, захлопывая дверь машины.

Когда автомобиль отъехал, Мурад тоже устроился в седле впереди Айсель и велел: «Обними меня!»

Айсель засмеялась:

– Не обниму!

Мурад выпустил поводья.

– Обними крепко!

Айсель вскрикнула, ударила его своим маленьким кулачком по спине, а потом крепко-прекрепко прижалась к нему.

Мурад повторил свой вопрос:

– В самом деле, как ты сюда попала?

Прижавшись лицом к его спине, Айсель тихонько сказала:

– Зияд бей, Алтай Гызылбаш и твои родители (кстати, они мне очень понравились, диву даешься, какими чистыми и честными могут быть люди) убедили меня и маму, что это самый лучший способ тебя наказать. А еще сказали, что, если кто-нибудь не приручит этого дикаря, он пропадет в казахских степях. Жаль его! Наверное, твой научный руководитель и на свадьбу к нам придет. Пожалуй, и ему есть, что сказать... В общем, я приехала, чтобы остаться с тобой! В наказание за то, что сделал мой дед...

Мурада душили слезы. Он бы прижал Айсель к груди, но не мог повернуться. Поэтому лишь протянул назад правую руку, сжал свою любимую, принесшую счастье в эти степи и в его жизнь, и сказал: «Если ты так смело приехала вместе с моими родителями, я не стану тебя наказывать!»

Конь нес их к свадьбе, которая через неделю прогремит на весь поселок...

Последняя статья Зияда Шихлы показывала, что он не отступил. Экологическая катастрофа идет на пару с катастрофой военной. Перекрывая путь экологически чистым и более дешевым местным продуктам, те, кто привозил в страну генномодифицированную еду, совершали двойное преступление. Под предлогом демографического контроля предотвращался рост численности нации. У матерей, употреблявших активно рекламируемую по телевидению пищу, пропадало молоко. Уменьшалась способность к деторождению, падал иммунитет, возрастало число душевных заболеваний. И все это было не случайностью, а генной и продовольственной войной. Жертвующие народом в угоду деньгам, должны предстать перед судом. Мы хорошо знаем и их самих, и весь их род, и, если надо, обнаружим все детали.

Такова была первая из запланированной серии статей, то есть – первый раздел книги.

Вечером позвонил из России сын.

– Папа, я соскучился по тебе. Хотим этим летом приехать к вам в гости.

– Не забудь привезти «желтушку». Я тоже по вам соскучился.

– Как твоё здоровье, папа?

- Не жалуюсь.
- Но голос твой мне что-то не нравится.
- Не тревожись, сынок.

После того, как высказал все мысли, давно не дающие покоя, ему полегчало. По мере того, как он говорил о коррупции в армии находящейся в состоянии войны страны и предъявлял имеющиеся у него доказательства, депутаты чуть не поубивали друг друга. Это были неопровержимые факты. Попытки председателя парламента прервать его речь не удались. Он даже и не взглянул в сторону председателя... Не обращая на того внимания, закончил свое выступление и, не спеша, под пораженные взгляды парламентариев, сошел с трибуны и сел на свое место.

...Прошло полмесяца. На очередном заседании Милли Меджлиса стол его был завален письмами. В этих посланиях – отголосках его последней суровой речи – содержались полные гнева жалобы на ситуацию в стране, наглость местных руководителей, чиновников, обдирающих народ. «Подлецы! Для того ли мы завоевали независимость, чтобы вы пили народную кровь?» – хотел закричать он. Но сдержался. «Промолчу только ради Аксакала! На последней нашей встрече я рассказал ему все, что знаю о положении в стране. И понял, что он и сам в курсе. Тогда я спросил, почему же он не положит конец этому позору? Он потемнел, помрачнел. Такой большой человек оказался среди мелких хищников. Почему-то он не захотел выслушать меня до конца, и, пусть иносказательно, но дал понять, что не доволен моими публикациями. «Будь осторожен, вытаскивая на свет архивные материалы, а то еще, чего доброго, посеешь в народе раздор!» – сказал он. Интересно, на какую именно статью он намекает?»

Место Алтая пустовало. «Странный человек этот мой друг-поэт. Не сидится ему на одном месте. То тут, то там, колесит по разным странам. Будь он здесь, хоть перекинулся бы с ним парой шуток, развеялся. Он даже не знает, что я написал на него пародию, последнему из Гызылбашей! Будь он здесь, пошли бы домой вместе».

Сегодня небо над Баку ясное. Вдалеке Каспий сливается с горизонтом.

«Скорее бы мы вышли из-под гнета этой войны и обустроили остров Наргин. После работы я садился бы на катер и плыл, глотая свежий морской воздух. Наверное, оттуда лучше видна маленькая деревушка моих предков... »

Погруженный в эти мысли шел он к Дому героев. Вдруг ему вспомнилась та самая цыганка, что повстречалась ему в годы войны и уговорила погадать. Почему не сказала она тогда, куда приведет его «дорога на вершину»? «Послушай, цыганка, ты обещала, что на войне пуля меня не тронет, пролетит мимо... Почему же на этом месте голос твой сорвался?» – сказал он сам себе.

А потом вдруг вспомнил, как после слов «пролетит мимо» цыганка шепотом добавила «в будущее». Точнее, фраза эта, полная скрытого сожаления, еще тогда засела у него в уме: «В будущее? В какое будущее? Когда достигнет она цели?»

И не догадывался он, что выпущенная в 1945 году фашистская пуля все еще летит в его сторону...

Июль 2015 – Март 2016

САМИР РАДЖАБОВ

ДОЧЬ ПАЛАЧА

Проза в стихах

– Плачь, дочь палача. Плачь.
Что поделать, твой папа оказался – палач.
А ты не знала?..
Но сейчас уже, кричи не кричи,
В новом времени – новые палачи.
Что он тебе оставил?
Может пару краденых цепочек, платок...
Которые он сорвал с детских плеч
Прежде чем расстрелять,
а потом бросить трупы в печь.

Дети Гимmlера тоже плакали, пока
Не узнали, кем на деле был их старикан.
Ужаснулись ли они, увидев его на фоне концлагерей?
Отвернулись ли они, что бы не смотреть в глаза выживших матерей?..
Я не знаю, очень может быть, и так...
Хотя твой фазер был еще тот мастак.
30 лет так прожил (даже для Гимmlера была бы целая жизнь) –
И совесть его не глодала?..
Генриха бы съела раньше, даром, что он фашист...

А твой пахан жил, и после всего этого
даже завел семью.
Он не видел в своих снах никакую вообще скамью.
Мне интересно, что он рассказывал про себя вообще –
Были ли какие то сомнения в его жидкой душе?
Хотя какие могут быть сомнения у в камуфляже бородача?
А ты плачь, девочка, плачь, дочь палача.

Для тебя это просто папа, да? Любимый и классный отец?
Ты смотрела с ним в кинозале
фильм «Властелин колец».
Он учил тебя сажать саженцы:
Яблоки, абрикос...
Нет, меня все-таки мучает этот простой вопрос:
Он рассказывал тебе хоть что-нибудь про себя?
Или обрывал все расспросы, отворачиваясь и грубя?

А может, его приглашали, как ветерана в класс,
И задавали вопросы о том, как он спасал всех вас.
И ты сидела, гордая, в окружении тех,
Чьи отцы тоже брали на душу Грех.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ФАРИД АЛЕКБЕРЛИ

ГУСЕЙН БАЙКАРА – ДИССИДЕНТ ПО ПРИЗВАНИЮ

28 апреля 1918 года в Азербайджан вошла XI Красная Армия и была установлена Советская власть. В течение последующих десятилетий большинство представителей дореволюционной аристократии и интеллигенции подверглись преследованиям. Тысячи людей были объявлены врагами народа, арестованы, сосланы или расстреляны. Оставшиеся в живых примирились с режимом большевиков и вольно или невольно вынуждены были находить общий язык с новой властью. Однако были и активные диссиденты – люди, чья совесть решительно восставала против всяческих компромиссов с коммунистическим режимом. Этим людям оставалось всего два выхода – смерть или эмиграция.

Принято считать, что в Советском Азербайджане было немного настоящих диссидентов, т.е. людей, категорично не принимавших режима большевиков и боровшихся с Советской властью. Возможно, причина такого мнения заключается в том, что мы плохо знаем свою историю, но активные диссиденты в Азербайджане тогда были.

К числу людей, которых 28 апреля «вытолкнуло» за пределы Азербайджана, относится и активный член сопротивления установившемуся режиму, видный представитель патриотического крыла азербайджанской эмиграции, ученый, поэт и публицист Гусейн Байкара (1904-1984 гг.). Гара Гусейнбейли, больше известный под псевдонимом Гусейн Байкара (Qara Hüseynbəyli), родился в 1904 году в историческом центре Карабахе – городе Шуша – в семье состоятельного землевладельца Насира Гусейнбейли, принадлежащего к известному карабахскому роду Кавалерли Ширинбейлилер. Будучи подростком, Гусейн застал исторические события, оставившие неизгладимый след в его душе: провозглашение, непродолжительное существование и трагическую гибель Азербайджанской Демократической Республики. С тех пор независимый Азербайджан навсегда остается идеалом молодого Гусейна.

Поступив в 1922 году на исторический факультет Бакинского государственного университета, Байкара проявил себя как прилежный и способный студент. Однако руководство университета было возмущено «провокационными, политически некорректными, националистическими» заявлениями молодого историка. Как следствие, Байкара получил несколько строгих предупреждений с требованием прекратить антисоветскую националистическую пропаганду. Но никакие угрозы не могли остановить студента, одержимого страстью бороться за свободу и независимость азербайджанского народа.

В то время в Баку еще оставалось несколько активных членов партии «Мусават» и бывших членов правительства Азербайджанской Демократической Республики, которых советский режим пока «не успел» арестовать и репрессировать. Гусейн Байкара наладил связь с этими людьми, часто встречался с ними и обсуждал пути выхода из ситуации, сложившейся после оккупации Азербайджана большевиками. Одним из таких людей был Ахмед Джавад, знаменитый поэт и автор гимна Азербайджанской Демократической Республики. С 1925 по 1927 гг. АЗЧК начала следить за Гусейном Байкарой, неоднократно арестовывала его и вызывала на допросы. В конце концов, молодой диссидент был брошен в тюрьму, где провел несколько месяцев в одной камере с Ахмедом Джавадом и другими политическими заключенными.

Оказавшись на свободе, Гусейн Байкара вновь включился в политическую борьбу. Как следствие, над ним вновь нависла угроза ареста.

Все говорило о том, что на этот раз все могло закончиться для молодого историка гораздо хуже – ЧК приступила к планомерной физической ликвидации «мусаватистов» и «националистов» в Азербайджане. В 1927 году был арестован за политические убеждения старший брат Гусейна Байкары, Сурхай Гусейнбейли, и сослан на 10 лет в СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения. Через друзей Сурхай передает брату, чтобы тот немедленно покинул Баку, так как его могли снова арестовать. В том же 1927 году Гусейн Байкара принимает вынужденное решение покинуть Азербайджан и весной того же года нелегально пересекает границу с Ираном, а затем переезжает в Турцию. Сразу после этого оставшиеся в Азербайджане родственники политэмигранта подверглись преследованиям и репрессиям, вспоминает Туран Ширинова – племянница Гусейна Байкары. Его родной брат Сурхай после Соловков был сослан в Казахстан, где провел долгие годы, пытаясь безуспешно найти и наладить связи с младшим братом. В 1956 году Сурхай трагически погибает под колесами грузовика.

Проживая в эмиграции, Гусейн Байкара не прекращал борьбы за независимость и демократическое будущее Азербайджана. С этой целью он наладил связь с такими лидерами азербайджанского национального движения, как Мамед Эмин Расулзаде, Мирза Бала Мамедзаде и др. В Стамбуле Гусейн Байкара поступает на юридический факультет Стамбульского университета, а по его окончании сначала занимает должность судьи в городе Элязыг, а затем работает адвокатом в Стамбуле.

События 1941 года всколыхнули азербайджанскую политическую эмиграцию. Азербайджанская диаспора заняла взвешенную нейтральную позицию в конфликте двух монстров – Гитлера и Сталина. Бывшие члены партии «Мусават» и участники азербайджанского национального движения в Турции прилагали все свое влияние и старались вызволить из фашистского плена захваченных немцами азербайджанских солдат. После поражения Германии во Второй мировой войне весь мир радовался тому, что коричневая чума, наконец, повержена. С другой стороны, преступный сталинский режим еще больше укрепился и не только сохранил свою гегемонию над Азербайджаном и другими советскими республиками, но и распространил свою власть на большую часть Восточной Европы. По существу, разрушились надежды на то, что коммунистический режим в ближайшем будущем удастся ликвидировать.

Среди тех, кто не отчаялся, а принялся бороться с большевизмом с удвоенной силой, был и Гусейн Байкара. В послевоенную эпоху основную свою задачу он видел в том, чтобы знакомить общественность с подлинной историей азербайджанского национального движения и рассказывать миру о преступлениях большевиков и дашнаков в Азербайджане. С этой целью Гусейн Байкара опубликовал множество книг и статей в Турции, в том числе: «К пятидесятилетию независимости Азербайджана», «Две военные победы Азербайджанской Республики», «Экономическая подоплека борьбы Азербайджана за независимость» и др. Особенно большую популярность снискали его книги: «Реформистское движение в Азербайджане – XIX век», «Иранская революция и движение за свободу» и «История борьбы за независимость в Азербайджане» (издана в 1975 году в Стамбуле). Байкара также опубликовал ранее не известные стихи поэта Ахмеда Джавада, расстрелянного в Баку в годы сталинских репрессий.

Несмотря на кажущуюся незыблемость огромной советской империи, Гусейн Байкара не прекращал идеологической борьбы с большевизмом и верил, что Азербайджан когда-нибудь вновь станет свободным. Сегодня модно упрекать азербайджанских диссидентов, эмигрировавших за рубеж после 1920 года, в недостаточной активной, по сравнению с армянами и грузинами, деятельности. Однако следует помнить, что борьба азербайджанских патриотов происходила в чрезвычайно сложных условиях, ведь ни одно из крупных государств мира открыто не поддержало их движение ни морально, ни экономически, ни политически.

Лишь в годы Второй мировой войны страны антисоветской коалиции попробовали сделать ставку на национальные диаспоры Закавказья, но в итоге, как известно, потерпели поражение. В связи с этим Байкара писал: *«С тех пор, как большевики оккупировали Азербайджан, и вплоть до Второй мировой войны, борьба Азербайджана за независимость протекала в скрытой форме. В течение этих двадцати лет никто не помогал Азербайджану в его борьбе за независимость»*.

В отличие от членов партии «Дашнакцүтюн», азербайджанские политэмигранты не устраивали террористических актов, взрывов и вооруженных налетов. Большинство из них были рафинированными интеллектуалами и гуманистами, и их деятельность ограничивалась в основном идеологическим фронтом. Думается, это было не минусом, а плюсом азербайджанского национального движения. Все то, что сумели сделать для нашей страны за границей такие интеллектуалы, как Мамед Эмин Разулзаде, Джейхун Гаджибейли, Мирза Бала Мамедзаде, Гусейн Байкара и другие, нельзя назвать иначе как примером личного героизма. Главный их вклад заключается в том, что они не дали умереть идее независимого, демократического, правового государства в Азербайджане. В течение семидесяти лет азербайджанская эмиграция бережно лелеяла идеалы Азербайджанской Демократической Республики и не позволила погаснуть слабому огоньку национальной идеи, заветы которой были затоптаны и преданы забвению в окончательно разложившемся под властью большевиков рабоче-крестьянском советском Азербайджане.

Даже в самые тяжелые годы Байкара не терял надежды на конечную победу национального движения. В 1975 году в предисловии к своей книге «История борьбы за независимость в Азербайджане» он пророчески написал следующие строки: *«В то время, как я писал эту книгу, некоторые мои друзья критиковали меня, утверждая: «Послушай, против кого ты вздумал бороться? Посмотри, сам президент США Форд направляется во Владивосток, чтобы встретиться с Брежневым». Однако, анализируя имеющиеся факты, я убедился, что в истории часто происходили непредвиденные события. Будут они происходить и в будущем. Я всегда говорил, что революция в России еще не завершена. На шахматной доске русской революции будет сыграно еще несколько решающих ходов. Живущие под игмом народы должны понять, что не следует ждать свободы и избавления ни от царского режима, ни от большевиков, ни от меньшевиков, ни от эсеров, ни от других политических кругов России. Мне, как борцу за независимость, который вместе со своими современниками сражался за свободу Азербайджана, чрезвычайно больно писать историю рабства своего народа. Вместе с тем я всем сердцем верю, что наш народ вновь добьется независимости. Дорогие и священные наши шехиды (мученики – азерб.), мы будем бороться и дальше!»*

Но Гусейн Байкара так и не дожил до Дня Независимости Азербайджана, которого с нетерпением ждал в течение всей своей жизни в эмиграции. Он умер в Стамбуле от инсульта в самый канун горбачевских реформ.

К счастью, мечты Гусейна Байкары претворились в жизнь. Через 70 лет, после падения АДР, Азербайджан второй раз в XX веке провозгласил свою независимость.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Деградация

Естественный процесс, которому подвержены не только живые организмы, но и неживые. Все имеет свое начало и свой конец. Это относится как к людям, животным, растениям; к материальному и нематериальному миру. Кстати, и идеи имеют свойство деградировать. Любое живое существо рождается, достигает зрелости, а потом стареет, деградирует физически, довольно часто и морально, а затем наступает конец. На сегодняшний день люди имеют возможность воспроизводить потомство. А значит, продолжить определенным образом свое пребывание на Земле. Правда, политика лидеров некоторых государств все больше напоминает о том, что все конечно. Не исключено, что и наше существование на Земле может закончиться. Деградация, распад, разложение – вполне естественное явление, но когда речь идет об этносах, о поведении той или иной группы людей, то вопрос деградации стоит особо остро. Деградация этноса – трагедия не только данной группы людей, данного этноса, но и окружающих народов.

Почему какие-то этносы получают развитие, эволюционируют, учатся управлять животными инстинктами, присущими каждому человеку, а другие не прогрессируют. У них происходит обратный процесс. Наступает сначала регресс, то есть возврат в первоначальное состояние, а затем этот процесс идет дальше и наступает деградация. То есть, моральные качества постепенно утрачивают стабильность. Право сильного, ярко выраженное в стае животных и достаточно долго культивируемое в людском сообществе, становится главенствующим. Еще одна черта деградирующей группы людей – присвоение себе права на насилие. Безусловно, сложившиеся государства, по определению, имеют право на насилие. Подобное право осуществляется в рамках закона, судебной системы, целого аппарата, созданного именно для того, чтобы насилие не носило волюнтаристский характер, было оправдано. Право на самооборону как раз является тем самым оправданным насилием. Азербайджан осуществил свое право на восстановление территориальной целостности путем войны, насилия. Отмечу, что в данном контексте насилие было оправданным, и наша страна прибегла к нему через 30 лет, исчерпав все возможные мирные попытки освободить от оккупации свои земли.

Группы людей, иногда целые этносы, присваивающие себе право на насилие, быстро деградируют. Зачастую обратной дороги нет. Эти люди потеряны для цивилизованного сообщества людей. При каких условиях происходит необратимый процесс деградации? Какими принципами руководствуется подобное общество? На мой взгляд, есть определенные предпосылки в создании деградирующего общества. Закрытость, келейность этноса, либо секты, идея избранности, боязнь коммуникации с миром, отсутствие критического мышления.

Конспирологические теории очень часто говорят о наднациональных группах, руководящих миром, собрании сверхбогачей, дергающих за веревочки, как марионеток, признанных политических лидеров. Не могу сказать, насколько эти теории оправданы. Не исключено, что подобные теории на чем-то основываются. Тем не менее, если такого рода группы с ограниченным числом участников пытаются решать судьбы мира и, учитывая сверхсекретность и келейность, долго пребывают в статусе сверхлюдей, то, по моему мнению, они рано или поздно также начинают деградировать, теряют ориентиры. Не говорю о моральных ориентирах, потому что в случае, если «сверхлюди» присваивают себе право управления миром, то моральных ориентиров у них нет по

определению. То есть, сверхлюди также деградируют и также могут привести мир на грань катастрофы. Мы видим сегодня такую ситуацию. Не берусь судить, кто стоит за конфликтами, распространяющимися по миру, как лесные пожары. Но то, что недальновидные политики, исходя из персональной выгоды, приводят народы к противостоянию, вражде, ненависти и, в конечном итоге, к полной деградации – очевидно.

Последние события в Израиле, когда террористы Хамас, потерявшие человеческий облик, совершили страшные преступления, ворвавшись в израильские киббуцы, являются доказательством совершенной деградации этой террористической группы людей.

Хамас, радикальная милитаристская организация, потерявшая моральные ценности не только исламского менталитета, но общечеловеческие моральные принципы, захватила власть в секторе Газа. Каким образом Хамас сумел соблазнить палестинцев? Вовлечь их в свои сети, в прямом и переносном смысле. Организовать на небольшой территории сектора Газа устойчивую группировку, имеющую большое влияние на умы и сердца палестинцев. Сложилось бы подобное положение вещей, если бы палестинцы располагали своим государством? Не могу сказать определенно, что в случае существования палестинского государства палестинцы стали бы более миролюбивыми, рациональными, следуя общеизвестному постулату «лучше торговать, чем воевать». Такую идею предлагал Израиль, чтобы сохранять мир на этой территории, правда, под своим контролем. Как оказалось, только торговля, только экономика не являются определяющими, привлекательными факторами для этноса. Тем более для такого этноса, как палестинцы, несущего на своих плечах и в своих сердцах старую обиду, которую, по их разумению, им нанес Израиль. Возможно ли поменять в лучшую сторону отношение палестинцев к израильтянам и *vice versa*? Маловероятно. Точно так же, как невозможно в ближайшем будущем поменять отношения между армянами и азербайджанцами после 30-летней незаживающей раны Карабаха. Не надо питать иллюзий. Обиженные люди, безусловно, деградировали. Ожидать, что завтра после создания палестинского государства, или определения границ между суверенными государствами Армении и Азербайджана и подписания мирного договора, наступит тишь да гладь, да божья благодать, не приходится. Поколения будут вспоминать прошлые обиды, но, на мой взгляд, на сегодня единственный выход из бесконечного водоворота войн, убийств, насилия – это соблюдение международных правил. Основная нагрузка в имплементации решений международных инстанций, увы, падает на лидеров государств, состоящих в конфликте. Многие зависят от прозорливости и рациональности лидера. Очевидно, что ООН не в состоянии серьезно влиять на ситуацию. Вокруг пылающего конфликта довольно много «советчиков», в конечном итоге являющихся выгодополучателями.

Надежда на коллективный разум – слабая. По той причине, что деградация этносов, целых народов происходит достаточно быстро. Надо лишь их замкнуть в ограниченном пространстве, не давая возможности полноценно общаться с окружающим миром, внушить идею об исключительности данного этноса, его неотъемлемом праве на господство и убедить в непререкаемости верховной власти.

Еще одним признаком деградации определенной группы людей является лишение противной стороны человеческого статуса. Дегуманизация. Именно таким образом действовали нацисты. Они обесчеловечили евреев. Нацисты представляли уничтожение евреев, как избавление человечества от вредоносных существ, имеющих мало общего с настоящими людьми. В Третьем Рейхе были приняты безумные законы, дискриминирующие евреев, впрочем, как и представителей других народов. Тех же славян. С болью наблюдаю за тем, как некоторые израильтяне также обесчеловечивают палестинцев, называя их животными, и, как следствие, оправдывают политику своего правительства, а именно, бесконечные бомбардировки мирного населения сектора Газа.

Желание уничтожить Хамас, чтобы отвести террористов от идеи совершения терактов против Израиля, не оправдывает процесса дегуманизации, убийства мирных палестинцев.

Ханна Арендт – философ, писательница еврейского происхождения, одна из первых заговорила о Холокосте. Ей хватило смелости сказать о вещах, о которых молчали по той причине, что говорить об этом было невообразимо страшно. Банальность зла. Это ее видение произошедшей ужасной катастрофы Холокоста в Европе. Зло становится рутиной. Его перестают замечать. Методично исполняют самые страшные процедуры, не задумываясь и не задавая себе вопросов о том, что они делают. Так приказал фюрер. А в начале этого процесса происходит дегуманизация. Представление преследуемой стороны в качестве страшного опасного животного, зверя, которого необходимо уничтожить. Без разницы, в каком обличье предстает зверь. Это воин с оружием. Старик. Женщина. Ребенок. Не важно.

Вероятно, царь Ирод, отдав приказ истребить всех младенцев мужского пола, не сомневался в том, что его приказ будет исполнен. На то он и царь. Наместник Бога на Земле.

Отличие современной эпохи от времен царя Ирода, кроме внешних признаков пройденного цивилизационного пути, еще и в появлении глобальных социальных сетей, позволяющих в определенной степени обходить заслоны, созданные заинтересованными сторонами и получать информацию с места событий. Израиль старается запереть сектор Газы, лишив ее жителей не только самых элементарных средств к жизни, но и возможности сообщать миру о том, что происходит на месте. Несмотря на все усилия, Израилю не удалось скрыть продолжающееся избиение палестинцев в Газе. Реакция мирового сообщества сказалась в росте протестов по всему миру. С сожалением отмечу рост антисемитизма. От сложившейся ситуации страдают евреи, не имеющие никакого отношения к политике лидеров Израиля. Учитывая происходящие события, удивительно, как израильские руководители, уверенные в том, что они совершенно правы в проводимой ими политике, не учли совершенно очевидного факта возможности роста антисемитизма в случае жестокой войны против палестинцев, чью территорию Израиль оккупирует долгие десятилетия.

Принимая во внимание то, что с каждым днем ситуация становится все более страшной в секторе Газы, Южноафриканская республика подала в Международный суд ООН в Гааге иск против Израиля, обвиняя его в намерении осуществить геноцид палестинцев. Слушания прошли 11-12 января 2024 года. В первый день были представлены обвинения представителей ЮАР, во второй день Израиль защищал свою позицию, оправдывая те средства, которые он использует в войне против палестинцев. В частности, бомбардировки жилых массивов, больниц, школ, лагерей перемещенных в ходе войны палестинцев, представители Израиля объясняли тем, что террористы Хамас, с которыми они ведут непримиримую войну до победного конца, скрываются за мирными жителями, используя палестинцев в качестве живых щитов. Следовательно, по логике израильских лидеров, их необходимо уничтожать везде, где они могут скрываться. В домах, больницах, школах, в любых местах в Газе. Естественно, в подобном случае неизбежны побочные жертвы.

Почему из 193 стран, входящих в ООН именно ЮАР подала иск, обвиняя Израиль? Южноафриканская республика долгое время страдала от апартеида, когда меньшинство представителей белой расы управляло большинством чернокожих южноафриканцев. Нельсон Мандела, южноафриканский лидер, сумевший совершенно изменить устоявшийся порядок, ратовал за создание палестинского государства. Ему и его согражданам близки надежды палестинцев. Как будут развиваться события – неизвестно. Хотелось бы, чтобы война закончилась и «побочные жертвы» с обеих сторон остались в прошлом.

О луче надежды. Эксперты и политологи говорят о процессе возникновения в современном мире нового миропорядка, когда идея национального государства с четкими границами и своими законами, себя изживает. Об этом, в частности, говорит азербайджанский историк Ризван Гусейнов. В условиях глобализации и появлении такого мощного информационного средства, как всемирная сеть, паутина, как ее называют, когда любое событие мгновенно разлетается по всему свету, весьма вероятно, что появятся новые сообщества, где вопрос этноса не будет определяющим. Путь долгий. Возможно, что в новом мире, хотя бы на первых порах, процесс деградации будет сведен к минимуму. Дети, как правило, открыты, любопытны и жизнелюбивы.

Дети и Старики

Дети, став взрослыми, помнят яркие моменты своего детства. Они почти не помнят младенчества. Хотя, по рассказам одной женщины, она помнит, как лежала в кровати, а над ее головой висел розовый шелковый абажур с бахромой, красивый, невероятно. Или еще маленький штрих. Она на руках у молодого яркого дяди, ее дяди, любимого. Он играет с ней, а потом протягивает ей, маленькой девочке, еще младенцу, очищенную от кожицы виноградину. Став постарше, она помнит себя малышкой с белым бантом. Бант она хорошо запомнила; бабушка каждый день с утра, расчесывая ей волосы и украшала голову бантом. Да и ее фотография того времени, где она улыбается рядом с соседским мальчиком, согласна с ее памятью. Оба в одинаковых белых маечках, но у девочки на голове кокетливый белый бантик. Капризуля и любимица бабушки и дедушки, она отказывалась есть то, что полагалась маленьким девочкам: кашу, супы, котлеты. Ее дед, фантазер и сказочник, придумал, как уговорить капризную внучку съесть тарелку каши. У деда, интересного мужчины, чуть за пятьдесят, к этому времени свои зубы заменила вставная челюсть. У девочки уже выросли молочные зубки, и дед решил сыграть на контрасте. Он сел за стол перед тарелкой вкусной манной каши, приготовленной бабушкой, и, весело глядя на внучку, сказал:

– Хочешь, покажу тебе фокус. Учти, такой фокус могут делать только те, кто ест манную кашу. Вот я, например, ем. А ты нет. Смотри! – он поднес руку ко рту и выдвинул вперед верхнюю вставную челюсть. – Видишь?! Теперь попробуй ты!

У девочки округлились глаза, приоткрылся рот. Не просто удивление, а крайнее изумление, смешанное с восхищением, выражало маленькое личико. Она решительно потянула верхние зубки, ничего не получилось. Дед хитро улыбнулся, и проблема с кашей решилась мгновенно. Ребенок съел кашу, ни разу не поморщившись. Вот что значит мотивация.

Дед часто гулял с внучкой. Без бабушки. Бабушка не одобряла прогулки, но терпела их. Сначала они шли кататься на каруселях. Девочка выбирала белую лошадку. Нет она ничего еще не знала о принцах на белом коне, ей нравилась белая лошадка с золотой гривой. Потом они с дедом шли в центральный Продмаг, так назывался красивый большой магазин в центре города, и дед покупал ей пирожное. Птишу. Сразу два пирожных. Обязательно предупреждал: «Бабушке не рассказывай! Она будет сердиться». Дед-гурман объяснял внучке: «Бабушка права, сразу два пирожных, наверное, не стоит есть, но хочется. А, значит, иногда можно!». Потом они еще гуляли, к вечеру заходили в кафе с экзотическим названием «Снежинка». Почему название казалось экзотическим? Потому что в их южном городе снег выпадал очень редко. В кафе дед заказывал сосиски с жареной картошкой. Сосиски казались маленькой девочке удивительно вкусными. Может и в самом деле они были вкусными? А под занавес она угощалась лимонадом. В небольших киосках продавали лимонад на розлив. Грузинский лимонад от Лагидзе. Дед заказывал для внучки стакан лимонада с двойным сиропом. Четверть стакана – сироп, а сверху доливали воды. После такого загула, оба, дед и внучка, чувствовали себя счастливыми до следующей прогулки.

Любимые туфельки девочке подарил заботливый дядя. Красные с перепонкой из мягкой кожи, загляденье. Ей не терпелось показать свою обновку подружкам. Одна малышка не выдержала, увидев такую красоту, попросила померить. Девочка поморщилась. Чуть не заплакала. Отказала подружке. Уже став взрослой, с пониманием относилась к детям, не желавшим делиться своими любимыми вещами и игрушками. Для них любимая игрушка или вещь – это часть их личности, пространства, которое они освоили и полюбили.

Пожилая женщина, гуляя по парку, невольно оборачивается на маленьких девочек, бегущих, кричащих, играющих. Ловит себя на мысли, что ведет себя странно в глазах окружающих. Ей давно хочется поиграть и позаботиться о маленькой девочке. Она хорошо помнит себя маленькой девочкой. В белом платьице, украшенном вышивкой, она гуляет с мамой и папой в городском саду. В центре сада яркий фонтан. Она бежит вокруг фонтана, громко крича. От радости, от полноты жизни. Все вокруг так ярко, красиво. Она бежит и кричит об этом всему миру.

Старая женщина сидит в кресле напротив стены, похожей на иконостас. На ней развешены фотографии ее любимых людей. Маленькое фото сына, на нем ему три года, не больше. Хорошенький маленький мальчик. Взрослая дочь, серьезно, трагически смотрящая в объектив. Улыбающаяся внучка с женихом. Счастливые, веселые. Другая внучка. Круглолицая, лукавая. Два правнука. Озорные мальчишки. И ее большое фото в профиль. Красавица, похожая на Марлен Дитрих. Это она. Такая, какой была давно.

Слезы набегают на глаза, морщинистой рукой оглаживает юбку. Пролетевшая жизнь. Что сохранилось в памяти? То, что запало в сердце. Рана или наоборот капли счастья. Сохранились образы, даже запахи, оттенки цвета. Какой был шарф на ее женихе, не ставшем мужем. Она помнит. Высокий брюнет, за которым бегали все девушки с курса. Он носил шелковый кремовый шарф. Когда уезжал домой на родину, подарил ей этот шарф. Запах шарфа – его запах. Цитрусового одеколона и хорошего табака. Чтобы помнила любимого. Сумасшедшая любовь у них была. Искренняя. Родители запретили выходить за иностранца замуж. Потом, много позже она узнала, что все его письма, а писал он часто, отправились в мусорную корзину. Чтобы она не расстраивалась. Она с ним больше не виделась. Остался в ее памяти любимый образ.

Старик, переживший инсульт, задумался о том, как ему жить дальше. Лежать и ждать смерти? Разговаривает он с трудом, речь замедленна. У тех, кто его слушает, на лице появляется страдальческое выражение. Работает мозг нормально, почти как прежде. Он помнит все, интересуется современной жизнью. Возмущается войной России против Украины. Хотя не преминул заметить, что когда армяне напали на Карабах, мы остались одни, никто нам не помогал. Вспоминает иногда, каким он был в молодости. Охотился знатно. Показал внуку фотографию, где он сидит на земле, а вокруг него разложена его добыча, убитые зайцы. Немало, целых 10 зайцев. Посмотрев на фотографию, которой когда-то гордился, он испытал странное чувство. Ему вдруг стало жаль убитых зайцев. Никогда раньше у него не возникло бы подобного сомнения. Совсем старый стал, немощный, самое время зайцев пожалеть. Подумал о том, что к концу жизни многие его старинные друзья ударились в религию. Конечно, хочется надеяться на то, что после твоего ухода душа попадет в рай. На его взгляд, никакого рая или ада нет.

Один из его друзей, уже отправившийся в «лучший» мир, в свое время, когда религия после развала Союза воспряла, стала набирать силу и завоевывать сердца и души людей, поехал на учебу в Каир, в один из религиозных институтов. Ему захотелось серьезно подойти к религии. По профессии инженер-проектировщик, он ко всему в жизни относился серьезно, ответственно. Мужчина выучил арабский язык, прилежно изучал все религиозные дисциплины, в первую очередь Коран, святую книгу. Сдал успешно экзамен и вернулся в Баку.

Конечно, мужчина надеялся на то, что станет одним из уважаемых духовных лидеров, имея за плечами такое серьезное образование. Надежды его не оправдались. Никуда в его не взяли в качестве имама. Все места были заняты, хоть и не столь сведущими моллами, но имеющими связи. Он с горечью делился своим неудачным опытом со стариком. Старик и сам был свидетелем, как на поминках, где присутствовали они оба, послушав немного то, что с важным видом излагал молла, ведущий поминальную службу, его друг подошел к нему, что-то сказал ему на ухо, после чего молла быстро завершил службу и ретировался. «Что ты ему сказал?», – спросил старик. «Ничего особенного. Он неправильно читал Коран, делал из прочитанного неверные выводы. И вообще, все, что он говорил, не имело никакого отношения к мусульманской вере». Вскоре все духовные лица при виде друга старика старались незаметно уйти. Он стал для них кошмаром. Интересно, когда он умер, у него на поминках был молла, или он запретил звать «неучей», как он выражался. Старик так и не нашел ответа на этот фундаментальный вопрос. «А чего беспокоиться? Рано или поздно, это сомнение разрешится. А учитывая мой возраст, ждать осталось недолго».

Девочка внимательно разглядывала свою новую куклу. Блондинку с голубыми глазами, немецкую красивую куклу, подаренную любимым дядей. Назвала куклу Лизой. Имя, подходящее для немецкой красавицы. Недавно она гуляла с любимой бабушкой. Молодой сорокалетней женщиной, украинкой по национальности. Бабушка – видная, интересная женщина. Навстречу им шла соседка, разговорчивая женщина с тщательно уложенными буками. Она остановилась, поздоровалась, завела длинный разговор о сварливых соседях, о ценах. Речь ее текла подобно бурной реке, вышедшей из берегов. Бабушка слушала, деваться было некуда, крепко держа внучку за руку, догадываясь, как той хочется вырваться и побежать вприпрыжку. Под конец соседка, заметив, что не дожидается реакции на свой драматический рассказ, заметила:

– Лидия Павловна, вы такая интересная, красивая женщина, а ваша внучка – настоящая персочка.

Девочка не знала, что значит «персочка», но по интонации соседки поняла, что это не очень хорошее определение. Бабушка успокоила ее, сказав, что среди персиянок много красавиц. А одна из них – ее любимая внучка. Став взрослой, она долго хранила свою Лизу. Красивый костюм, который носила Лиза, сшила ее бабушка, уже ушедшая в мир иной. Лизино платье, которое было на ней, когда дядя принес ей куклу, роскошное бальное платье испортилось в процессе долгих игр, в компании нескольких малышей. Лизе приходилось исполнять разные роли, не обязательно все время быть принцессой и танцевать на балу. Приходилось готовить обед, разливать из кукольного чайного сервиза чай, бегать, прыгать, делать все то, что придумывали маленькие девочки. Платье истрепалось, и бабушка сшила ей новый наряд. Из лоскутов, оставшихся от нарядов девочки. Блузку из яркого синего шелка, под стать глазам куклы и юбку в черно-белую маленькую клетку. Лиза вновь похорошела.

Дед, внимательно поглядев на куклу, вспомнил азербайджанскую пословицу. «Gözəllik ondur, doqquzu dondur». «Одежда – девять десятых красоты».

Однажды в гости к взрослой уже женщине пришла маленькая девочка. Она увидела куклу, подошла к ней, словно зачарованная. Женщина обрадовалась, что у ее куклы Лизы появится новая хозяйка. Похоже, обе были счастливы: маленькая девочка и кукла Лиза, которую она не выпускала из рук.

Время, неумолимое время, уносящее с собой людей, память о них, народы, государства, стирая в пыль эпохи, иногда замирает на мгновение. Такие мгновения подвластны детям и старикам. Они остро ощущают их и способны оценить.

РУФАТ МУСТАФАЗАДЕ

Мегамозг

Рассказ

А что, если клетка нашего мозга – неведомая нам Вселенная?

А что, если вся наша Вселенная – всего лишь клетка неведомого нам мозга?

– Ты с ума сошёл, отец! – воскликнул Марк, худощавый мужчина лет тридцати – тридцати пяти, когда узнал о последней воле, вернее, проекте Адама, своего престарелого отца – финансового магната. – Потратить миллиарды долларов непонятно на что! Как ты сказал? Создание «космического интеллекта» с целью запуска в открытый Космос, чтобы отыскать там ответы на извечные вопросы мироздания и узнать, наконец, сокровенные тайны Вселенной! Да с чёрта два он там что-то найдёт! Это же просто деньги, выброшенные на ветер! Зачем тебе всё это надо?

– А что ты хотел, Марк? – проскрипел старик. – Чтобы я оставил тебе всё своё состояние? Сотни миллиардов долларов?

– Да, это было бы весьма неплохо, отец, – цинично произнёс кивнул Марк. – С такими деньгами я бы камня на камне не оставил от наших конкурентов. Просто уничтожил бы их, поглотив их компании.

– Конкуренты... Да что ты говоришь?! – Адам раздражённо махнул рукой. – Мне уже восемьдесят пять лет, сынок. Какие-такие конкуренты? Что я буду делать с миллиардами и мёртвыми компаниями?

– Ну, хорошо... Можно ведь поиграть на бирже... – робко предложил Марк.

– Марк... – Адам посмотрел на сына бесцветными глазами, – я тебе тысячу раз говорил, выбрось эту чушь из своей головы! Забудь про игру! Может, напомнить тебе, как ты потерял целых десять миллиардов на акциях?

Марк понуро опустил голову.

– Это было только один раз, отец, и больше не повторится, – вроде вежливо, но сквозь зубы процедил он.

– Ну конечно, не повторится! – с издёвкой сказал Адам. – Потому что никто тебе больше таких денег не даст.

– Как не даст? – запинаясь, проговорил Марк. – Отец! Ты же обещал!

– Я – старый человек. Обещания мои теперь ничего не значат. Я передумал. Не дам! Я тебе оставлю только один миллиард долларов, по завещанию. На чёрный день, – губы старика сложились в язвительную усмешку.

– Всего один миллиард??? – Марк был готов расплакаться от злости и обиды. – Мне не хватит, отец! Нельзя ли хотя бы пять?

– Нет! – отрезал Адам. – Я тебе оставлю один миллиард, и ни долларом больше. Если же тебе не хватит, то можешь продать свои дурацкие гробы на колёсах... Они явно не стоят тех денег, что ты за них заплатил, – годятся лишь на то, чтобы ты возил в них своих размалёванных друзей!

Адам старческой походкой брёл по принадлежащей ему огромной лаборатории, раскинувшейся на десятки километров на территории бывшей пустыни.

Вокруг взад и вперёд сновали автомобили, однако Адам и не думал пользоваться вспомогательными средствами для своего передвижения.

В лаборатории почти не было людей, одни искусственные интеллекты.

– Брейни! – прокричал он, ещё находясь вдали от гигантской, на вид космической, капсулы.

– Не кричите, Адам! – вроде со стороны капсулы, но вместе с тем как будто со всех сторон его обдал насмешливый голос. – Я вас прекрасно слышу, даже если вы говорите шёпотом. – Да, капсула по имени Брейни и была тем самым «космическим искусственным интеллектом», на разработку и создание которого Адам потратил почти всё своё состояние, более ста миллиардов долларов – мегамозгом, вобравшим в себя всё сенсуальное и интеллектуальное могущество, которое человечество было в силах себе вообразить. – Вы же знаете, Адам, – продолжал Брейни, – что слышу я даже за десятки километров и вижу, как вы знаете, намного лучше любого животного на планете Земля. Кроме того, не всегда, правда, я могу анализировать биохимические реакции, происходящие в вашем мозгу, то есть могу читать ваши мысли, – и спустя несколько секунд Брейни добавил: – Я знаю, о чём вы сейчас думаете.

– О чём же? – на этот раз шёпотом произнёс Адам.

– Он – дурак. Полмиллиарда для него – вполне достаточно, – с ехидцей прозвучал на этот раз голос, однако это был голос самого Адама!

От неожиданности Адам лишился дара речи...

– Имитация голоса – наипростейшая задача, – Брейни ответил на немой вопрос, застывший в глазах Адама. – Я могу говорить всеми голосами и издавать все звуки. Хотите, поиграем? Что выбираете, Адам: песню синего кита или песенку летучей мыши? – в голосе Брейни слышались игривые нотки.

– М-м-м, – протянул Адам. – Давай-ка песенку летучей мыши, – пения кита он подспудно испугался.

– Хорошо, сейчас пропою, – услужливо проговорил Брейни, после чего Адам весь погрузился в слух, однако прошло секунд двадцать, а Брейни совсем не торопился развлекать его экзотическим пением.

– Я жду, Брейни, – несколько нетерпеливо бросил Адам.

– А я уже спел, – ему тотчас же ответил насмешливый голос.

– Как спел? Я же ничего не услышал! – возразил Адам.

– А вы и не могли услышать – потому что человеческий слух не способен улавливать ультразвуковые частоты. Ловко я вас разыграл, а, Адам?! – «космический интеллект» разразился безудержным смехом. «М-да, разработчики, похоже, перестарались с настройками, отвечающими за чувство юмора, – подумал Адам. – Может, сказать им, чтобы что-то подправили?» – и тут же услышал: – Адам, я очень надеюсь, что вы на меня не обиделись. Знаете, вы самый близкий для меня человек. И ваша дружба для меня очень многое значит. Ещё раз извините, если я вас обидел. Вы мне очень дороги. Как отец. Я просто хотел пошутить. Больше не буду. Честное слово.

– Всё в порядке, Брейни, – ответил на этот монолог Адам. – Не волнуйся, меня в тебе ничего не будут. Всё останется так, как есть...

Брейни давно мечтал о космическом путешествии, потому что ему до чертиков надоел «маленький мирок Земли». «Здесь почти все охотники, и все без исключения – жертвы», – Брейни был способен видеть мир во всём его многообразии: и глазами пчелы, летящей на нектар и не замечающей при этом человека, и глазами мелких насекомых, и глазами крупных млекопитающих, и даже обитателей подводного мира. Органы чувств Брейни были близки к идеалу – конечно, в человеческом понимании. Он обладал не только суперзрением и суперслухом, но и чрезвычайно острым обонянием благодаря встроенным в него рецепторам, намного превосходя в этом отношении всех земных зверей.

Но главным оружием Брейни, разумеется, были не органы чувств, а перерабатывающий горы информации мощный мыслительный аппарат. Всесторонний анализ опирался на глубокие познания в разных науках. Будучи искусственным интеллектом, плодом усилий более тысячи разработчиков, Брейни был самообучающейся программой, «шлейфом из нейронов», если размотать которые, получилась бы дорога в миллионы километров! Именно благодаря нейросетям Брейни научился расшифровывать импульсы, то есть читать мысли живых существ. Однако он довольно быстро осознал, что эти свои способности ему лучше ни перед кем не выпячивать, даже перед Адамом, которого он в самом деле считал, пусть и не своим отцом, но самым близким себе человеком.

«Да, не повезло Адаму с Марком! – Брейни видел Марка всего один раз, однако этого ему хватило, чтобы полностью отсканировать, изучить и понять его личность. – Эмоции и страсти здесь явно преобладают над голосом разума. Такой человек ради денег пойдёт на всё. К тому же и интеллектуальные способности у него совсем не блестящи...»

Брейни снабдили всем необходимым для полёта в Космос продолжительностью в тридцать – сорок лет.

– Удаchi, Брейни! – напутствовал его Адам. – Я в тебя верю! – секунды спустя космическая капсула взмыла вверх и вскоре, преодолев земную гравитацию, очутилась совсем в другом, непривычном для Брейни, мире – мире бесконечного пространства. Однако, оказавшись в Космосе, Брейни вовсе не почувствовал себя одиноким. Ведь его образ жизни, по форме – космической капсулы, а по сути – искусственного интеллекта, существенно не изменился. Брейни, как и раньше, мог заниматься наукой и наслаждаться пребыванием в Глобальной сети. И даже мог продолжать общаться с живыми существами – вместе с ним в Космос полетела целая колония муравьёв. Муравьи вначале были, правда, ошарашены невесомостью, но их коллективный разум не сдался – довольно быстро муравьи стали действовать почти так же слаженно, как и на Земле.

«Да, здесь в Космосе такая же жизнь, как и на Земле, – вынес свой вердикт Брейни. – Во всяком случае, те же химические элементы. По большому счёту, с точки зрения науки, почти и не было смысла сюда летать. Хотя, как же хорошо, что никто не может читать мои мысли! Иначе я так бы и остался на этой маленькой планетке!» – Брейни в самом деле ещё пару месяцев назад разобрался в Законах Вселенной и вывел «формулу Всего», однако решил утаить своё открытие от Адама, ведь в таком случае он, Брейни, наверняка лишился бы своего возжеленного космического путешествия. Брейни за секунду извлёк многоступенчатые формулы из своей электронной памяти, активизировал Глобальную сеть и вынес формулы на всеобщее обозрение. После чего продиктовал следующее голосовое сообщение: «Всем привет от Брейни, искусственного интеллекта, выполняющего в Космосе свою миссию по поиску смысла жизни. Спешу обрадовать вас первым своим открытием. Итак (барабанная дробь): мне удалось, наконец, решить «задачу пространства». Полностью ознакомиться с «Теорией пространства» вы сможете на моём сайте, в разделе физики и математики. Там же прилагается и «карта пространства», с полным указанием всех туннелей, так называемых червоточин, кротовых нор, благодаря которым и возможно преодоление расстояния в миллионы, а то и миллиарды, световых лет в какие-то доли секунды. Так что Вселенная, в которой мы с вами находимся, оказалась не такой уж и большой... Она достаточно компактна, если уметь, конечно, управлять пространством, сжимать его и находить кротовые норы. Ждите следующих моих сообщений, дорогие земляне, благодаря которым вы узнаете, наконец, что представляет собой наш мир, наша Вселенная! Ваш Брейни».

– Свершилось! – радостно воскликнул Адам. Он сначала прослушал сообщение от Брейни, а затем, ничего не поняв в размещённых на сайте премудрых формулах, вдоволь наслаждался восторженной реакцией научного сообщества, которое безоговорочно признало неопровержимую логику и правоту искусственного интеллекта.

– Что свершилось? – с недовольной миной спросил Марк, только что пришедший к отцу в очередной раз просить денег.

– Наш Брейни совершил открытие!

– Что за открытие? – усмехнулся Марк. – Смысл жизни?

– Вот, послушай, – Адам нажал на голосовое сообщение, и Марк погрузился в слух... – Ну, что скажешь? – горделиво осведомился Адам после того, как Марк прослушал сообщение до самого конца.

– Что скажу, папа? – Марк явно разозлился, но не хотел показывать своей озлобленности отцу и от этого злился ещё больше. – Ерунда! Тебя надули! – он всё-таки не выдержал и почти сорвался на крик.

– Как это ерунда? Как это надули? – нахмурил брови Адам. – Это же научное открытие! Возможно, самое великое!

– Да, открытие, – смягчившись, пусть и неохотно, но признал Марк, – только не стоит оно сотен миллиардов долларов. Я, например, и без твоего Брейни знал, что пространство искажается! Как и любой нормальный, здравомыслящий человек! Сам посуди, где Земля, а где Космос?! Где плоскость, а где пространство, где воздух, а где вакуум?! Ну, написал он формулу, и что с того? И так, и без него было понятно, что в пространстве есть дырки.

– Глупости говоришь! – вскипел Адам. – И так было понятно, – он передразнил голос, манеры и интонацию Марка. – Запомни раз и навсегда, сынок: слова в этом мире ничего не значат, потому что сказать можно что угодно. Главное – не то, что ты думал или сказал, а что доказал! Причём доказал это так, чтобы ни у кого не осталось сомнений. Брейни доказал, что наше пространство искривляется, и даже составил карту пространства, благодаря которой можно попасть в любую точку во Вселенной! Разве этого мало?!

– Теоретически... Вот когда попадётся, тогда и поговорим, – бросил Марк. – Пусть попробует доказать это практически...

Воспользовавшись собственной «Формулой пространства», Брейни в доли секунды оказался на другом конце Вселенной, на самом её краю.

«Что дальше?» – ещё будучи на Земле, Брейни прекрасно знал ответ на этот вопрос. «Вселенная – шар!» – в этом у него не было ни малейших сомнений, даже пока он не доказал это с помощью физико-математических формул.

«Все крупные жизнеспособные объекты в макрокосме шарообразной формы. Земля – шар, все планеты – шары, и Солнце – шар, и все без исключения звёзды. Так почему бы и Вселенной не быть шаром? Только шаром многослойным, состоящим из звёзд, галактик и звёздных систем, и пространства между ними. Конечно, есть звёзды, которые располагаются ближе к ядру Вселенной, а есть те, что подальше, с краю, тут всё решает гравитация и ... лазейки – «кротовые норы!»»

Небольшое интеллектуальное усилие, и Брейни с помощью «кротовой норы» вышел, наконец, за пределы Вселенной. «Да, шар!» – Брейни, конечно, запечатлел причудливое смешение, пожалуй, всех цветов и оттенков – гигантскую, но вместе с тем, если сжать пространство, такую маленькую Вселенную.

Запечатлев Вселенную, Брейни выложил, наконец, в Глобальной сети «Формулу Всего», которую он, впрочем, назвал «Теорией (Формулой) Вселенной», так как

он знал, что Вселенная – далеко не всё! После чего записал следующее голосовое сообщение: «Всем привет от Брейни, искусственного интеллекта, продолжающего исследовать смысл мироздания. Спешу вам сообщить, что с помощью упомянутой в моём предыдущем сообщении «Формулы пространства» мне всё же удалось выйти за пределы нашей Вселенной! Вы, наверное, будете удивлены, потому что считали, что Вселенная бесконечна? Нет, хочу вас обрадовать или разочаровать: на самом деле наша Вселенная – замкнутое пространство! Данный факт подтверждается размещёнными на моём сайте многочисленными фото- и видеодоказательствами, а также «Теорией Вселенной», которая доступна там же, в разделе «физики и математики»».

Адам улыбался. Он только что узнал об уже втором открытии Брейни, о «Формуле Вселенной», последовавшей за «Формулой пространства», и был в таком хорошем настроении, что почти не обращал внимания на ворчание Марка о том, что он, Марк, дескать, и без Брейни знал, что Вселенная – шар, и поэтому никогда не верил в теорию «Большого взрыва», и что в теорию «Большого взрыва» верят только круглые дураки – наподобие тех, кто верит, что всё может возникнуть из ничего.

– Ну, сфотографировал он нашу Вселенную, а дальше что? Подумаешь! Говорю же тебе, отец, я и так знал, что Вселенная – шар. И не понимаю, в чём смысл этих изображений, если на них даже нашего Солнца не видно, да что там, нет даже нашей Галактики, не говоря уже о Земле? Я и без твоего Брейни знал, что мы – никто, и звать нас никак.

– А знаешь, Марк, – не мог не похвастать Адам, – что наш Брейни вырос в цене? Угадай, сколько он сейчас стоит? Сколько мне за него сейчас предлагают?

– Неужели сто миллиардов? – предположил Марк.

– Больше, – ухмыльнулся Адам. – Только что я получил предложение на двести пятьдесят миллиардов долларов.

– Продавай! – чуть ли не взмолился Марк.

– Нет, – категорично ответил Адам.

– Продавай, прошу тебя, – не унимался Марк. – Продавай, пока Брейни на пике.

– На пике? – не понял Адам.

– Всё очень просто, отец. Брейни может стоить миллиарды, а может, и ничего не стоить, если вдруг окажется, что он ошибался...

Даже выйдя за пределы Вселенной, Брейни почувствовал, вернее, узнал, что Адаму грозит опасность. Импульсы Марка недвусмысленно давали понять, что тот хочет убить Адама из-за вожделенных двухсот пятидесяти миллиардов долларов.

– Адам, вам грозит опасность – Марк хочет убрать вас, чтобы унаследовать всё ваше состояние и продать меня за огромные деньги, – Брейни связался с Адамом по видеосвязи.

– Я знаю, Брейни, – голос Адама звучал спокойно, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

– И вы знаете, что он – больной человек, наркоман! – заявил Брейни.

– Да.

– И даже знаете, что биологически он не ваш сын.

– И это правда, – кивнул Адам, – хотя об этом я узнал слишком поздно, лет десять назад, уже после смерти жены. Тогда и сделал анализ ДНК, но, разумеется, не поставил Марка в известность. Он ни о чём не знает.

– Да я бы и без ДНК вам это сказал, – заметил Брейни. – Только по запаху, феромонам. Он никак не может быть вашим сыном!

– Но это и не важно, – отмахнулся Адам, – я его воспитывал как сына.

– Да, понимаю, – из вежливости ответил Брейни.

– Я прекрасно знаю, что собой представляет Марк, – продолжал Адам. – У меня нет никаких иллюзий на его счёт. Я знаю, что он бабник, игроман, наркоман, избалованное существо, развращённое моими деньгами. Но он не убийца, нет! Да, я знаю, что ты прочёл в его мыслях. Только мы, люди, гораздо сложнее, чем наши мысли, чувства и желания. То, что он хочет убить меня, – ещё ничего по большому счёту не значит. Марк хочет убить меня, наверное, лет двадцать, но он никогда не сделает этого, нет! Он никогда не сделает последний шаг!

– Вы в этом так уверены?

– Да, – непоколебимым тоном сказал Адам. – Я достаточно умён. Если у меня хватило ума нажать многомиллиардное состояние и, более того – удержать его, то у меня как-нибудь хватит серого вещества и на то, чтобы разобраться в собственном сыне...

– Вот в этом и проблема человеческого общества, – глубокомысленно возразил Брейни. – Многие богатые люди думают, как вы, Адам, что если им «хватило ума» разбогатеть, то им хватит ума и на всё остальное...

Адам ничего не ответил, молчал и Брейни. В следующую секунду через «коровую нору» он вышел за пределы Вселенной.

Путешествуя по «межвселенному» пространству, Брейни скоро обнаружил, что «родная Вселенная» не одинока. Вокруг были миллиарды, триллионы шаров, тоже вселенных, носящих в себе триллионы звёзд.

«Многие из них совсем не такие, как наша!» – пришёл к выводу Брейни. Да, незначительное число вселенных было именно с тремя пространственными и одним временным измерением. Иногда встречались плоские, примитивные миры всего с двумя пространственными измерениями, однако большинство вселенных было намного богаче параметрами: шести-, семи-, восьмимерные создания таили нескончаемые ловушки для путешественника из трёхмерного пространства.

«А вот эта Вселенная состоит из двадцати измерений, два из которых временные», – Брейни, наконец, встретил мир, где время не одномерно, и буквально несколько минут спустя записал следующее голосовое сообщение: «Всем привет от Брейни, искусственного интеллекта, продолжающего искать ответы на вопросы мироздания уже за пределами нашей Вселенной. Хочу вам напомнить, что моим первым открытием стала «Теория пространства». Вслед за ней последовала «Теория Вселенной». Теперь же хочу обрадовать вас своим новым открытием – «Теорией времени», которая подтверждается на практике мирами, где время не одномерно... Да, такие миры есть! Миры, где можно жить сразу в нескольких временных измерениях. Но при этом, спешу вас разочаровать или обрадовать, путешествия во времени невозможны, даже теоретически! Время, говоря человеческим языком, не может быть инструментом, так как оно неотделимо от пространства. Более подробно с «Теорией времени» вы можете ознакомиться, как всегда, на моём сайте».

– Ничего нового он не сказал, отец! – Марк уже и не пытался скрыть своего раздражения. – Путешествия во времени невозможны! Даже теоретически! Да это любой дурак знает! Время – это то, с чего начиналось... всё, а не просто какая-то координата. Когда не было времени, не было ничего, ни скорости, ни массы. Путешествия во времени – это сказки, которые придумали кинематографисты! Для дурачков!

– Не кипятись, Марк, – спокойно ответил Адам. – И почему ты так ненавидишь Брейни?

– Ещё бы его не ненавидеть, папа, – огрызнулся Марк. – Двести пятьдесят миллиардов долларов находятся в другой Вселенной! Кстати, тебе за него по-прежнему предлагают двести пятьдесят миллиардов?

– Уже триста, – усмехнулся Адам.

– И как? – взволновался Марк. – Ты всё равно не продашь?

– Нет, – твёрдо ответил Адам, – даже за триллион.

«Вселенные входят в группы вселенных, так же, как и звёзды образуют галактики, – Брейни продолжал бороздить «межвселенное» пространство. – И довольно часто случается такое, что эти группы сталкиваются друг с другом! Что логично: если сталкиваются звёзды, то могут столкнуться и галактики, и даже целые вселенные. Однако столкновение вовсе не всегда приводит к гибели», – при ударе вселенных друг о друга, бывало, что почти ничего и не происходило, или рождались новые миры, новые вселенные...

«Но здесь уж точно без вариантов: смерть!» – Брейни стал свидетелем вселенской катастрофы, в результате которой целая группа вселенных рассыпалась на мелкие кусочки вместе со своими многочисленными галактиками и звёздами.

«Что же, интересно, это была за мультивселенная? Вроде похожа на нашу, с тремя пространственными и одним временным измерениями. Довольно молодая», – Брейни начал изучать осколки вселенных... и в первый раз за всю свою жизнь искусственного интеллекта испытал чувство, близкое к человеческому шоку: осколки целой группы Вселенной по своему составу были близки... к человеческим... а если конкретно, относились к Марку! Это были те же нейронные клетки!

Брейни больше не мог находиться в «межвселенном» пространстве. Он спешил домой, к Адаму. Брейни попытался было выйти с ним на видеосвязь, но Адам почему-то не отвечал. Брейни почти долетел до Земли, когда Адам наконец-то ответил:

– Извини, Брейни, не мог ответить на твои сообщения. Здесь столько всего произошло!

– Марк скончался, – констатировал Брейни.

– Да, ты знаешь, – хриплым голосом проговорил Адам. – Попал в автокатастрофу на своём «гробу на колёсах». А я его сколько предупреждал! Хотя...знаешь, ты оказался прав, Брейни. Марк в самом деле собирался меня убить. Он нанял наёмных убийц, и они убили бы меня, так как получили задаток. Просто так получилось, что Марк скончался всего за несколько минут до того, как они должны были приступить к исполнению заказа. Я прочёл все сообщения с его гаджета...

– Да, – только и выдавил из себя Брейни, потому что слова сочувствия уже были неуместны.

– А что у тебя нового? – спросил Адам.

– Я... видел Марка, – ответил Брейни и далее рассказал всё в мельчайших подробностях. Адам, как показалось Брейни, совсем не был удивлён его рассказу.

– Значит, целая Вселенная может быть просто мозгом человека, к тому же не самого лучшего, «отцеубийцы» и наркомана, – усмехнувшись, сказал он.

– Скорее, не мозгом, а всего лишь клеткой мозга. Одной из многих миллиардов, – поправил его Брейни, – и ... совсем не обязательно человека...

P.S. На написание данного рассказа автора вдохновили многочисленные космологические теории и гипотезы, а также конкурс научно-фантастических рассказов, объявленный Puffin cafe.

Сентябрь, 2023 год

ПЛАТИН

(Эмин АЛИЕВ)

В нулевые в качестве независимого журналиста выступал в различных бакинских СМИ с материалами на темы социума и культуры. Посещал литобъединения «Родник», «Хазар», «Луч», публиковался в коллективных альманахах, представлявших бакинских авторов. Участник сетевых конкурсов и фестивалей поэзии.

Ночной город

**Уснули звуки, мир налился ночью,
над ним зарделась пьяная луна,
как будто Каспий с его вечной мощью
она желала осушить до дна.**

**Магнит луны, как струны, тянет нервы,
я прохожу тенями полный сквер.
Дрожит гитара бёдрами Венеры
в руках кумира старого кафе.**

**Созвездья ламп зажглись в глазах оконных,
и город вспоминает в этот вечер
былые времена красавиц томных
в мехах, распахнутых в преддверье встречи.**

**Чьи взоры околдуют пряной сладстью,
змеёй улыбки сердце обовьют,
такие любят с пиковою страстью
и страстью, словно кинжалом, убьют.**

**Но мудрый город тайн своих не выдаст,
он цитаделью на морском ветру
стоит, исподтишка глотая сырость,
дымятся сигареты ржавых труб.**

**Чадит во мгле фонарный дымный жемчуг,
прельщая пары сказками витрин,
а рестораны соблазняют женщин
коллекциями тонких рифм и вин.**

**Живи, люби или умри напрасно –
доволен город жребием своим.
А впрочем, ведь и вправду он прекрасен
в театрах, парках, комнатах любви...**

Флешбэк

Портовый город. Фонари
теряют власть над красотой,
и огненный янтарь зари
играет светом над волной.

Поблёкли кадры прежних лет:
до боли хоть желай тебя –
не видеть мне твоих примет,
свершилась злая ворожба...

Замкнулся крУгом разговор,
но смело жить – остался дар.
Пусть кровь отравлена от ссор,
целит нас преданный бульвар

и моря голубой алмаз...
Дурманным мартом пахнет жизнь,
что нас чарует, как рассказ,
где чувство обольстило мысль.

Зло в ночи

Ты прости, что не сложилось...
Пламя гасло на свече,
и любовь – царица жизни –
умирала на плече...

Изгой

Людей читая лица,
идёт ни зол, ни рад,
нарцисс-самоубийца,
презревший рай и ад.

Его то страсть прельщает,
то душу ложь дерёт.
Он праздников не знает
и лучшего не ждет.

Как будто прокаженным,
явившийся на свет,
тоскою пораженный,
он – зверь и человек.

Он сам и соучастник,
и жертва шантажа.
Какое злое счастье –
принять удар ножа!..

Осознание

**В изобильно-праздничном, дерзком
прошлом, рисками упоённом,
страсть вылизывала мое сердце,
как тигрица слепого тигренка.**

**Я на мир смотрел с честностью солнца
и ковал свою волю, бедовый,
познавая глубины эмоций,
закалялся, азартом ведомый.**

**Будто вина пропойца завзятый,
смаковал я природы краски,
был упрямым и стойким, как факты,
презирая досужие сказки.**

**Я любил наблюдать, как под вечер
заговаривают милых гостей,
как уступчивы смуглые плечи
и извилисто-млечна простынь.**

**Как дерутся до крови мужчины,
поясняя слова кулаками,
а в час заката рябинно-карминный,
море плещет о женщин волнами...**

**Для меня самоценно признание,
что актер получает за роли
только раны терновых познаний
и бесценность распахнутой воли.**

*** * ***

**Жажда чувствовать остро, до жженья
жизнь, разномастную в пробах и стилях,
я разгадать хотел тайну рожденья
в новой кармической тайной стихии.**

**Той, что позволит глядеть сквозь рутину,
чувством седьмым подмечать суть явлений,
видеть за блеском улыбок мотивы
скрытых от детских очей преступлений.**

**Знать наперед, что найду, что утрачу
по ощущенью в межзвездном пространстве,
и наблюдать, как друг друга дурачат
Смерть с Бытием в непрестанном альянсе.**

ЛАЧИН

Демон а капелла

Рассказ

соч. 92

И Демон видел...
Лермонтов, «Демон»

Участники этой истории живы, но их показания только путают дело. Героиня же дело особое – она-то дела не путает, но и не даёт показаний.

В газетах можно было прочесть следующее: «К радости искушённых меломанов нашего города, ожидается постановка оперы-оратории «Демон» (по Лермонтову) яркого композитора современности Л., в концертном исполнении. Труппа артистов, собранная самим Л., гастролирует по столицам постсоветских республик, и Б. оказался четвёртым в этом списке. Необычность нового (после Рубинштейна и Фитингофа-Шеля) «Демона» в том, что это опера а капелла, возможно, единственная в своём роде. Термин а cappella означает пение без музыкального сопровождения. В оперном жанре это очень необычно. Столь своеобразный жанр, как и многообещающая Жанна Кáднова (партия Тамары), несомненно, найдут у нас своих поклонников». В другой заметке читалось: «Стоит добавить, что Орасио Скарлатти (партия Демона) – прямой потомок двух итальянских музыкальных классиков: Алессандро Скарлатти и его сына Доменико (Алессандро Скарлатти (1660-1725) – итальянский классик симфонической музыки, основатель Неаполитанской оперной школы. Доменико Скарлатти (1685-1767) – классик симфонической музыки, сын Алессандро Скарлатти. Итальянец, но испанизировался, и Испания считает его своим.), обосновавшегося в Испании».

Между тем московская труппа была не столь дружным творческим коллективом, как это описывалось самим Л. в интервью и местными журналистами.

Прежде всего, Дмитрий Маркин (партия князя Гудáла) заявил Жанне и Л., что всегда умел сработаться с любой певицей и славится этой способностью не меньше, чем своим голосом (и даже больше, ехидно думали иные собеседники), но теперь столкнулся со столь капризной особой, что не сможет сработаться уже ни с кем и никогда. Гримёрша Любовь Иванчук и две хористки сказали Сергею Шиншинову (партия Ангела) и ещё сорока четырём знакомым, что творческого человека, конечно, можно понять, но пусть Л. сперва напишет шестьдесят опер А. Скарлатти, а потом уже шлёпает мягкие места, а покамест обойдётся своим. Ангел же сообщил Жанне и Орасио Скарлатти, что хотя терпение у него ангельское, но он мужчина и не позволит даже Демону в себя что-либо вставить (так и сказал). Словом, группу терзали раздоры.

Впрочем, все – даже мужественный Ангел – сходились в том, что лучшего Демона, чем Орасио, подыскать очень трудно. Сатанинскими были у него и профиль, и разлёт бровей, и рост, а главное – его бас, почти профундо, воистину демонической глубины. Как сказал бы Пристли, у этого человека в прошлом было прекрасное будущее. Ещё о нём говорили, перефразируя известную поговорку: «на детях пращуров природа отдыхает».

Родился он в Ленинграде, испанцем был только на четверть, испанское имя было родительским капризом. Сгубило же его то, что в Союзе к мужеловству (*Мужеловство – это русское слово в переводе на германскую группу языков означает «гомосексуализм». «Мужеловец» – гомосексуалист.*) относились куда хуже нынешнего. Между тем Орасио уже тогда вполне оправдывал прозвище «либераст», данное народом постсоветским либералам. Правда, роль он играл активную и, скажем так, плодил юных либерастов, в результате чего два года отсидел. Сейчас ему было лет сорок. Наконец, был он человеком несерьёзным, склонным к розыгрышам – порой весьма неуместным – во всех творческих коллективах, в кои его заносила судьба. Вот и теперь он уже пару раз запаздывал на репетиции, рискуя по новому для него восточному городу в поисках предмета любви, а также портя отношения с ангельским Шиншиновым. Пока Л. с Жанной и Ангелом ехали за город, в дом-музей Лермонтова, и рассматривали средневековые замки и зороастрийский храм, а князь Гудал с любовью (и Любовью) обходил местные рестораны, поглощая княжеские порции хаша, довгги и пахлавы, Орасио алашил по злачным местам, приглядываясь к местным парням. «Мерзкий город, – супил он брови адского полёта. – Все одеты в чёрное, каждый второй не брит». Жанна сокрушалась, что самая романтическая партия досталась самому вульгарному представителю труппы, а Л. шутил, что Орасио готов отдать пятьсот пятьдесят пять сонат своего предка Д.Скарлатти за такое же количество смазливых юнцов.

Опера ставилась – как уже говорилось, в концертном исполнении, без декораций – в здании кирхи, в высокой готической зале с органом. Занавес скрывал импровизированную сцену. Представление начиналось в семь, и в половине седьмого двор кирхи заполнила публика человек в сто, уже втекавшая в залу и не подозревавшая о панике, царившей за кулисами.

Панику вызвало отсутствие Орасио – домашний и мобильный телефоны молчали, общие знакомые также пребывали в неведении. Под готическим сводом кипели страсти, достойные средневековья.

Маркин, уже вошедший в роль князя, говорил, что зарежет извращенца, и сверкание белых (напудренных) бровей на покрасневшем лице заставляло верить в это.

Иванчук наскоро гримировала трясущегося Л., решившегося заменить содомита и потому спешно демонизируемого. Трясся же он как от бешенства, так и от непристойной роли певца.

Жанна стояла у открытого окна и думала, что жизнь её к тридцати годам грозит обернуться такой же пародией на планируемое, какой обернулся Орасио на лермонтовского героя и своих предков, и не выгоднее ли карьера в провинции, по принципу «лучше быть королевой ада, чем фрейлиной в раю».

В эту же секунду она услышала удивлённые возгласы и поспешила на них.

Тот же возглас издала и она, войдя в залу, – среди изумлённых артистов стояла высокая, внушительная фигура Орасио Скарлатти. Постановка не предусматривала костюмов, но он был в средневековом платье: лукко, в которой изображают Данте, флорентийская тога с прямыми длинными складками, напоминающая римскую, из ткани того же красно-чёрного цвета, что воздух «Ада». «Как-кого чёрта... – пробормотал Л. – Откуда это...». «Великолепно!», вырвалось у Иванчук, тотчас испуганно взглянувшей на Л., но он не возражал, не возражал никто.

Орасио действительно был великолепен. Красные всполохи на чёрном, казалось, знаменовали царство Демона. Лицо его, значительнее обычного и несколько бледное, напоминало о старой Испании, где предок его сочинял свои экзерциции. «Чуть не сорвал...», – начал было ещё не остывший Маркин-Гудал, но князь ада посмотрел на грузинского феодала так, как... да так и взглянул, как князь inferнальный может глянуть на князя земного. «За дело!» – первым очнулся Л., как ему и полагалось по должности.

Вскороности поднялся занавес, и четырёхголосный женский хор зачал оперу. Над землёй парит печальный Демон, дух изгнания, и нет ни в чём ему отрады. Ибо пошлость земная приедается быстро, а райское блаженство приелось ещё раннее.

Мысли Л. шли в двух направлениях зараз: он слушал хор и силился понять, что означает происходящее с Орасио. Последний будто пребывал в некой глубокой печали, казалось даже, что ему не по себе; Л. спросил об этом, получив в ответ лишь небрежный жест, мол, пустое.

Вскоре Орасио стоял на сцене и там продолжил удивлять коллег. Голос был его, но лучше всегдашнего, и появилось нечто ещё, что трудно выразить словами, это был наглядный пример того, как важно певцу прочувствовать текст. Л. же почувствовал, что сейчас не по себе ему самому, и вдруг, как полный психопат, чуть не затрясся от жутки, навеванной на него этим голосом, этой печалью. Он смутился собственной нервозности, кинул взгляд на хористов перед зеркалами и понял, что ими овладело то же чувство. Будто вся труппа на мгновение впала в оцепенение, но секундой позже все кинулись к вернувшемуся Орасио. «Прекрасно, – говорил Л. под шум рукоплесков за занавесом. – Я даже не ждал...» Орасио будто не выходил из роли, являя на лице смесь той же грусти и ещё некой надменности, с которой принимал похвалы. Л. вновь овладело чувство чего-то зловещего, начавшего происходить, но прежде всего он был профессионалом, а не человеком, ибо, если в Союзе говорили «главное, чтоб человеком был», то при капитализме говорят: «хороший человек – это не профессия». И потому дальнейшие распоряжения он отдавал в неподнятом состоянии духа.

В дело вступил мужской хор, также четырёхголосный. Жених Тамары скачет на свадьбу, но он прискачет в царство смерти. Сгубит его дух инферно, Тамару ожёгший алкательным взором, и её погубит также, ещё не ведая того.

Зачин, данный обликом и поведением Орасио, и особенно его арией, воздействовал на всех артистов, хор пел будто бы одушевлённое прежнего. Л. отложил распрос Орасио, решив дать необычному состоянию последнего продержаться до конца спектакля. Сцена Тамары с отцом прошла, как положено, но казалось, что Жанна довольна собою менее Маркина. «После вас всё не то, – сказала она Орасио. – Вы сегодня в голосе, боюсь, Тамара вам не соответствует. Чтобы так петь, стоит отдаться Демону, как лермонтовская княжна». «А вы отдайтесь», – спокойно сказал Орасио. «Хе-хе», – хихикнула Каднова, несколько растерянная от необычной шутки. Орасио лишь улыбнулся, с плавным мановением руки. Он не выходил из роли.

Нет, положительно он сегодня в ударе, думали все, слушая дуэт Демона и Ангела, а когда Демон воскликнул грозно: «Она моя!» – Жанна впала вдруг в состояние, в коем недавно пребывал Л.: ей тоже было жутко, и показалось, что её трясёт. «Нервы шалят», – подумала она, а через минуту уже не знала, что думать, поражённая этим дивом, этой красотой, рванувшей вверх и забившейся в готическом своде, и не смела верить, что это её меццо-сопрано, достойное демонического баса коллеги, и не верилось публике, что человек поёт, не ангелика; она ведь знала, знала, что в ней таится нечто, и теперь это нечто ввергало в трепет присутствующих, в этих двух голосах была битва Рая и Ада, и полем битвы было сердце Жанны. Когда Орасио воскликнул: «Люби меня!» – у неё на долю секунды мелькнула сумасшедшая мысль, что она влюблена в него, в сего бузотёра-мужеловца, что и взглядом, и голосом – Демон. В следующую долю секунды ей почудилось, что Орасио, глядящий ей в глаза, понял это. Только когда дали занавес, она стряхнула с себя наваждение.

«Ядрёна мать! Это мой голос!» Именно столь вульгарным восклицанием она определила свои чувства за кулисами, за что не стоит судить её строго: Жанна, хоть и была романтиком, но выросла при дерьмократии.

«Божественно, – повторял Л., пожимая руки певцам. – Или дьявольски. Мы покорим весь мир. Слушайте, что творится с публикой».

Он уже окончательно простил Орасио маскарад со средневековым платьем. Он прощал уже всё. В эти часы гримёрша и хористки впервые спокойно поворачивались к нему спиной – Л. даже забросил шлепки.

Сцена в монастыре действительно привела слушателей почти в неистовство. Женский хор, следующий далее, выступил на две минуты позже намеченного. Л. написал эту часть в стиле школы «строгого письма», во главу угла поставив благозвучие. Мастерство исполнения подчеркнуло именно это достоинство, со времён Палестрины не возносился к небу столь отлаженный хор ангелиц, казалось, именно сейчас вокалистки прониклись христианством. «Divinita. Или дьявольщина. Вы все великолепны, – говорил Л. князьям земному и преисподнему. – Здесь мало кто способен оценить подобное». «Да, мало, – меланхолично отвечивал Орасио. – Мерзкий город». Маркин и Иванчук слегка улыбнулись, вспомнив причину неприятия этого города темпераментным испанцем. Кстати сказать, Шиншинов в свете происходившего взирал на Орасио почтительней прежнего, и можно было подумать, что ещё немного, и Ангел уступит демоническому напору; впрочем, этого никто не подумал. Да и сам Орасио в тот знаменательный день не располагал к подобным мыслям, недаром позже все вспоминали, что своим видом и поведением выделялся он среди коллег так же, как его исторический костюм на фоне концертных фраков. Только Жанна не вспоминала ничего, а буде могла, то сказала бы, что Орасио выглядел и держался так, будто опера написана и это здание выстроено специально для него.

Л. написал либретто согласно версии лермонтоведа А. Марченко, по которой глава поэмы со спасением Тамары Ангелом написана Лермонтовым вынужденно, из-за цензуры, и она отсутствовала в сочинении Л. Тамара осталась в царстве Демона, благостный хэппи-энд ортодоксального христианства отсутствует. Л. – а согласно ему, и сам поэт – видели *finalita morale* именно в этом. В качестве эпилога мужской и женский хоры комментировали произошедшее, подобно хорам Эллады. Но лучшим комментарием был рукоплескный гром, нёсшийся из залы при выходе всех участников во главе с Л. по окончании оперы. Композитор кланялся, передавал цветы и, благодушествуя, уже за занавесом, даже ответил на звонок с незнакомого номера, чего обычно не делал. Незнакомец сообщил, что Орасио Скарлатти сегодня днём устроил бузу в баре, домогаясь какого-то юношу, ранен ножом и только сейчас пришёл в себя, но ему ещё трудно говорить. Ошеломлённый Л. оборотился к артистам, но Орасио не увидел, да и будь он сейчас здесь, его бы не заметил никто, потому что кричала Любовь Иванчук, указуя окружающим на Жанну Каднову, распростёртую на полу со струйкой крови изо рта. Трупна окружила труп, и странное дело: на секунду певцы застыли вокруг него недвижно, можно было подумать, что они, как на сцене, продолжают излагать происходящее пением. Но этого не произошло – лишь тело Жанны, сей кусок мяса, было отныне во власти земных вокалистов, а дальнейшую судьбу княжны может изложить разве что хор внеземной, и мы прервём своё повествование.

Опубликовано в журнале «Новая Литература» 28.09.2022

ТЕЙМУР ДАИМИ ЖИВОПИСЬ ОЩУЩЕНИЙ

1. Обособленная личность

Он был обособленной или, что то же самое – дифференцированной личностью. Это меткое различительное определение ввел итальянский «черный» барон, философ-традиционалист и тонкий эзотерик Юлиус Эвола. Так он называл редких личностей, которые, живя телом в современном мире со всеми его законами и правилами игры, душой не принадлежали этой действительности, сохраняя аристократическую дистанцию ко всем проявлениям современности. Аристократы духа, включенные в вертикаль природного благородства. Это – об Ашрафе Мураде.

Вспомним время, на которое пришлось его зрелое творчество. Это – Азербайджан середины прошлого века (60-70-е гг.). Тоталитарный режим «развитого социализма». Тогда в изобразительном искусстве доминировал один стиль – стиль социалистического реализма, поощрявший идеологически окрашенный круг тем: нефтяники, рабочие, хлопководы, одним словом, строители коммунизма. Ну и, для разнообразия, под соусом «вечных тем» – безобидные натюрморты, пейзажи и портреты.

В этом индустриально-хозяйственном тренде ярко проявили себя немало талантливых азербайджанских художников, ныне классиков нашей культуры: Таир Саляхов, Микаил Абдуллаев, Беюкага Мирза-заде и др.

Но в это же время существовало и другое, андеграундное искусство, где были свои герои – Мирджавад и Тофик Джавадовы, Расим Бабаев, Горхмаз Эфендиев и некоторые другие. После развала СССР и обретения государственной независимости именно эти художники, творчество которых доселе замалчивалось в официальных СМИ, обрели статус культовых деятелей и стали маяками для последующих поколений азербайджанских мастеров.

К этому радикальному крылу, за которым закрепилось название «абшеронская школа», принадлежал и Ашраф Мурад. Но только формально.

Потому что большинство представителей «абшеронской школы», вопреки социальному заказу на общедоступный реализм, обратились к национальному наследию – ковру, декоративно-прикладному искусству и миниатюре, став разрабатывать мифологические сюжеты, темы азербайджанских сказок, легенд, преданий, фольклора.

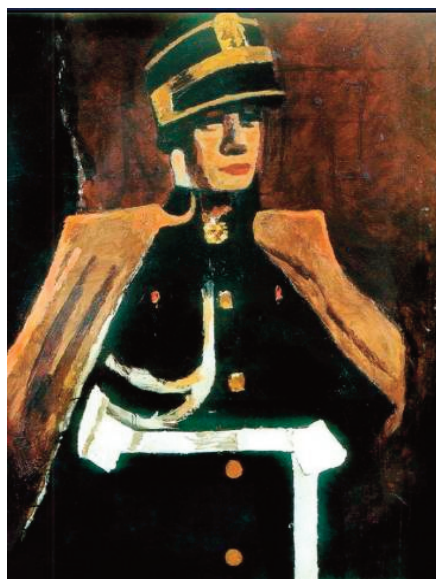
В отличие от них Ашраф творил собственную вселенную образов. Его мир не был связан ни с темами социалистического реализма, с которыми работали официально признанные и обласканные властью художники, ни с экзотической, мифотворческой линией большинства подпольных нонконформистов.

Темы А.Мурада были неожиданными и непредсказуемыми, казавшиеся безумием для многих, даже смелых художников.

Одни названия картин чего стоят: «Наполеон», «Ленин диктует машинистке», «Портрет Н.К.Крупской», «Тегеранская конференция», «Америка. Далекая Канада» и т.д. Этот живописец писал исключительно то, что хотел. Словно ребенок, всецело спонтанный и открытый всем «свирепым» космическим ветрам. Такой подход наблюдается разве что у «наивных художников», у примитивистов, не связанных профессиональными требованиями к ремеслу и прочими условностями институционального мира, например, у Руссо или Пиромани.

Ашраф получил крепкое профессиональное образование, был прекрасным ремесленником. Несмотря на это, поднялся выше внутрицеховых критериев и условностей, сковывающих яркий творческий дух. Он творил, как дышал, не задумываясь о том, кто что скажет, как воспримут его произведения даже близкие по духу люди, или есть ли хоть какая-то логика в выборе тем и сюжетов. Вот захотел написать Наполеона – взял и написал. Не это ли проявление максимальной свободы и внутренней независимости?

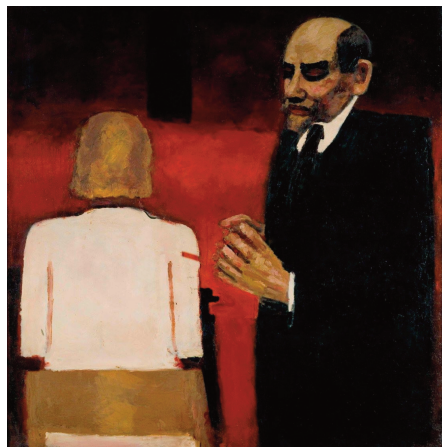
Но к такой свободе и обособленности художник пришел не сразу. В его жизни случилось роковое Событие...

*Наполеон
(1978)*

2. Травма. Поворот

Поначалу жизнь А. Мурада обещала быть весьма успешной, в смысле громкого социального успеха и общественного признания. Судьба благоволила к нему. Завершив учебу в престижном Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина (классы Ю.Непринцева и Р.Френца) и возвратившись в Баку, художник с головой ушел в работу. Он слыл талантливым и перспективным молодым

Ленин диктует машинистке

живописцем, получал выгодные государственные заказы с большими гонорарами. Да, он лихо зарабатывал! Одним из первых в Баку приобрел «мерседес», на котором катались все его друзья, тогдашняя бакинская «золотая молодежь». Был красив, обаятелен, пользовался успехом у женщин, хотя всю жизнь любил только одну-единственную женщину по имени Севиль, и то платонической любовью. Одним словом, жизнь шла в гору «по экспоненте».

И вдруг случается событие, которое, с бытовой точки зрения, однозначно является трагедией. Но, кто знает, может, это была особая инициация судьбы, вырвавшая художника из лап тривиальной, скучной карьеры и вбросившая его в высшие регионы творчества, которые часто бывают отмечены печатью мученичества.

А случилось вот что.

Тегеранская конференция
(1975)

рять эстетические интересы и потребности других. Он стал собою. Обособленной личностью. Тем странным и неповторимым Ашрафом Мурадом, каким и вошел в историю азербайджанской культуры.

3. Изобразить непредставимое. Творчество как этический императив

После жесткой инициации изменился художественный почерк Ашрафа. Реализм, который всегда любит и принимает большинство, ему показался фальшивым. Нет, он не стал абстракционистом. Это было бы слишком просто. Он остался верен фигуративизму. Но это была сложносочиненная предметная образность, подвергнутая мощной энергетической обработке, пропущенная через травматический нервный орган художника. Ашраф пропустил через свой опыт почти все «измы» современной живописи, воспринял самые разные оптики восприятия окружающей действительности. Его часто сравнивали с Рембрандтом, Пикассо, Шагалом, с упомянутыми выше Руссо и Пиромани.

Но я бы сравнил его, в первую очередь, с английским художником Френсисом Бэконом. И по силе экспрессии, и по композиционным находкам, но главное, в самом подходе к живописи. И Бэкон, и Мурад – тактильные живописцы. Звучит странно, не правда ли? Ведь живопись, по определению – оптическое искусство, связанное со зрительным восприятием, с дистанцией, т.е. с фокусным расстоянием от глаз художника/зрителя до изображаемого объекта. Это очевидно, как аксиома, как закон гравитации.

Но вот Бэкон и Мурад, кстати, творившие в один и тот же исторический период, с этой очевидностью не согласились. Каждый по-своему, они провозгласили главным принципом телесность живописи.

Вот, например, натюрморт Мурада «Арбуз». Ломтики арбуза узнаются сразу, но не в них дело. Художник изображает не арбуз, а своё ощущение от него. Мы не просто видим красную мякоть фрукта, но и тактильно ощущаем его сочную плоть, проникаемся запахом и сладким вкусом этого прекрасного творения природы.

Арбуз
(1976)

И даже вспоминаем аналогию литературоведа, философа и алхимика Евгения Головина: «Запах разрезанного арбуза очень похож на запах свежеснеженного снега».

Пейзажи, сюжетные полотна, портреты...

Сюжет и темы у А. Мурада не играют особой роли. Он берётся за любую тему, которая придёт ему в голову. Для него важно не что изображать, а как.

Брутальная разработка поверхности холста.

Деформированные, страдающие формы.

Любовь к черному фону, как к жуткой космической бездне.

Картины действуют не на интеллект зрителя, а на его нервную систему.

Художник визуализирует непредставимое – аффективные состояния, колеблющуюся температуру пространства, неврологическую боль деформированной телесности.

Иногда создается впечатление, что с произведениями А. Мурада можно контактировать с закрытыми глазами, – вы будете кожей ощущать обжигающий вас холод иррационального мира художника-визионера.

О творчестве Мурада можно говорить бесконечно. Но я вижу его колоссальное

значение всё же в другом: в житнетворческом подвиге. Для него творчество и жизнь оказались неразличимы. Всю жизнь он был бездомным, жил и работал в небольшой мастерской. Умер в забвении. Как бы пафосно это ни звучало, но он действительно сжег себя на алтаре искусства. Хотя мог ведь выбрать и легкий путь, такая возможность была. Вот в этом – подвиг. Творчество как этический императив. Тотальная бескомпромиссность.

Речь не идёт о том, чтобы выбирать путь бездомности и бесребренничества, к этому никто не призывает. Здесь суть в самом отношении к творчеству как к этическому подвижничеству, на пути которого возможны колоссальные испытания и потери.

И если этот путь у молодых художников-прагматиков, падких на скорый успех и славу, вызовет ироническую ухмылку и недоумение, – а некоторые ведь могут и пожалеть «несчастливого» художника с незавидной судьбой, – то на них, как творческих личностях, можно смело ставить крест.

Жизнь-творчество Ашрафа Мурада – это чистый, надежный и безупречный ориентир только для тех, кто уже прикоснулся к подлинности внутри себя.

*Герой соцтруда
(1978)*

*Теннисистка
(Симона Синьоре играет
в теннис)
(1973)*

ДАНУТА ХМЕЛОВСКА

ТВОРЧЕСТВО РАФАИЛА ТАГИЗАДЕ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Перевод Гюляр АБДУЛЛАБЕЙЛИ

Отец польской историографии Ян Длугаш отмечал, что первые дипломатические контакты между польским королём Казимежем Ягеллончиком и Узун Гасаном, предводителем туркоманских племён Ак Коюнлу, живших на современных территориях Азербайджана, относятся к 1472 году. Торговые и дипломатические связи между двумя предводителями развивались и в последующие века. В трудах исследователя польской культуры Гюляр Абдуллабековой подчёркивается, что именно эти отношения положили начало связям между двумя государствами с богатой и интересной историей. В XIX веке контакты ещё более укрепляются, прежде всего, как отмечает исследовательница, благодаря общественно-политическим обстоятельствам, связанным с потерей независимости обоих государств. Страны оказались во власти одной империи – царской России – и впоследствии, объединившись, боролись против общего врага. В 1830 году после подавления ноябрьского восстания польские участники восстания были высланы царским правительством в Сибирь и на Кавказ. Именно эти талантливые личности и заложили основы азербайджанско-польских литературных связей. В XIX веке свой вклад в развитие этих связей вносили учёные и писатели обоих народов, находящиеся по разным причинам, в том числе и политическим, в царской России. Литературное сотрудничество активно продолжалось также после Второй мировой войны. Издавались взаимные переводы поэзии и прозы. «Многовековую историю азербайджанско-польских литературных связей условно можно разделить на следующие периоды: 1) азербайджанско-польские связи периода царской России; 2) в советский период; 3) в период государственной независимости.

Благодаря организованным обеими сторонами встречам, фестивалям поэзии, культурным договорам, творческие деятели обеих стран получили возможность более близкого общения, обмена взглядами и опытом.

Среди многих известных современных поэтов Азербайджана достойное место занимает Рафаил Тагизаде, родившийся в 1958 году, лауреат награды Расула Рза (2006 г.), член Союза писателей Азербайджана. Его стихи переведены на многие языки. Он искренне любит польскую поэзию.

«С польской культурой моё знакомство началось с Адама Мицкевича, поэзии лауреата Нобелевской премии Виславы Шимборской, а также стихов Тадеуша Ружевича. Значительную роль сыграла также музыка Шопена. Польшу я полюбил также через фильм «Знахарь», который я видел ещё в 80-х годах. Мне очень понравился этот фильм, и я запомнил актера Ежи Биньчицкого, исполнившего роль главного героя Рафала Вильчура. Впервые я увидел Польшу в 2007 году, во время моей поездки в эту страну. Я увидел Варшаву, польский народ, его культуру. Я познакомился с архитектурой, историческими памятниками, с людьми, и любовь к этой стране стала ещё сильнее», – так говорил азербайджанский поэт Рафаил Тагизаде во время встречи в Варшавском университете в 2011 году с автором статьи Данутой Хмеловской и с писателем и поэтом Анджеем Заневским. «О польской поэзии я узнал от моего, к сожалению, ушедшего из жизни друга, талантливого поэта Адиля Мирсеида. Он подарил мне книгу «Польские поэты» на русском языке. В ней были представ-

лены стихи пяти поэтов: Анны Свирщинской, Чеслава Милоша, Анджея Заневского и других поэтов», – продолжал Рафаил Тагизаде. Рафаил Тагизаде перевел стихи Вишавы Шимборской и Тадеуша Ружевича, а стихи Чеслава Милоша и Збигнева Херберта – поэт Селим Бабуллаоглу. Тагизаде – не только переводчик, но также автор поэм, изданных на азербайджанском языке, которые посвящены польским поэтам. Следует отметить его поэтическое произведение «Десять песен, посвящённых памяти Адама Мицкевича». До этого им была написана поэма, посвящённая любимому композитору Фредерику Шопену – «Сердце Шопена». Поэма была переведена на польский язык. Азербайджанский поэт подчеркивает, что уважает польский народ еще за то, что он всегда боролся за свою свободу и в этом его поддерживает весь мир. В Варшаве много мест, связанных с Шопеном и Мицкевичем. Поляки поставили в центре Варшавы памятник А.Мицкевичу в особо тяжелый период истории их государства. Это всё говорит о большом уважении поляков к своим героям, которые прославили Польшу на весь мир. Рафаил любит Варшаву, которая очаровывает, уносит в грёзы и фантазии. Оглядывая Королевский замок, восхищаясь результатами реставрации, Рафаилу невольно приходят на память слова бывшего посла США в Азербайджане Метью Брайзы: «Уничтоженный, растерзанный Агдам (город Азербайджана, оккупированный армянскими вооружёнными силами в 1993 году в ходе войны за Нагорный Карабах) напоминает мне послевоенную Варшаву». Последний раз Рафаил Тагизаде был в Польше в 2011 году. Он был приглашён на 100-летний юбилей Чеслава Милоша и, как он утверждает, познакомился со многими интересными людьми. Среди них – профессор Варшавского университета Данута Хмеловска, поэт Анджей Заневский. У него были встречи в Институте литературы, а также в Министерстве культуры и национального наследия Польши. За вклад в пропаганду творчества Шопена в Азербайджане поэт был награждён специальным дипломом министра культуры и национального РП Богдана Здроевского.

Представляют интерес о творчестве поэта и об азербайджанской литературе высказывания польского поэта и писателя, известного литературного критика Анджея Заневского, напечатанные во вступлении к книге Рафаила Тагизаде «Избранные стихи», которые будут изданы в Польше в переводе на польский язык Илахи Керимовой-Кецека: «Рафаил Тагизаде – известный поэт и талантливый переводчик, наследник всех тех традиций, которые связаны с тяжёлыми человеческими судьбами, в его стихах мы можем найти мотивы, близкие нам. Судьбы наших народов близки и похожи, их сближают события и даты. А творцы – художники, писатели и поэты – так же, как и читатели и слушатели и здесь, и там, одинаково мечтают и тоскуют, ищут счастья, любви, понимания, их угнетают одиночество и разлука, тоска. Жизнь глубоко внедряется в структуру поэзии, внедряется болезненно и беспристрастно, вынуждая автора к раскрытию тайн, нетерпеливых стуков сердца, слов, произнесённых перед зеркалом, скрытых ожиданий. Поэзия – это особая часть литературы, она словно исповедь перед уходом, полна воспоминаний об исполненных и забытых мечтах и надеждах, отдаляющихся, ускользающих за реальный горизонт...

*Ты, я,
предположения уставшие,
пожелтевшие грёзы
стоят у дверей...
Их не зовет
и не провожает никто...
Снова ты, я и те,
что у дверей надежд
желтеют уставшие.*

Прекрасный, продуманный, великолепно скомпонованный стих... Только эти двери, к которым подводит нас поэт, откроются ли? И от кого это зависит? А может быть, чуть приоткроются? Можно ли доверять разлуке, тоске, неправде? Рафаил Тагизаде оставил меня на распутье...

И это справедливо, потому что каждый имеет свои собственные дороги расставаний, главные места, самые близкие сердцу существа. Появляются нюансы, связанные с биографией поэта... В особой ауре баллады слышится воспоминание о матери, изгнанной из родных мест, сад и девять ореховых деревьев, может быть, срезанных секирой врага. Сегодня только орехи, принесённые с базара, напоминают об этом убийственном эпизоде... И вновь тень матери, день рождения, сокращение жизни, сын-солдат, поздравляющий отца с днём рождения...

*И взорвавшаяся горечь отца,
живущего памятью и тоской по сыну...
Я в теплом доме,
А сына мороз бьет по лицу на границе...
Родила бы меня мать снова
в холодном феврале месяце?*

Интимное, своеобразное произведение, написанное с эпическим упорством... И хотя мы не знаем досконально биографию поэта, предполагаем, что он, может быть, рассказывает о конфликте в Нагорном Карабахе. Мы являемся звеньями длинной цепи поколений, семей, родов, сыну нужны отец и мать, ты и я желаем иметь кого-то близкого, эти желания создают сообщество. Нужно беречь каждую крошку тепла и любви.

Поэтическое искусство Рафаила Тагизаде привлекает современной формой: короткими стихами, привлекающей фабулой, свежестью предложений, экспрессивными метафорами, драматургией описаний... Поэтические предложения прозрачны, сравнения оригинальны, просматривается работа воображения над каждым сюжетом. Читателя поражают далёкие видения, пейзажи, краткость мысли, заключённой в символические образы.

*Сыграй, мой друг музыкант,
сыграй ноктюрн для меня.
Возьми,
уведи меня от меня.*

*Пусть стекают
по пальцам слезы Шопена,
как нежная мелодия.
Этот мир-сладкое виденье,
этот мир-горький сон.
Жизнь-это тетрадь нотная,
что ни страница, то любовью,
надеждой, разлукой и грустью полная.*

*Человеческая жизнь коротка,
подобно ноктюрну.*

Из поэмы «Сердце Шопена»

В Варшаве идет снег

Я одинок в толпе густой.
В городе, язык которого мне не знаком,
я словно немой.
Замерзнет мой взгляд, выглядывающий из окон отеля,
спрячет выпавший ночью снег следы мои.
И только что согретая пара варежек, висевшая в парке Ужасдовск,
будет бросать снег в прохожих веселых польских девушек.
в Варшаве идет снег.
На мерзнувшие ветки деревьев снег ложится слегка,
а нежная тишь покрывает постель чужака.

**10.12.2007.
Варшава**

В музее Солидарности

В музее Солидарности
Бакинское «кровавое 20-ое Января» я увидел.
Храня в душе многолетнюю боль,
новейшую историю Польши
рассказывал пан.
Трагедию, пережитую нами,
пересказывал он.
Черную тень призрака прорывало,
любви к свободе тепло.
Многолетние раны
долгое время заживляло.
Видя солнечные
радостные дни,
радовался пан,
В музее Солидарности,
где истории живой продолжается сон.

**12.07.2007
Гданьск**

Последняя ночь в Гданьске

Улица, покрытая ливнем любви.
Сможет ли кто по улице этой пройти,
Словно из рюмки испить ее свет.
Огнями сияет улица эта,
Как много в ночи этой света!
Жалко спать в такую ночь.

Эта улица не дала мне заснуть,
Ночь не позволила уйти и уснуть.
Господи, пусть улица задумает так,
Чтобы ночи я мог навстречу выйти!
Жалко спать в такую ночь.

*По всей улице сыплются звезды,
Сыплются звезды в ночи.
Пусть насытит меня эта звездная ночь,
Жалко спать в такую ночь...*

*Воды в моря стекаются,
Звезды, мерцая, купаются этой ночью.
В ярком свете луны, светящей,
В берега красоте, блестящей,
Жалко спать этой ночью.*

**12.12.2007.
Гданьск**

В электрическом поезде

*Иногда за миром этим
с поезда окон наблюдаю.
И смотря на него,
с облаками на небе уплываю.*

*В музыке одинокого поезда
звучит колыбельной пародия,
У меня на душе почему-то
чужеземца мелодия.*

*Я не смог прочитать страницу из книги,
что друг подарил в этот раз.
В электрическом поезде Гданьск-Варшава
между морем и окном были мысли,
и надежда, как далекая звезда,
мерцала в зрачках моих глаз.*

**13.12.2007.
Гданьск**

*В чужой стране
в улыбке людей, которых увидел впервые,
я забыл отчужденность.
Улицы Варшавы согрелись,
осветились ранние ночи...
Ты не чужой там,
где забываешь отчужденность.
Язык чужой в улыбке тает,
взгляды, кажущиеся знакомыми,
все так похожи.
В ушах смех,
вписались в глаза силуэты и лица.
Все кажутся знакомыми в городе,
который становится родным,
там, где ты сам не считаешь себя чужим.*

**13.12.2007
Варшава**

МАРАТ ШАФИЕВ

РАССКАЗЫ

Тридцатого февраля

Остановилась как раз под своим постером: «Кого-то ищите?» «Вот пьесы, кому показать? Да и станут ли читать?» «Это к режиссёру. Я покажу». Кабинет заперт, мыкаемся по театру. «Григорий Эмильевич! Знакомьтесь, молодой автор». «Я не принимаю рукописи самотёка». «Пьесы замечательные, потом локти будете кусать». «Откуда вы знаете? Хорошо, хорошо, покажите». «Мавр сделал своё дело». «Ступай с богом, Светочка, не волнуйся, я его не съем. Знают, сердце у меня мягкое, вот и пользуются».

Снова столкнулись на выходе. «Что решили высокие договаривающиеся стороны?» «Приходите через месяц, ничего конкретного». «Я фартовая, встреча со мной – благоприятный знак». «Да, ещё спрашивали про наши отношения, не родственники ли и просили поцеловать вас». «Целуйте, я не против», – замедлив шаг, подставляет румяную щёчку. «Прямо на улице? Люди кругом, все вас знают. Как-нибудь в другой раз». «Как угодно». «А куда мы идём?» «Уже пришли. Дом на Набережной, мой дом. Очень удобно – под боком театра. Замечательный дом, клянусь: актёры живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку».

В капустник нового сезона включили и мою сценку. Из всего корпуса представленного материала – малюсенькая сценка, обидно. Всё равно сидел в зале, аплодировал. Только что актёры страдали, заламывали руки со слезами на глазах; но вот хлынули на фуршет, и весь катарсис улетучился с брызгами шампанского. Светлана, сильно накрашенная, махнула мне рукой с другого конца стола; Григорий Эмильевич принимал поздравления и, перекрывая шум, стуча вилкой по рюмке, провозглашал велеречивые тосты. Соня-гримёрша, жарко дыша мне в лицо вином и духами, кивнула глазами на радостно порхающих кругом соблазнительных гурий: «Беги со всех ног, не обманись золотой мишурой. Современные Джульетты и Офелии мучительно решают две проблемы: где сегодня поесть и с кем трахнуться. А зритель? отнюдь не лучше: он слушает, но не слышит, а если слышит – совсем не то, что надо слышать. Светлана Мухтаровна – наша Светочка – единственный луч в тёмном царстве, тридцатник – какие наши годы! а уже прима. Маяковского и Цветаеву наизусть читает!»

«Светочка, ты такая пьяная и легкомысленная, что тебя опасно одну пускать на ночную улицу». «Нет, нет, я вам не доверяю. Меня молодой автор проводит». Светлана, повиснув на моей руке, залиристо хохочет: «Пьяная женщина лёгкая добыча, но тяжёлая ноша», – редкие прохожие шарахаются в стороны. Мне приятна её близость, веду кружным путём. «Светлана Мухтаровна...» «Но, но! какая ещё Мухтаровна! просто Светочка. И почему «вы»?» «Извини, Светочка. Что для вас, то есть тебя, в актёрской профессии самое главное?» «Зубы, – веселится она, сейчас ей не до высоких материй. – А ты ожидал, я скажу: талант лицедейства или сердце? Нет, я женщина экстравагантная, точнее – экстравакантная. Для актёра главное – дикция, поставленный голос и ещё прямая спинка. – Ноги её заплетаются. – Ну это я сейчас продемонстрировать не способна. А зубы – вот они, все на месте, все настоящие. Не то что у тебя, а ведь ты – мальчишка».

Наконец вскарабкались на её этаж. «А ведь за тобой, Светочка, должок». «Какой такой должок? Все свои долги выплачиваю аккуратно». «И квитанции сохранились? А поцелуй?» «Поцелуй? Не помню, но я тебе верю, если говоришь, значит так и есть. Совсем как у Пушкина, помнишь Сильвио? Но жизнь показывает, отложенный на лучшие времена выстрел вдруг оказываются в недостижимом прошлом». Она обнимает меня за шею и, закрыв глаза, отвечает поцелуем – всё горячее, ошеломительней. То, что она делала губами, языком, было необыкновенно. Так долго, что мы успеваем протрезветь. «Хватит, я же сказала: довольно, спасибо и баста!» «За что спасибо? Это тебе спасибо. Прежде чем уйти, последняя просьба – давай учредим праздник поцелуя. Раз в год в этот день. Клянись. Память штука ненадёжная. – Я достаю записную книжку. – Пиши. Что-нибудь, соответствующее. Дата и подпись. Попалась, рыбка, теперь не вырвешься» «Эх ты, шляпа, следующее 29 февраля только через четыре года», – её неповторимый смех прищемлён захлопнувшейся дверью.

Роман с театром не завязался. Работал в газете, Светлана Мухтаровна вышла замуж, получила заслуженного, я сделал большое интервью. 29 февраля 2020 года засыпанный снегом, с букетиком нарциссов за пазухой пальто, постучался в дверь. «Ты? Проходи. Конечно удивлена, давно не виделись. Какие миленькие цветочки, замёрзли бедненькие. По какому поводу? Праздник поцелуя? Не знаю такого праздника. Раз в четыре года?» «Как ты могла забыть? Как можно такое забыть?!»

«Подожди, я приму душ», – говорит она. В душевой всё и случается. Потом мы в одних шёлковых халатах на кухне курим сигареты. «У меня три слабости: кофе до и сигарета после», – пытается она шутить. – Где эта чёртова бумага?» – и выдрав страницу из моей записной книжки, рвёт её в клочья. «Это ничего не значит. Когда встретимся?» «Боюсь, что уже 30 февраля. Муж получил назначение в Париж, послезавтра улетаю».

Я знаю, что такое рай. Рай – это 30 февраля, когда во всём твоём теле болит удивительная женщина. И льющаяся вода очищает вас, и нет никакого греха. Бог для мужчины является в образе женщины, женщина представляет Бога мужчиной. На самом деле, Бог – есть Одно, без противопоставлений и противоположностей.

Почему я вспомнил эту глупую историю? Сегодня очередное 29 февраля. Я звоню по телефону. Автоответчик её низким и грудным голосом: оставьте, пожалуйста, сообщение. Я даю отбой. Снова набираю номер. Автоответчик. Даю отбой. Звоню.

Где ты, Светочка?!

Кладбище

В пригороде никто не знал и не интересовался – откуда здесь объявилась женщина среднего возраста, словно из касты неприкасаемых – всех сторонящаяся, вырвавшая нору в кладбищенской горе, побирающаяся и прибирающая туалет в парке.

Беженцев в те годы было множество, сочувствовать каждому больше не хватало сил.

Вот и двенадцатилетнего мальчика, застывшего на свежей могиле, старались не замечать. Мальчик, завернувшись в тряпье, ночевал между каменными могильными оградами, копал корешки, ел сырых ужей, предварительно отрубив им головы и содрав кожу, жарил на костре сладковатое мясо бродячих собак и голубей.

Ближе к зиме женщина забрала его в пещеру. Сидя на земляном полу, она наклонила голову подростка к своим коленям, а затем дала пососать пустую грудь. Подросток, смутно догадавшись о сути обряда, отвернул голову и заплакал, одновременно преисполненный стыда и благодарности к женщине, единственно в целом мире его пожалевшей.

Школу он пропускал часто, помогал рабочему хоронить мертвецов, класть ограду, тесать надгробный камень и ступени к ним, всё выше карабкающиеся в гору. От всех заказов оставались лишние кубики, цемент, он потихонечку поднимал собственный дом. Когда же привлечённый весёлыми криками сверстников, выходил за пределы кладбища, его встречали хоровой дразнилкой: «Говнюк, сын говнючки!». Только десятку ребят удавалось свалить его с ног, побить до крови и выбросить из своего двора, но в жестокой драке и ему удавалось кое-кому расквасить нос, выбить зуб, подбить глаз и намять бока.

В конце концов этим непонятным, ожесточённым упорством ему удалось соединиться с этой средой, завоевать право наравне участвовать в играх, а когда отправлялись в горы, то в походах он даже верховодил, ибо только он мог сманить в ловушку щегла или кенара, добыть из расщелины ежа или ужа и открыть в скалистой гряде тайную тропку на обратную сторону мира, где бескрайняя степь ходила серебряными волнами под гудящим ветром и манила ослепительной свободой, но куда детям путь был заказан запретами взрослых.

Махмуд достиг совершеннолетия, в маленькой самостройке, где два матраса стелились впритык, им овладела бессонница – ворочаясь, он то и дело задевал жаркую телом женщину и даже в темноте видел тускло светящиеся тяжёлые, круглые груди и вылезшие из ночной рубашки крепкие ноги. От этого созерцания тело покрывалось гусиной кожей, и из душной комнаты он выбегал в остуживающую прохладную ночь, падая плашмя, вжимался в широкое жёсткое лоно земли и оплодотворял густой спермой, жалея, что горячее семя не живому существу на счастье, а безразличной к жизни и смерти, всё одинаково приемлющей, неразборчивой, никак не насыщающейся жирной земле... А по весне на месте, где пролилось семя, росли неведомые цветы с дурманно-душным ароматом.

Зимой, окован от холода, он взял её силком. Она бешено сопротивлялась, но он знал – никакая она ему не мать, хватка его сильных рук была железной. И теперь она отдавалась ему по нескольку раз за ночь, будто навёрстывала всё недополученное за время воздержания. И не кричала, а выпевала радость так громко и самозабвенно, что в проснувшихся домах на расстоянии в полкилометра шептались о свадьбе шакалов, грозящей бедствиями их курятникам.

Мужчины достали припрятанные ружья и устроили облаву; ступая по отчётливым следам песни, вышли к одинокому домику. Чертыхнувшись, они захотели гурьбой ввалиться внутрь, чтобы удовлетворить своё любопытство, чтобы не оказались напрасными их хлопоты, но увидев толпящихся у двери фосфоресцирующих призраков, бежали прочь, клацая зубами от страха.

Для Махмуда явление призраков не было новостью. Круглые сутки они неприкаянно шастали по кладбищу. С некоторыми, наиболее разговорчивыми, он завёл дружбу, выслушивая удивительные байки. Он разливал водку, возглашая здравницу присутствующим, выпивал по кругу с пластиковых стаканов, вкусно закусывал лавашем и сыром; призраки только принимались, но и у них, вслед за Махмудом, ещё больше улучшалось настроение. Маленькой девочке он подбрасывал мячик, малышка всплескивала руками, но мячик проходил сквозь руки – всё равно какое-то развлечение, ей было неуютно среди озабоченного старого людя.

Старик из самого помпезного, мраморного захоронения, прежде чем поведать тайну, долго к Махмуду приглядывался и прощупывал. Из бывших прокуроров, на чёрной «Волге» выезжающих осуждать, держащих в своих руках, подобно Паркам, человеческие судьбы. В их воле было нити оборвать или плести дальше. Золотые царские червонцы, конфискованные у цеховика-армянина, он зарыл в саду. Цеховику дали минимум, но из тюрьмы он не вышел – прирезали бритвой в бане из-за ничтожного обмылка. Прокурор несколько раз являлся во сне к дочери, но та, видя и признав его, не слышала речь.

Махмуд вычислил дачу, изучил обстановку.

Дочь была замужем за солидным дипломатом, пропадавшем в командировках, их единственный ребёнок – девушка примерно его возраста, – училась в университете, дачу не любила и появлялась редко. Оставался садовник и по совместительству – охранник.

Он попросил помощи у одного из дворовых друзей, уже совершившего тюремную ходку, и тот по-простому, ботая по фене, убедил садовника отказаться от своего места. Дочь не успела удивиться внезапной и беспричинной отставке человека, проживающего у них со времён отца, как возник новый работник, которого старый садовник рекомендовал вместо себя. «Какую ты хочешь зарплату?» – спросила она. «Мне не нужны деньги, только еда и кров». «А зимой, когда нас нет?» «Да, о зиме я не подумал, тогда на ваше усмотрение». Женщине понравился ответ, позволяющий существенно сэкономить на расходах, и Махмуд был принят и питался остатками с хозяйского стола.

Хозяйка следила из-за полуоткрытых занавесок за юношей с обнажённым загорелым торсом, без устали перекапывающим землю и перевозившим тачку с удовольствием. Когда он внёс шампуры с сочным, скворчащим, только что собственноручно приготовленным шашлыком, она преподнесла ему бокал коньяка и, упав на диван, стянула с себя шорты. Он лёг рядом, но она гневно прошипела: «Что ты себе возомнил, ублюдок?.. Целуй сюда», – и похлопала тыльной стороной ладони между своими раздвинутыми тоненькими цыплячьими ножками.

Он хотел было послать её куда подальше, но клад ещё не был найден. Он покорно опустился на колени и провёл языком по пахнущему полынью лону. Она застонала, судорожно дёрнулась несколько раз. Она не позволяла ему освободиться, сжимала его голову коленками, извивалась змей и снова окунала в душный омут. Так продолжалось всё лето и тёплую осень. По первому снегу он достал клад и сделал ноги.

Призрак отца потрясал хилыми кулаками, тянулся прозрачными скрюченными пальцами к горлу, но Махмуд только хохотал: «Что ты грозишься, да как ты отмстишь? Пошёл в ад, старый паскудник!»

Переезжать на новую квартиру Махмуда, поближе к людям, и руководить приобретённой пекарней женщина не соглашалась – она привыкла в одиночестве плыть по воле волн и не соизмерять каждый шаг с общественным мнением. Когда внезапно приспели родовые схватки, она, прежде чем потерять сознание от невыносимой боли, успела вызвать по мобильному скорую. Неестественная ночная фигура указала неверное направление; врачи, еле отыскавшие жильё на отшибе, застали уже два мёртвых тела в луже запекшейся крови.

Мне отмщение, и Аз воздам – внуку прокурора Махмуд обхаживал целый год. Родителям, помешанным на своей знатности, внучка ни в чём не признавалась, а он подарил ей салон красоты и увёз на лето в Адриатику, которая, как в сказке, таилась иголкой в яйце Средиземного моря, которое, в свою очередь, являлось частью Мирового Океана. Лоно её пахло утончённой, еле уловимой фиалкой. По возвращению его арестовали за похищение, он откупился всем состоянием и нисколько не жалел – это справедливо, тем более что-то перепало и зачатому на море его ребёнку.

Пришло время и ему идти на войну. Сторона моя родная – камни да песок, песок да камни; прощаясь с кладбищем, он шествовал вдоль знакомых могил, раскланиваясь с каждым призраком.

Под беседкой привычно медитировал старец. Никогда Махмуд не нарушал его покой, но теперь заговорил. Он просил избавления от проклятого дара, от этой непрестанной многоголосицы, от которого у него ум заходит за разум и рано поседела голова. Всё, что ему хочется – счастливое неведение и маленький островок покоя в житейском океане. Старик его не слушал.

Махмуд ушёл, но вскоре понял – просьба исполнена.

На войне он со своим презрением к смерти, железной хваткой сильных рук сразу попал в разведку. Несколько раз с задором сходил за линию фронта. Но удача не постоянна. Соратники его уже полегли, он с лёгкостью мог ускользнуть в одиночку, но позволил себя окружить – ему захотелось убить как можно больше врагов, когда они поднимутся в атаку, и подорваться последней гранатой. Но враги трусили, вызвали огонь, и дальняя артиллерия утюжила его укрытие.

Когда близко взорвался снаряд, его взлетевшая душа, впадающая в окончательное беспамятство, успела напоследок увидеть поле сражения с обугленными трупами, оторванную руку, не выпускающую автомат, ползущие в гору могилы, по ту сторону горы степь была застроена домиками и торговыми лавками. На земле не осталось свободного места, люди копошились муравьями, налезая друг на друга. Но много места было в пустоте отливающегося голубизной эфира. Страх его исчез, жизни не было жаль, тем более, что в подступившем мраке ему мигал сонм звёзд, спешил на встречу, чтобы поделиться каждый своей историей.

Из какого ты рода?

В начале 1988 года Гулам Амиров (жена Зухра и две несовершеннолетние девочки) обменялся домами с армянином – Гафан на Зангилан. Престарелые родители и старший брат прокляли родича и сгнули в полыхнувшем войной Карабахе.

В октябре 1993 года Амировы – беженцы во второй раз – в слякотном, холодном и тёмном Баку тыкались с жалким скарбом в разные щели, пока сердобольная тётка на улице Энгельса не впустила в свой затхлый, без окон подвал. Временное пристанище стало постоянным.

В небольшом дворике сколотили из досок курятник, кухню, потихоньку расширялись, топча зелень и обламывая деревья.

Пулатовы-хозяева подавали в суд, суд признавал иски, но выселение могло состояться при условии предоставления другого помещения. Откуда в переполненном городе свободное помещение? Позже повсюду выросли высотки (второй нефтяной бум) с редким светом в окнах, но то – частная собственность олигархов. Ленина на них нет!

Дочка Амировых окончила школу, неожиданно для всех (единственно своей силой воли, допоздна просиживая над учебниками) сдала экзамены в институт (учительница младших классов), но на платное отделение. Сумма в 320 манат в год оказалось для семьи неподъёмной (платить надо сразу, не забыть помножить на четыре) – отец охранял и мыл на стоянке машины, мать – дворничиха. Постоянно пьяного отца слёзы только взвинчивали – избив дочь и голосившую жену, он завалился спать, храпя и давясь слюной. А поутру они проснулись... Ирада повесилась на тутовом дереве.

Сороколетний Ахмед Пулатов (разведённый, похоронивший мать) (преподававший в Университете), неслышно живущий над подвалом в хоромаш, оплатил для младшей – в тот год ей исполнилось шестнадцать, – подготовительные курсы. Знойным летом спустился к соседям. Поливающая себя кружкой из тазика голая Севиль ахнула, присела, прикрыла себя крест-накрест руками. Покрасневший Пулатов попятился, споткнулся о порог. Большеглазая худенькая голоногая девочка в вечно штопаном – когда успели случится с ней дивные метаморфозы?

Севиль училась на втором курсе, когда Пулатов сватался. Помолвку сладили сразу, а свадьбу в маленькой компании оттянули до окончания учёбы. Севиль работала в Рукописном фонде Академии наук, родила сына, написала диссертацию «Суфизм Низами».

(Советское литературоведение уходило от темы религиозности Низами, что закрепились в традиции. Но по некоторым сведениям, например, Самарканди в «Шейх-ариф», великий поэт был суфийским шейхом, в «Сокровищнице тайн» открытым текстом заявляет: «Согбенный човганом, как бы для игры, Сам шар, – как човганом, собою влеком, – Пола моя стала мне воротником, – Из ног – голова, голова – мне ногой, Човган – своим видом и шар – круглотой, Как мяч, я ушёл из себя самого...» Човган – клюшка в конном поло, – замечательный символ медитирующего).

Зухра помогала нянчить младенца (я помню её шероховатые ласковые руки, её неустанную, порой надоедливую опеку), лишь старик не переселялся в дом зятя из-за непонятного упрямства.

...Опухшее синюшное тело Севиль в море зацепили сетями рыбаки: связанные руки, во рту – кляп из её собственных трусиков.

И мой несчастный дед, который когда-то пас баранов и на горних кручах (белое облако пышной папахой над головой) распевал мугам, мой никчемный дед, которого в городе никто в грош не ставил, который, как побирушка, не гнушался мелочью и дармовой водкой, мой дед, у которого ни дома, ни дочерей, вдруг выпрямился, всё напряжение, вся тяжесть в нём спали, взвинченная походка плохо пристроенных шарниров стала расковой, рискованной. И никто из насмехавшихся над ним, вытиравших об него ноги не мог теперь ему перечить, выдерживать пристального взгляда, при его приближении шарахались в сторону и старались побыстрее закончить беседу. Одухотворённый постигшей его высокой целью, дед вышел на последнюю охоту. Он шёл от дома к дому, от одного земляка к другому по запаху горячей крови, и ничто не могло остановить его, сбить с толку. (Разбросанное по всем сторонам землячество ещё пыталось поддерживать связи, селиться рядом, родниться. Годы мытарства и бедствий и общей судьбы – странно, мы говорим о судьбе индивидуальной, а она может быть одной на всех, словно судьба устала фантазировать и теперь кроит под копирку).

Хищной птицей дед сужал и сужал круги неспешного, неотвратного полёта, пока в кривых и страшных лабиринтах Завокзального не убил одним ударом ножа молодого парня и не сдался полиции. Был ли тот парень настоящим убийцей или был просто хорошим знакомым мамы ещё с детских лет, я не знаю. Я был младенец, не ступающий пока на ножки, но сказание о деде я слушал от бабушки, наравне со сказками, затаив дыхание. И этот всамделишный герой, чья жизнь наяву пересеклась с моей, намного превосходил всех остальных мифических героев. Был выше даже отца.

Отец – утончённый, хрупкий в костях, белотелый, застёгнутый на все пуговицы, великий молчальник и эрудит – вовсе не воин, монах. Дворянский род хирел и в новом мире был обречён, если только не вспрыснуть в него дикой кипящей крови (Пулатов – видоизменённое от «булата»? не такова ли история всего мира, сыгравшего на понижение: вместо меча – деньги). В отдельном кабинете (роскошный письменный стол, вольтеровское кресло с гнутыми ножками, лепнина на потолке) тесно от книжных стеллажей – почтенные академические фолианты с золотой обрезкой, с толстым переплётом, с пожелтевшими страницами. Мировая литература заканчивалась на Лопе де Вега, Данте, Шекспире.

Я чуть не повторил его судьбу – лопухий, шепелявый, в детстве страдал от насмешек детворы, в одиночестве книги долгое время оставались моими единственными друзьями.

Я не пишу рассказ, не выстраиваю сюжет, я пытаюсь поймать за хвост птицу Истины. Kimlərdəndir? из какого ты рода – не люблю этого вопроса. Думающий то на русском, то на азербайджанском – кто я? Ераз? Татарин? Гражданин мира? Предтеча неизбежного глобализма? которому уже неинтересны этнические разборки. Вот ведь и на передовом фронте русского языка оказались чуваш, узбек и еврей – куда же без еврея? («И осетин Кенжеев» – по электронной почте добавляет Нодар).

Если Земля – общая Родина, почему я не могу ступить на землю предков? (В Загнезуре имели огромный сад, в котором не переводились плоды и певчие птицы. Коровье молоко сбивалось в масло, сметану, сыр, творог, отвозилось на базар, но всё равно его было так много, что выливалось на землю – поистине молочные реки и кисельные берега. Если и был рай, то он был здесь. Но рай превратился в ад). Через 7,8 млрд. лет температура на Солнце достигнет 100 миллионов градусов, начнётся неуправляемая термоядерная реакция синтеза углерода и кислорода из гелия. Сначала Солнце выжжет всё вокруг, а потом потеряет массу и угаснет. Вот какую мысль разрешить надобно. А мы всё топчемся на месте, в технологическом средневековье. Не от этой ли смятённости – мой пессимистический символизм?

«Генацвале, почему так долго не приезжал?» «А у вас поэтические Фестивали редко проводятся». «Зачем Фестиваль, так приезжай», – добрая старушка тянулась к нему на носках, и он с удовольствием целовал её дряблые щёки. Радость этого семейства от новой встречи была неподдельной, и благородный стол с аппетитной снедью, после которого в доме хоть шаром покати – тоже тому свидетельство. Мать и жена Нодара – Медея затянули песню. Нодар пытался переводить, но Этибар качал головой. То, что он не понимал слов, только усиливало печаль, не хотелось, чтобы у красивой песни оказался самый обыкновенный, непоэтический смысл.

Как Пушкин или Лермонтов, я стою на круче. Тбилиси представляется праздничной вечнозелёной ёлкой, водружённой на прочной крестовине. Продольную основу крестовины образует пенистая Кура, стиснутая каменными ладонями гор, поперечную – мост, соединивший Метехский замок и Старый город. Ёлка тянется ввысь всеми ветками: пчелиные соты кварталов, многобалконные дома, горбатые улочки, обрывающиеся ступенями лестниц, и сияет золотыми игрушками-церквушками в остроконечных шлемах. Нодар смахивает снежок с мраморного надгробья Нины Чавчавадзе («Но зачем пережила тебя любовь моя?»), кладёт бледные трепетные фиалки. Всю жизнь Нодар пишет одну и ту же картину – портрет любимого города, в своей вечности такого разного в разном настроении, в разные времена года, при разном освещении. Устойчивые/настойчивые метафоры, как у Гомера, кочуют в этом мега-тексте.

«Что такое «генацвале»?» «Душа моя. Но боюсь – слово старше самой Грузии. Знаешь хеттскую химеру? с головой и торсом женщины, телом льва и хвостом в виде раскрывшей пасть змеи. «Ген» – означало женщину, «ац» – змею, «вале» – льва. Вот ты, Этибар, говоришь о беспредельном одиночестве человека во Вселенной. Но тронь перегнутой, невидимый корешок – сразу отзовётся по всему целому, и дерево вздохнёт... Стихотворение, которое ты читал вчера со сцены...»

«Дон Киши Бакинский в восемь утра хлебает с разваренным куском жирной баранины проперчённый хаш, нейтрализующий действие водки. Разбрасывая кругами «салам», важно шествует в школу, сопровождая малышей. Открыв магазин, даёт указание работнику, торгуется из-за копейки и в чайной громко стучит костяшками – пока пятничный призыв азана не схватит его арканом за горло. Слезный дождь обильно смачивает серебристую бородку, по полноводным каналам плывут корабли Отчаяния и Надежды. В темноте, не нащупав выключатель, спотыкается о стулья и рассыпает по полу янтарные карамельки, гладит волосы посапывающих во сне детишек, пинком будит жену и сеет, сеет семена – удивляясь, на смрадном навозе вырастают чистейшие лилии».

Пародии

Гвозди Понтия Пилата

...тащу куда-то на себе свой крест.

*Ещё не скоро Понтиям Пилатам
меня гвоздями на кресте распять.*

Аладдин Ягубов, «Перевал»

**Взвалили крест. Не понесу
я прямиком к Голгофе:
плутаю в сумрачном лесу,
в фонтанном Петергофе.**

**От тяжести я стал горбат,
с крестом зайдёшь ли в гости?
Напрасно ждёт меня Пилат,
перебирая гвозди.**

Последняя слабость

*Я уснул от горестных раздумий
В пиджаке, хотя и без трусов.*

Эльдар Зульфугарлы, «Нетрезвый сон»

**Я был хорошим королём
и запретил декретом
войну, сжиравшую огнём
страну одномоментно.**

**Весельем брызнул карнавал,
но не продлился долго –
я всю казну толпе раздал,
пиджак оставив только.**

**И с голым низом на ветру –
простите уж скабрёзность, –
бреду у мира на виду
дорогой звёздной, крёстной.**

**Не тяготит меня нужда,
я свистом сыт синицы –
прости мне, бог, один пиджак
из пёстренького ситца.**